

ОТТО СКОРЦЕНИ

СЕКРЕТНЫЕ ЗАДАНИЯ РСХА

Анонс

Отто Скорцени — родоначальник нацистских коммандос. Прежде всего, очень сложно найти как в реальной жизни, так и в художественной литературе более невероятные приключения, чем те, что выпали на долю этого офицера СС личности, к счастью союзников-англичан и американцев, так и не сумевшей реализовать себя до конца. Освобождение Муссолини и занятие Замка на Горе в Будапеште сделали бы честь героям Дюма и гангстерских романов тридцатых годов. Редкий кинобоевик содержит столько приключений, сколько их пережил Скорцени, выполняя секретные задания в разных странах Европы. Во-вторых, редко когда человек, не занимавший каких-либо значительных постов в иерархии государственной власти, в армии, играл такую роль в истории второй мировой войны. Скорцени, один из сотен тысяч обычных немецких офицеров, на какое-то время сковал действия целой армии, союзников! И вместе с тем Скорцени не герой "в чистом виде", — это самый настоящий эсэсовец, фанатично преданный фюреру и рейху. И это третья причина, по которой мы взяли за публикацию его мемуаров. Феномен Скорцени кристаллизация духа национал-социализма в самой опасной и заразной форме.

РОЖДЕНИЕ КОММАНДОС

Вот уже больше года, как я был не у дел. Ослабевший после дизентерии, подхваченной в последнюю русскую кампанию, я смирился с приговором врачей, признавших меня негодным, во всяком случае сейчас, к службе в боевых частях. В должности военного инженера я прозябал в тыловой части под Берлином. Когда осенью 1942 года я узнал, что дивизии СС будут превращены в танковые, то направил рапорт с просьбой разрешить мне пройти курсы танковых офицеров. Затем мне удалось получить назначение в 3-ю танковую дивизию СС. Вскоре, однако, новый приступ дизентерии показал, что мое состояние не позволяет выдерживать чрезмерные нагрузки. После нескольких недель, проведенных в госпитале, я был снова отправлен в свою берлинскую часть. К счастью, ненадолго. В начале апреля 1943 года я был вызван в Главный штаб войск СС. Там один из высокопоставленных офицеров сообщил мне, что требуется офицер с хорошим техническим образованием для организации "специальной части". Чтобы уточнить задачу, которую собирались поставить перед этим подразделением, мой собеседник коротко обрисовал схему различных спецслужб, собранных под крылом абвера (секретная служба вермахта). Так я первый раз прикоснулся к совершенно секретной области, о которой знали только посвященные. Надо сказать, что я имел о ней самое поверхностное представление. Чтобы вам стал понятен круг проблем,

которыми я должен был отныне заниматься, расскажу об общей структуре этой организации. Абвер подчиняется непосредственно Верховному командованию армии. Он состоит из трех служб. Первый отдел занимается собственно военной разведкой Второй отдел активно действует только в военное время. Он занимается подготовкой и проведением диверсионных и террористических актов в тылу противника, а также осуществляет мероприятия по деморализации войск врага посредством соответствующей пропаганды. Третий отдел ведет контрразведку, то есть организует борьбу против шпионов и диверсантов противника в собственных тылах. (Я допускаю, что слова "шпионаж", "террористический акт" и "диверсия" кажутся пугающими и отвратительными многим обывателям, поэтому должен напомнить, что подобные службы, хотя бы и замаскированные под разными благозвучными названиями, существуют во всех странах. В настоящее время все великие державы вынуждены содержать свою "Интеллидженс сервис" или, как это скромно называют французы, "Второе бюро".) В начале войны Верховное командование создало в подчинении руководителей секретных служб ударный батальон "Бранденбург". Мало-помалу этот батальон вырос и превратился к январю 1943 года в штурмовую дивизию "Бранденбург". На это соединение были возложены задачи по проведению некоторых секретных операций, в том числе разрабатывавшихся службами безопасности. Вокруг этих операций висела такая плотная завеса секретности, что большинство населения не знало даже о существовании этой дивизии. Но вот уже почти год, как Главное командование войск СС решило создать вторую подобную часть; она получила кодовое название "Специальный учебный лагерь Ораниенбург". И руководство СС искало офицера, обладающего знаниями по всем военным специальностям, а также разбирающегося в технике, чтобы поручить ему возглавить это подразделение и ускорить его подготовку. Этот пост и был мне предложен моим собеседником. Я сразу же представил себе все последствия этого назначения. Приняв неожиданное предложение, я решительно покончу с обычной военной жизнью, чтобы занять особое место, которое предназначено не для всех. Мне пришел на память девиз Ницше: "Жить надо в опасности!" "Может быть, в этом качестве я смогу послужить моей родине наиболее эффективным образом в момент, когда Германия вступила в тяжелый и жестокий период своей истории", — подумал я. Это последнее соображение в конце концов, вероятно, и повлияло на мое решение. Я принял предложение, оставив за собой право на отставку, если моих возможностей и способностей окажется недостаточно для такой деликатной миссии. 20 апреля 1943 года я получил новое назначение вместе со званием капитана запаса. Перед тем как приступить к своим обязанностям, я был представлен шефу отдела политической разведки службы безопасности генералу СС Вальтеру Шелленбергу. Это был еще достаточно молодой человек, весьма элегантный, казавшийся очень любезным. По правде говоря, я не очень много понял из его объяснений. В конце концов, я только что переступил порог области деятельности, с которой до этого был совсем незнаком. Я понял только, что подразделение, которым мне предстояло командовать, должно было быть готовым совершать рейды по тылам противника и что первая группа уже готова к отправке. Вот о чем шла речь. Нефтедобывающие районы Южного Ирана были оккупированы почти с самого начала войны английскими войсками; в то же время север страны находился "под защитой" нескольких русских дивизий. С другой стороны, союзники максимально использовали иранские железные дороги для перевозки в Россию все возрастающего количества военного снаряжения. Особенно это относилось к США, которые с момента вступления в войну, 11 декабря 1941 года, своими массированными поставками значительно укрепили способность Советского Союза

к сопротивлению. Это в общих чертах было уже мне знакомо, но только теперь я понял, в каких гигантских объемах выражалась эта помощь. Я стал отдавать себе отчет в чрезвычайной важности помощи союзников для России. Тогда передо мной ставилась задача перерезать или по крайней мере постоянно угрожать этим путям сообщения, атакуя их прямо в центре страны. Шелленберг надеялся достичь этой цели, оказав поддержку мятежным горным племенам, которые отказывались подчиняться центральному иранским властям. Небольшие, специально подготовленные группы немецких солдат должны были снабжать оружием восставшие племена кашгайцев и других мятежников и работать с ними в качестве инструкторов. На месте они будут принимать по радио приказы, указывающие, по мере развития событий и в зависимости от необходимости и возможностей, цели для атак. Уже несколько месяцев два десятка человек из "Специального лагеря" — это временное наименование моего будущего подразделения — изучали под руководством иранского инструктора персидский язык. Кроме того, каждой группе будет придан иранец, который станет сопровождать солдат, когда они отправятся на операцию. Первая команда была в целом готова, и оставалось только получить сигнал от немецкого агента, находившегося, естественно, нелегально, в Тегеране. Для маскировки этого предприятия секретные службы дали ей название "операция "Француз". Место приземления парашютистов — берег соленого озера юго-восточнее Тегерана. Группа в составе двух офицеров, трех унтер-офицеров и одного иранца ждала приказа на вылет. После бесконечных переговоров с Люфтваффе 200-я истребительная эскадрилья согласилась предоставить в наше распоряжение один "Юнкерс-290", единственный немецкий самолет, обладавший необходимым радиусом действия. Пришлось до килограмма рассчитывать вес снаряжения, чтобы самолету хватило топлива на полет туда и обратно. Только тот, кто участвовал в подобных предприятиях, знает, сколько раз надо взвесить, изменить, снова просмотреть каждую деталь, каждую позицию из списка снаряжения. С какой тщательностью надо отбирать каждый предмет: оружие, одежду, боеприпасы и продовольствие, взрывчатку и плюс ко всему подарки вождям мятежных племен. Что касается последних, я всегда с ужасом вспоминаю, как лихорадочно искали мы охотничьи ружья с серебряной инкрустацией и пистолеты с золотыми орнаментами на рукоятках! Местом старта был выбран аэродром в Крыму. К несчастью, взлетная полоса была так коротка, что потребовалось еще облегчить самолет, естественно за счет снаряжения. Затем несколько дней ждали благоприятной погоды, с безлунной ночью, чтобы без проблем пролететь над русской территорией. Когда наконец наступил момент отправки, снова оказалось, что самолет слишком перегружен, поскольку к тому времени ливневые дожди размывали и привели в негодность взлетное поле. В который раз мы вынуждены были отказываться от части снаряжения. Но было принято решение позднее послать дополнительный самолет, который сбросит на парашютах все, что не смог взять первый. Наконец все готово. На этот раз взлет состоялся. Через четырнадцать часов тревожного ожидания мы получили первое сообщение, что наши люди благополучно приземлились, живые и здоровые, на иранской территории. Наступило лето 1943 года. Положение на различных театрах военных действий было неблестящим. Это я мог почувствовать, даже не читая сводок, ибо на каждом этапе организационной работы я наталкивался на упорное сопротивление чиновников. Ни одна из служб, к которым я обращался, не спешила предоставлять в мое распоряжение людей или необходимое оборудование и снаряжение. Все приходилось буквально выдавливать по капле. Вначале группа, заброшенная в Иран, добилась кое-каких результатов, по правде сказать, достаточно скромных. Им удалось установить связь с отрядом мятежников и выполнить несколько мелких

диверсий в пределах своих возможностей, которые, правда, были не очень значительны, поскольку нам не удалось отправить им обещанное подкрепление. У нас не было достаточного количества самолетов "Юнкерс-290" — это единственный немецкий самолет, способный выполнить такой полет без промежуточной посадки. Между тем, "Специальный лагерь Ораниенбург" сформировал вторую группу в составе шести солдат и одного офицера. В последний момент их отлет задержался из-за аварии самолета при разбеге. Аварии, ниспосланной провидением, как мы узнали на следующий день. Один из наших агентов в Тегеране неожиданно появился в Турции после скоропалительного бегства. Из Константинополя он сообщил — и вовремя, — что наша разведывательная сеть в Тегеране разгромлена, все агенты арестованы. Ему одному удалось спастись. В этих условиях было бы безумием посылать вторую группу, которая попала бы в полную изоляцию, без всякой связи с Тегераном или с первой группой. Поэтому нам пришлось отказаться от продолжения операции "Француз". К тому же через некоторое время мятежные племена прекратили вооруженную борьбу и сложили оружие, предоставив нашим солдатам выбор: остаться с ними или уйти. Но для наших людей, не владеющих местным языком в совершенстве, добраться до границы с ближайшим нейтральным государством — Турцией — было безнадежным делом. Вскоре предводители мятежников были вынуждены выдать немцев английским войскам. Перед угрозой плена один из офицеров покончил жизнь самоубийством, другой, вместе с тремя унтер-офицерами, был интернирован в лагере на Ближнем Востоке. Эти четверо вернулись в Германию только в 1948 году.

В конечном счете операция "Француз" закончилась провалом. Но я должен сказать, что в то время другие задачи казались мне более интересными. Однажды техническая служба VI отдела предоставила мне для ознакомления планы, касавшиеся промышленного развития СССР. Так как нельзя было найти никаких сведений об этом ни в прессе, ни даже в работах по географии или политической экономии, этот ворох статистических выкладок, карт, планов и т.п. меня особенно заинтересовал. Сотрудники VI отдела выработали и план под кодовым названием операция "улбм" — диверсий, который предусматривал нападение на некоторые оборонные заводы и их полное или частичное уничтожение. Я сразу же понял, что есть возможность значительно ослабить промышленный потенциал врага, и эта цель может быть достигнута силами всего одного хорошо подготовленного и умело действующего подразделения командос. Но в то время у нас такого еще не было. Организационный этап в создании моего подразделения был еще далек от завершения, и я сознавал, что мне самому надо еще многое узнать.

Я УЧУСЬ

Перед тем как принять на себя командование новым подразделением отдела политической разведки, я погрузился с головой в довольно специфическую работу: стал изучать все сообщения и доклады, касающиеся деятельности британских

коммандос. Еще в России я увидел, что можно извлечь полезные уроки, критически осмысливая действия противника. Почему нельзя воспользоваться этим методом и в моем нынешнем положении? Признаюсь, я был буквально поражен, изучая операции британских "специальных подразделений", находившихся под командованием лорда Маунтбеттена. Доклады о их дерзких вылазках открыли мне совершенно новые перспективы в нашей деятельности. Было совершенно очевидно, что пресловутая "Интеллидженс сервис", всегда окруженная завесой таинственности, с самого начала войны значительно активизировала свои действия. С другой стороны, я внимательно прочитал рапорты об операциях нашей дивизии "Бранденбург". Мне сразу бросилось в глаза, что это соединение имело в своем распоряжении средства гораздо более скромные, чем у противника, но это обстоятельство не мешало, однако, часто достигать замечательных результатов. Последующий анализ того, что я смог узнать, корпя как каторжник, — по крайней мере в течение двух недель я прочитал, перечитывая и делая выписки, горы документов, — дал мне уверенность, что командование подразделением коммандос предоставит мне великолепную и неожиданную возможность внести мощный вклад в победу Германии. Наши противники не больше нас могли защитить все огромное пространство своих тылов. Нашей задачей было определить среди жизненно важных центров врага те, которые немногочисленные, но хорошо подготовленные и решительно действующие специальные разведывательно-диверсионные подразделения могли подвергнуть нападению с разумным и немалым шансом на успех. Тогда, при соответствующей тщательной подготовке каждой операции и при наличии необходимых средств, мы могли бы достичь важных результатов. С другой стороны, эта задача мне казалась тем более увлекательной, что до сего дня военные усилия Германии почти не обращались к этому направлению. Именно в те дни я окончательно решил принять на себя руководство подразделением коммандос, существующим или вновь создаваемым. До меня "Специальным лагерем" командовал голландский капитан, член СС. Командирами отделений единственной роты были солдаты, прекрасно знавшие свое дело, приобретающие свой боевой опыт в течение нескольких лет войны, — это были люди, на которых я мог положиться. У меня была базовая команда, вполне достаточная для начала работы. Напротив, что касается учебного курса и тренировочных занятий, мне не хватало опытных инструкторов. На помощь пришел случай. Во время одного из визитов в штаб-квартиру отдела политической разведки я встретил там своего старого товарища, руководившего одним из подразделений СС, Карла Радля, который сразу же принял мое предложение помочь в формировании новой части. Он также представил мне двух офицеров, только что прибывших в распоряжение VI отдела, от которых я легко добился согласия перейти ко мне. Затем я энергично принялся за работу. Я получил приказ развернуть "Специальный лагерь" численностью до батальона. Кроме того, главное командование войск СС поручило мне организовать новый ударный отряд, батальон "Фриденталь". Благодаря хорошим отношениям с офицерами многих" армейских частей мне удалось быстро собрать под своим командованием достаточное количество офицеров, унтер-офицеров и солдат, чтобы сформировать второе подразделение. С другой стороны, мы нашли идеальное место для расположения нового подразделения. В местечке Фриденталь, недалеко от Ораниенбурга, среди гигантского, постепенно возвращавшегося в дикое состояние парка тихо дремал небольшой замок времен Фридриха Великого. Просторные поля в его окрестностях также прекрасно отвечали нашим потребностям. Я сразу же приступил к организации тренировочных полигонов и постройке казарм, складских помещений и других необходимых построек. Претворение в жизнь

разработанных планов — замечательное занятие. Напротив, бесконечные демарши, которые приходилось предпринимать, чтобы буквально вырывать в различных конторах и службах средства для осуществления этих планов, почти сводили на нет всю работу. Вынужденный драться с пресвятой Администрацией и ее апостолами, этими канцелярскими крысами, я приобрел даже некоторый опыт в этой невидимой миру войне. В конце концов я стал даже находить в этих лабиринтах выходы. Но, должен признаться. Карл Радль намного превзошел меня в этом искусстве, став настоящим асом в этом трудном, неблагодарном деле. И вот утверждена программа обучения и тренировок. Сделано большое дело. Я приступил к подготовке личного состава нового подразделения, настолько полной, насколько было возможно. Нашей целью было настроиться на выполнение любого задания в любой точке земли. Каждый солдат проходил сначала обычную подготовку солдата пехоты, затем он должен был освоить, более или менее подробно, навыки гранатометчика, артиллериста полевого орудия, танкиста. Естественно, все должны были уметь водить не только мотоцикл или автомобиль, но также катер и даже паровоз. Плюс к этому я зарезервировал много времени для занятий спортом, в частности плаванием. Кроме того, мы организовали краткосрочные курсы парашютистов. Одновременно в специализированных классах проходили подготовку люди, отобранные для особых операций. Они изучали иностранные языки и в общих чертах — тактику нападения на промышленные объекты противника. В то время я считал нашей главной задачей борьбу против Советского Союза, с одной стороны, и против англо-американского присутствия на Ближнем Востоке, — с другой. К сожалению, я не отдавал себе достаточного отчета в том, что шел уже 1943 год, то есть уже четвертый год войны. Возможно, я инстинктивно гнал от себя эту мысль, стараясь сконцентрироваться только на достижении ближайших результатов, которых еще можно было достигнуть, постоянно говоря себе, что выражение "слишком поздно" не должно фигурировать в словаре солдата. Никогда не поздно осуществить важную операцию. Чем меньше времени нам отпущено, тем быстрее мы должны готовиться... Вот и все.

НАШИ АНГЛИЙСКИЕ "ДРУЗЬЯ"

Перед самым моим назначением служба политической разведки уже начала организовывать в Голландии разведкурсы. Эта несколько необычная школа располагалась в имении одного голландского аристократа. Там готовились в основном радисты и диверсанты. Однажды, оставив мою работу в Фридентале, я отправился туда. С первого взгляда я понял, что они работают более масштабно, чем мог позволить себе я в Германии. Учебным центром руководил полковник секретных служб. Неудобство для меня состояло в том, что, хотя он не служил в регулярной армии, звание у него было гораздо выше моего. К счастью, он сразу же сам предложил перейти под мое командование. Почти все, что я узнал в эту поездку о деятельности наших контрразведывательных служб, было для меня новым. С другой стороны, я смог воочию представить себе ту активность, с которой союзники, особенно англичане, действовали в этом направлении. Каждую ночь скоростные самолеты пролетали над оккупированной нашими войсками территорией Франции, Голландии, Бельгии, сбрасывая парашютистов, шпионов и диверсантов, а также оружие, радиостанции, взрывчатку и снаряжение для уже

действующих агентов. По оценкам наших спецслужб, почти пятьдесят процентов вражеских агентов попадали в плен через несколько дней или даже часов после приземления. Кроме того, 75 процентов снаряжения, сброшенного на парашютах, регулярно оказывалось в наших руках. Я попросил и получил разрешение собирать эти трофеи, и теперь наши враги любезно приняли на себя заботу о снабжении моего подразделения необходимыми материальными ресурсами. Этот не очень дорогостоящий метод я рекомендую взять на вооружение всем будущим командирам отрядов командос. Я ознакомился и с многими рапортами, сделанными на основании результатов допросов арестованных английских агентов. Изучив их ответы, я смог уяснить огромную пропасть нашего отставания в этой области, которую нам предстояло преодолеть. Меня особенно интересовали методы формирования и подготовки специальных подразделений, применявшиеся нашим противником из-за Ла-Манша. По моей просьбе, при допросах на этом было сконцентрировано внимание, и вскоре я обладал ценной, достаточно подробной информацией. Так мы узнали, что большинство разведывательно-диверсионных школ английских секретных служб находятся в Шотландии, в запретной, тщательно охраняемой зоне, где они были искусно разбросаны по изолированным усадьбам. Многие арестованные агенты добровольно рисовали нам детальные планы этих мест и подъездных путей к ним. С другой стороны, мы теперь знали британские программы обучения и подготовки и имели представление, в каком направлении нам работать. Там же, в Голландии, я познакомился с несколькими так называемыми двойными агентами. Некоторые наши пленники — люди, для которых деятельность секретного агента была только возможностью заработать на кусок хлеба, легко позволяли убедить себя "сменить форму" и работать в качестве секретного агента против своих бывших хозяев. Этот факт — гораздо более распространенный, чем об этом думают, — убедил меня в том, что действительно важные и опасные задания необходимо поручать только добровольцам. Совершенно очевидно, что искренний энтузиазм и готовность рисковать жизнью за правое дело, за честь родины находятся среди основных слагаемых элементов успеха, который при отсутствии этих двух побудительных причин становится проблематичным. От наемника, подсчитавшего стоимость своей шкуры, нельзя ждать нерушимой преданности. Редкие исключения, которые я знаю, скорее подтверждают это правило, чем опровергают его. Во время этой поездки я также узнал, что голландское отделение нашей секретной службы установило с нашими английскими "коллегами" замечательные отношения по радио и вели настоящую "радиоигру". Нашим службам удалось овладеть дюжиной радиопередатчиков, сброшенных на парашютах, и, что особенно ценно, шифрами, позволяющими читать и кодировать сообщения. С помощью агентов, для которых эти передатчики и шифры были предназначены, мы установили регулярный диалог с Англией. По полученным таким образом сведениям была уже обнаружена целая подпольная сеть сопротивления, состоявшая из нескольких сотен голландцев. В настоящее время эта организация не проявляла никакой активности, поэтому было решено отложить аресты в надежде, продолжая нашу игру, достичь более существенных результатов.

Помимо прочих сведений, пленные агенты сообщили нам, что в английских спецкодах используются для тренировок в стрельбе бесшумные револьверы. В Германии до сих пор не производился этот вид оружия, и нам не удавалось получить его образец в "посылках", попадавших в наши руки. Мне в голову пришла дерзкая мысль: а если воспользоваться нашей "радиоигрой" и просто попросить прислать один такой револьвер? Наше голландское отделение сразу же изъявило готовность передать этот "заказ". Через две недели, когда я снова приехал в Гаагу, мне действительно передали образец этого оружия, револьвер калибра 7.65, несколько примитивной конструкции, что, возможно, делает его более надежным и менее подверженным капризам механизмом. Если бы он был только более совершенным! (Получилось, что после получения радиogramмы, посланной от имени агента по кличке Клад, англичане прислали револьвер (естественно на самолете), а нашим службам удалось перехватить груз, в котором он находился.) Я немедленно провел испытание, выстрелив прямо в раскрытое окно нашей голландской конторы, по стае уток, прогуливавшихся вдоль канала. Я мог засвидетельствовать, что выстрела почти не было слышно — на улице никто из прохожих даже не повернул голову. Среди снаряжения, которое английские самолеты регулярно сбрасывали на территорию Франции, Бельгии и Голландии для своих агентов и отрядов сопротивления, были и пистолеты-пулеметы "стэн". Едва увидев это оружие, я был буквально поражен простотой его конструкции, позволявшей — и это было совершенно очевидно — быстрое его изготовление и надежную работу. По нашим сведениям, у англичан имелся "глушитель" и к этому автомату, но они еще держали его в строгом секрете. Обстоятельство, которое, конечно, только подстегнуло меня, и я решил попробовать добыть в свое распоряжение это таинственное оружие. Но как что сделать? На этот раз наша милая система "заказов по радио" не сработала. Или англичане что-то заподозрили, или они решили придержать секретное оружие в резерве. По случаю я узнал, что один голландский капитан должен вот-вот отправиться в Англию с другой секретной миссией. Он должен был на небольшой яхте достичь сначала Швеции, а затем направиться в один из шотландских портов, где ему предстояло принять почту для английских агентов, работавших в Голландии. По моей просьбе, ему поручили дополнительно, если будет возможность, попытаться получить от английских военных и один глушитель для автомата "стэн". Благодаря этой уловке я, к своей радости, в конце июля 1943 года уже держал в руках образец этого устройства, первого из попавших в Германию. Перед моим мысленным взором пронеслись сцены бесшумного боя, в котором можно было использовать это оружие. Группа в тылу врага, вооруженная автоматами с глушителями, могла избежать потерь при непредвиденной встрече с патрулем противника, она не рисковала — при стрельбе — привлечь внимание других вражеских подразделений, которые могли прийти на помощь. Я был убежден, что любой солдат диверсионного отряда или просто армейской разведгруппы должен иметь подобное оружие. Но руководство лаборатории вооружений в Берлине было другого мнения. Вернувшись во Фриденваль, я показал этот глушитель нескольким высокопоставленным офицерам; чтобы придать демонстрации особо яркий характер, я разыграл маленький спектакль. Пока мы прогуливались по парку был уже поздний вечер, — солдат, который шел за нами в отдалении, выпустил несколько очередей в воздух, опустошив целый магазин. Надо было видеть удивление ошеломленных офицеров, когда я показал им гильзы, усеявшие землю. Они выдвинули, однако, множество возражений. Убойная сила им, видите ли, показалась недостаточной и точность стрельбы вроде бы уменьшалась при применении глушителя. Тогда я предложил им скопировать сам пистолет-пулемет

"стэн" — оружие очень простое и в то же время очень надежное — и поставить его на вооружение немецкой армии. Этот автомат можно было вывалить в грязь, топтать его ногами и затем снова использовать, немецкий же аналог не мог вынести подобного обращения. Кроме того, производство "стэна" требовало только части времени и материалов, необходимых для изготовления немецкого автомата. Тогда наши дорогие бюрократы нашли другие причины, чтобы отклонить мое предложение. На этот раз они использовали авторитет самого Адольфа Гитлера: фюрер когда-то сказал, что у немецкого солдата должно быть лучшее оружие из существующих в мире. Действительно, точность стрельбы "стэна" была несколько хуже, чем у немецкого автомата. Эти господа забыли только, что автомат или пистолет-пулемет являются оружием ближнего боя и никакой солдат не использует его для поражения дальней цели.

ВСТРЕЧА С КАНАРИСОМ

Однажды ко мне обратился лейтенант штурмовой дивизии "Бранденбург" Адриан фон Фолкерсам. Этот потомок старинного балтийского рода был прекрасным солдатом и уже в 1941 году доказал это, получив Железный крест за дерзкий прорыв на Восточном фронте. Мой гость рассказал о недовольстве, которое царит среди ветеранов "Бранденбурга". Уже давно, объяснил он мне, дивизия не выполняла никаких специальных задач. Напротив, она все чаще становилась пожарной командой и была вынуждена вести бои там, где могло справиться любое другое армейское соединение. Понесенные во время этих боев потери были очень высокими и, что особенно важно, практически невозполнимыми — ведь дивизия была сформирована почти только из людей, владеющих иностранными языками и готовых добровольно пойти на любую "специальную" операцию. После такого вступления он перешел к основной цели своего визита: сам он, как и другие офицеры его батальона, случайно услышал о новом подразделении, к формированию которого я приступил, и они были бы счастливы вступить в него. Они хотели узнать, не помогу ли я им в этом. Фон Фолкерсам с первого взгляда произвел на меня приятное впечатление, и я пообещал ему использовать для этой цели все мои возможности. Это обещание вскоре привело меня к моей первой, и единственной, встрече с адмиралом Канарисом, шефом абвера. Я случайно узнал, что д-р Кальтенбруннер, в то время шеф службы безопасности и мой непосредственный начальник, и руководитель политической разведки Шелленберг собирались встретиться с Канарисом для обсуждения более тесной координации действий абвера и секретных служб СС. Я попросил разрешения присутствовать на этой встрече и заручился их поддержкой в моей попытке вырвать у адмирала разрешение на переход одиннадцати офицеров "Бранденбурга" в мое подразделение. Нас проводили в скупой освещенный кабинет, где мы расположились в глубоких креслах. Любопытный факт: несмотря на свою прекрасную память на лица, я сейчас не могу точно вспомнить лицо адмирала Канариса. Я помню только человека среднего роста, массивного, с лысым черепом, одетого в морскую форму. От его лица в памяти остались лишь бесцветные глаза, бесстрастный взгляд которых непрерывно перебегал с одного собеседника на другого или же застывал, иногда на несколько минут, на какой-то воображаемой точке на стене. Но мне никогда не забыть адмирала Канариса как моего противника, если не сказать — врага. Вот человек, который в совершенстве

овладел искусством оставаться неуязвимым. Его можно было сравнить с медузой; палец легко погружается в желеобразную массу, но потом ее форма полностью восстанавливается, как будто ничего не случилось. С замечательной ловкостью Канарис пытался нам помешать, разнообразными искусственными препятствиями стараясь свести на нет наши планы, которые ему не нравились. Однако когда надо было, я тоже умел быть упрямым. На этом пункте нашего визита дело застопорилось. Целых три часа мы пытались различными ухищрениями добиться его согласия на перевод одиннадцати его офицеров к нам. Постоянно Канарис находил, я бы даже сказал сильнее — изобретал все новые причины, для отказа. Как только мы находили аргументы против одних его возражений, он тут же выдвигал другие. Наконец он все же разрешил переход одиннадцати офицеров дивизии "Бранденбург" в мое подразделение. Я облегченно вздохнул и покинул кабинет, стараясь не очень выказывать мой триумф и не чувствовать себя победителем после ожесточенного боя. Но в момент, когда его начальник штаба уже готов был подписать необходимые бумаги, адмирал, к нашему удивлению, нашел дополнительные возражения и в конце концов перенес свое решение на "потом", то есть на совершенно неопределенное время, а может быть, на "никогда". Перед этим последним проявлением его злой воли я предпочел временно отступить; с меня было достаточно. И только через несколько месяцев, в ноябре 1943 года, мне удалось окольными путями достичь успеха в этом деле.

РОЖДЕНИЕ ГРАНДИОЗНОГО ПЛАНА И ЕГО ПОХОРОНЫ

В то время я также установил отношения с "Организацией Курфюрста" — под этим кодовым названием скрывалась разведслужба Люфтваффе. Очень быстро я понял, что они работают почти образцово и очень эффективно. Наш первый же контакт дал толчок рождению все более тесного и плодотворного сотрудничества. Архивные службы этой организации обладали ошеломляющим количеством сведений, практически по всем странам, которые могли нас интересовать. В частности, у них имелись аэрофотоснимки обширных пространств на восток до Волги, на юго-восток до Аральского моря, на юг до Месопотамии и Суэцкого канала. К сожалению, все эти фотографии относились к 1940 — 1941 годам, то есть были еще тех времен, когда Люфтваффе господствовала в воздухе на всех фронтах. В этих обширных архивах я также нашел богатую документацию о промышленном потенциале наших противников. Углубляясь в свои новые обязанности, я уже ознакомился с разведданными, касающимися военной промышленности Советского Союза, собранными в рамках подготовки операции "Ульм". Но только получив доступ к картотекам архива Люфтваффе, я начал понимать, как мало мы до тех пор знали и какую гигантскую задачу поставило передо мной руководство. Мы знали, что русские перевезли большинство своих важнейших военных заводов на восток и перепрофилировали находившиеся там предприятия. За Уралом появился промышленный район, превышающий по площади территорию рейха в то время. Поскольку Люфтваффе могла совершить лишь ограниченное число разведывательных полетов над этими районами, нам пришлось искать другие источники информации. Мы собрали и систематизировали тысячи показаний советских военнопленных, которые дополнили сведениями, полученными от некоторых фирм, особенно немецких и французских, выполнявших в свое время работы в этих регионах. Таким образом мы вскоре могли нарисовать достаточно

детальную картину промышленной структуры в этом индустриальном конгломерате. И тогда я воочию увидел, какой объем подготовительной работы нам еще предстояло выполнить, перед тем как приступить к диверсионным операциям, имевшим бы разумные шансы на успех. Совершенно очевидно: невозможно разрушить как авиационными налетами, так и диверсионными актами все заводы, разбросанные на такой обширной территории. Мы должны были прежде всего выделить "нервные центры". Каждый индустриальный район, особенно если он построен всего за несколько лет по какому-то официальному, единому и строго выполняемому плану, неизбежно имеет слабые места. В этом конкретном случае ахиллесовой пятой были электростанции, строительство которых предусмотрено тем же общим планом, что и возведение заводов. Русские инженеры буквально вытащили их из земли. Как и везде, они удовлетворяли максимальные потребности в электроэнергии, но из-за быстрого развития региона не существовало никакой резервной системы электроснабжения. Значительное снижение выработки электроэнергии на электростанциях должно было привести к пропорциональному снижению производства. С другой стороны, системы связи, сети также могли быть слабым звеном, если их временный вывод из строя привел бы к перерыву в работе заводов. Мы ориентировали нашу подготовку в этом направлении. С помощью специалистов Люфтваффе, которые тоже очень заинтересовались нашим проектом, мы сконцентрировали наши усилия на этих двух целях и вскоре могли с удовлетворением констатировать, что дело быстро продвигается вперед. К сожалению, наша систематическая, целенаправленная подготовка была внезапно прервана, и на многие месяцы, по приказу, преследовавшему, естественно, благие цели, но плохо продуманному, который был спущен с "высоких сфер". Вот что произошло: один из чиновников министерства вооружений направил Гиммлеру меморандум по поводу гигантских доменных печей Магнитогорска, на Урале. Импульсивный, как всегда, Гиммлер сразу же издает приказ: "Специальной группе "Фриденталь" немедленно подготовить диверсионную операцию против доменных печей Магнитогорска с целью их полного разрушения. Командиру "Специальной группы" докладывать мне ежемесячно о ходе подготовки и представить мне, как только будет возможно, вероятную дату начала операции". Этот приказ я нашел однажды утром на столе своего кабинета. После консультаций с многими экспертами мы пришли к следующим двум выводам: первый — о самом Магнитогорске и об окружающих его промышленных районах у нас нет никакой достоверной, документированной информации. Поэтому нам будет необходимо в первую очередь провести необходимую разведку, что потребует месяцев и месяцев напряженной работы. Второй — нам есть над чем поломать голову: совершенно непонятно, как "бедные диверсанты" смогут доставить такое огромное, необходимое для этой цели количество взрывчатки так близко к объектам диверсии, которые к тому же тщательно охраняются. Немедленное проведение операции выглядело совершенно нереальным. Но каким образом довести эту информацию до рейхсфюрера? Когда по своей наивности я хотел просто послать в адрес этих "высоких сфер" объективное и подробно аргументированное объяснение непреодолимых препятствий, с которыми мы столкнулись, надо мной просто посмеялись. Шелленберг прочитал мне настоящую лекцию по методике действий в подобной ситуации: по его словам, прежде всего следовало продемонстрировать крайний энтузиазм по поводу любого проекта, даже самого бессмысленного, исходящего от начальства, и постоянно говорить, что подготовка идет ускоренными темпами. И только позднее можно постепенно начинать приоткрывать истинное положение дел, но все еще по каплям. Чтобы оставаться хозяином положения в этих играх, необходимо

научиться хоронить подобные проекты так, чтобы сам их автор о них больше не вспоминал. Тогда высокое начальство будет считать вас идеальным исполнителем, достойным их доверия и поддержки. Так и произошло. Мы потратили почти полтора года, чтобы похоронить эту грандиозную, но совершенно бессмысленную и невыполнимую идею.

В СТАВКЕ ФЮРЕРА

26 июля 1943 года я завтракал в отеле "Эден", расположенном в центре Берлина, со своим старым другом, в то время профессором Венского университета. После превосходной трапезы мы с чашечками кофе в руках — или, скорее, того неопределенного напитка, который должен был играть роль кофе, сидели в холле, болтали, вспоминали Вену и общих знакомых. Это короткое бегство в гражданскую жизнь (я даже был не в военной форме) давало мне ощущение отдыха, разрядки. Однако с течением времени какое-то странное, неясное чувство тревоги и беспокойства охватывало меня. Хотя я заранее предупредил телефониста гостиницы, где меня можно найти, тревога не проходила. Наконец, не в силах больше терпеть, я позвонил в свою контору. Оказалось, моя секретарша уже сбилась с ног в поисках меня. Почти два часа меня искали везде, где только можно. — Шеф, вас вызывают в ставку фюрера! — возбужденно прокричала она в трубку. — До семнадцати часов самолет будет ждать вас на аэродроме Темпельхоф. Я понимал весь этот ажиотаж — ведь до сих пор меня никогда не вызывали в ставку. Скрывая, насколько можно, волнение, охватившее меня, я только сказал:

— Передайте Радлю, пусть немедленно идет ко мне в комнату, уложит мою форму и туалетные принадлежности в чемодан и привезет все на аэродром. Я туда отправляюсь прямо сейчас. Вы не знаете, о чем может идти речь? — Нет, шеф. Мы ничего не знаем. Я торопливо попрощался со своим другом, который был явно взволнован, узнав, что меня вызвали в ставку, и прыгнул в такси. По дороге я пытался догадаться о причине столь неожиданного вызова. Может, речь пойдет об операции "Француз" (диверсии на иранских железных дорогах)? Или о проекте "Ульм" (нападение на военные заводы Урала)? Все возможно, хотя я плохо представлял, как мое присутствие в ставке фюрера могло ускорить подготовку к этим операциям. "Ну что ж, — сказал я себе, — поживем — увидим!" На аэродроме Радль, мой адъютант, уже ждал меня с чемоданом и портфелем. Я быстро переоделся. Радль рассказал мне последние новости. По радио только что объявили о смене режима в Италии, но ни я, ни он не видели никакой связи между этим событием и моим вызовом в ставку. Когда мы направились к летному полю, я увидел, что винты "Юнкерса-52" начали медленно вращаться. "Какой комфорт, — успел подумать я, — этот огромный самолет для меня одного!" В последний момент я вспомнил, что забыл сказать главное. — Надо, чтобы я мог с вами связаться в любой момент! — крикнул я Радлю. — Как только я узнаю, о чем идет речь, я вам позвоню. Две роты пусть находятся в полной боевой готовности! Это главное! Самолет взлетел, развернулся и начал набирать высоту. Я снова принялся гадать. Что меня ждет в ставке фюрера? С кем я встречу? Чем больше я размышлял, тем меньше понимал. В конце концов я прекратил попытки разрешить эту загадку и принялся рассматривать самолет, в котором был единственным пассажиром. Прямо перед своим креслом я обнаружил небольшой шкафчик с напитками. Набравшись наглости, я через приоткрытую дверь спросил у летчиков, имеет ли

право пассажир пользоваться его содержимым. Двух рюмок коньяка оказалось достаточно, чтобы успокоить мои нервы, и я смог с высоты полюбоваться живописными видами земли, над которой мы пролетали. Вскоре мы пересекли Одер, и под нами поплыла зеленая шахматная доска Новых территорий в чередовании лесов и полей. Мне любопытно было, где мы приземлимся, — ведь до сих пор я не знал о ставке фюрера, как и большинство смертных, больше того, что она расположена в Восточной Пруссии и носит кодовое название "Волчье логово". К счастью, мой адъютант позаботился обо всем и положил в мой портфель карту Германии, по которой я мог проследить наш маршрут. Через полтора часа после взлета с берлинского аэродрома мы пролетели, на высоте километра, над городом Шнейдемюль, затем пилот, в кабину которого я к тому времени перебрался, показал мне пальцем внизу зеркало большого озера и перекресток железных дорог Варшава — Данциг и Инстенбург — Познань. Железнодорожные пути выделялись на земле с ясностью геометрического чертежа, и я подумал, какую прекрасную цель представляет этот перекресток железных дорог для авиации противника. Через секунду эта мысль разозлила меня. Я переживаю прекрасный час, мощный самолет несет меня в волшебном сияющем небе над прекрасной страной, а я не могу забыть хотя бы на минуту об этой проклятой войне! За нашей спиной солнце все больше клонилось к горизонту. Постепенно самолет снизился до высоты 300 метров. Пейзаж внизу начал меняться, превращаясь в плоскую равнину, перерезанную многочисленными речушками и испещренную пятнами озер. Я бросил взгляд на карту и понял, что, пролетев почти 500 километров, мы оказались над Мазурскими болотами. В этих местах, под Танненбергом, в начале первой мировой войны старый Гинденбург нанес жестокое поражение русским войскам. С радостью и гордостью я подумал, что сегодня фронт находится далеко на востоке, где-то под Смоленском, за сотни километров от границ Германии. Самолет начал снижаться по широкой спирали. В неясном свете сумерек я различил на берегу озера большой аэродром. "Юнкере" еще опустился, коснулся колесами земли и, пробежав по бетонной дорожке посадочной полосы, остановился. Перед баракон, маскировавшим здание аэродромных служб, меня ждал "мерседес". — Капитан Скорцени? — осведомился унтер-офицер. — У меня приказ немедленно доставить вас в ставку. По прекрасной дороге, проложенной через лес, мы вскоре достигли первого пояса безопасности — охраняемого шлагбаума. Унтер-офицер передал мне пропуск, который я должен был предъявить вместе с личными документами офицеру поста. Он записал мое имя в журнал, я расписался, шлагбаум поднялся, и мы снова поехали. Теперь дорога стала немного уже. Мы пересекли березовый лес, переехали через железнодорожные пути и достигли второго поста. Снова проверка документов. Я вышел из машины, офицер опять записал мое имя, потом попросил подождать и стал звонить по телефону. Положив трубку, он спросил, знаю ли я, кто меня вызывает. Я, естественно, чувствуя себя неловко, ответил, что не имею ни малейшего понятия. — Вас вызвал Главный штаб ставки фюрера, которая расположена в Чайном домике, — сказал тогда он мне, явно находясь под впечатлением того, что услышал с другого конца провода от своего собеседника. Я же не знал, что и подумать. Даже это уточнение ничего мне не говорило. Какого черта мне делать в Главном штабе фюрера? Озадаченный и изрядно заинтригованный, я снова сел в машину. Через несколько метров мы проехали нечто вроде портала — единственного входа на обширную территорию, окруженную высоким забором из колючей проволоки. Можно было подумать, что мы оказались в старинном парке, обустроенном с большим вкусом, с березовыми рощами, прорезанными капризно переплетающимися тропинками. Вскоре я смог различить несколько строений, на первый взгляд расположенных без всякого

порядка. На крышах некоторых строений росла трава и даже небольшие деревца. Над другими зданиями и над подъездными дорогами была натянута маскировочная сеть, скрывавшая ставку от вражеской авиации. С воздуха местность должна была казаться, вероятно, заросшей лесом и необитаемой. Совсем стемнело, когда мы наконец остановились перед Чайным домиком. Это было простое деревянное одноэтажное строение, состоящее из двух крыльев, соединенных чем-то вроде закрытого перехода. Позднее я узнал, что левое крыло занимала столовая, где фельдмаршал Кейтель, начальник Генерального штаба вермахта, обедал в окружении своих ближайших сотрудников. Собственно Чайный домик находился в правом крыле здания. Я вошел в просторный вестибюль, меблированный удобными креслами и несколькими столами. Пол был застелен толстым ковром. Меня встретил капитан СС и представил пяти другим офицерам — подполковнику и майору сухопутных войск, двум подполковникам Люфтваффе и майору СС. Вероятно, ждали только меня, поскольку сразу после представления капитан вышел, чтобы через минуту вернуться. — Господа, — объявил он, — я провожу вас к фюреру. Каждый из вас коротко изложит свою военную биографию. Затем фюрер, возможно, задаст вам несколько вопросов. Следуйте за мной... Сначала мне показалось, что я плохо понял. Потом безотчетный страх почти парализовал мои ноги. Через несколько мгновений я должен был, в первый раз в моей жизни, предстать перед Адольфом Гитлером, фюрером Великой Германии и Главнокомандующим вооруженными силами рейха! Вот уж, действительно сюрприз из сюрпризов!"В волнении я, наверное, наделаю непростительных ошибок и буду вести себя как последний дурак! Только бы все прошло нормально", — думал я, следуя за другими офицерами. Мы прошли метров сто, прежде чем я начал соображать, в каком направлении мы идем. Мы вошли в другое здание, тоже деревянное, и оказались в просторном вестибюле, похожем на тот, что был в Чайном домике. Я успел лишь заметить светильники, рассеивающие мягкий свет, и на противоположной стене небольшую картину в скромной раме — "Фиалка" Дюрера. Затем наш провожатый распахнул одну из дверей, и мы прошли в большую комнату, размером примерно шесть на девять метров. Справа от меня была стена с множеством окон, закрытых простыми занавесами. На середине стоял массивный стол, покрытый картами. Перед монументальным камином, занимавшим почти всю левую стену, находился маленький столик и вокруг четыре или пять кресел. В глубине — свободное пространство, на котором и остановилась наша группа. Как самый младший по званию, я занял место на левом фланге ряда. На бюро, расположенном между двумя окнами, я заметил безукоризненный частокол остро заточенных карандашей. "Именно здесь вырабатываются величайшие решения нашей эпохи", успел только подумать я, как прямо перед нами распахнулась дверь. В едином порыве мы застыли, головы повернулись в сторону двери. И вот я переживаю незабываемое мгновение: появляется человек, который больше, чем любой другой государственный деятель, решительно повернул судьбу Германии, мой господин, которому я безраздельно предан уже много лет и которому я абсолютно доверяю. Какое странное ощущение солдата, внезапно представшего перед своим главнокомандующим! (Я полагаю, что в тот момент, когда я пишу эти строки, более поздние чувства смешиваются с теми менее точными и менее связными, что мой мозг смог зарегистрировать в тот миг.) Подойдя размеренным шагом, фюрер приветствовал нас, вскинув руку тем характерным жестом, который мы так хорошо знали по газетным фотографиям. Одет он был очень просто: мундир офицера вермахта без знаков различия, белая сорочка и черный галстук. На левой стороне мундира я различил Железный крест первого класса — награду Великой войны — и черную нашивку за ранение. Пока капитан СС представлял офицеров на

другом краю нашего строя, я не мог рассмотреть фюрера так хорошо, как того желал. Нужно было сдерживать себя, чтобы не сделать шаг вперед, ибо я не хотел упустить из вида малейший его жест. Сначала я только слышал его деловой голос, задававший короткие вопросы. Особенный тембр этого голоса был мне уже хорошо знаком из радиопередач. Но я с удивлением обнаружил в нем мягкую и немного протяжную интонацию, которая придавала некий шарм его австрийскому акценту. Какой странный каприз человеческой природы, подумал я. Этот человек, которого слушают миллионы, который хотел бы олицетворять собой в глазах общества идеал прусского духа, не может скрыть своего происхождения, хотя давно уже и не живет на родине! Сохранил ли он в себе что-нибудь от миролюбивой приветливости австрийцев? Остался ли он подвержен зову сердца? Затем я опомнился: "Господи, что за неуместные вопросы, совершенно пустые мысли в такой момент!" Другие офицеры уже кратко представились. Теперь Адольф Гитлер стоял передо мной. Когда он протянул мне руку, я сконцентрировался на единственной мысли: "Только без чрезмерной угодливости!" Несмотря на волнение, мне удалось кивнуть головой почти идеально с точки зрения военной этики, то есть коротко и сухо. Затем я кратко сообщил место рождения, где учился, этапы моей жизни офицера резерва и мое настоящее положение. Пока я говорил, фюрер смотрел мне прямо в глаза своим знаменитым взглядом, наполненным непреодолимой силой. Затем Адольф Гитлер отступил на шаг и резко задал первый вопрос:

— Кто из вас знает Италию? Я один ответил утвердительно:

— Я два раза был в Италии перед войной, мой фюрер. Я проехал на мотоцикле до Неаполя. Сразу же последовал второй вопрос, опять ко всем нам:

— Что вы думаете об Италии? С растерянным видом, поколебавшись, офицеры начали отвечать, с трудом подбирая слова:

— Италия..., партнер по Оси..., наш союзник..., подписала антикоминтерновский пакт... Наконец моя очередь. — Я австриец, мой фюрер, — сказал я просто. Я действительно считал этот ответ достаточным, чтобы выразить мою точку зрения. Всякий истинный австриец глубоко переживает потерю Южного Тироля, самого прекрасного района, который у нас когда-либо был. Гитлер долго и задумчиво (по крайней мере мне так показалось) на меня смотрел, потом сказал:

— Все могут идти. А вы, капитан Скорцени, оставайтесь. Я хочу с вами поговорить. И вот мы одни. Фюрер по-прежнему стоял передо мной. Роста он был ниже среднего, плечи немного сутулились. Когда он со мной говорил, он был весь в движении. Жесты его были короткими и сдержанными, но, однако, они имели огромную убеждающую силу. — У меня для вас есть задание чрезвычайной важности, — начал он. — Муссолини, мой друг и наш верный соратник по борьбе, был вчера предан своим королем и арестован своими собственными соотечественниками. Я не могу, я не хочу бросить в момент самой большой опасности величайшего из всех итальянцев. Для меня дуче олицетворяет последнего римского Цезаря. Италия или, скорее, ее новое правительство, несомненно, перейдет в лагерь противника. Но я не отступлю от своего слова; надо, чтобы Муссолини был спасен, и как можно быстрее. Если мы не вмешаемся, они сдадут его союзникам. Я поручаю вам эту миссию, счастливое окончание которой будет иметь неопределимое значение для будущих военных операций на фронтах. Если вы, как я вам говорю, не остановитесь перед любым препятствием, не испугаетесь любого риска, чтобы достигнуть цели, вы добьетесь ее! Он замолчал, чтобы совладать с волнением, которое выдавал его

дрожащий голос. — Еще один важный пункт, — продолжал он. — Вы должны сохранять чрезвычайную секретность. Кроме вас только еще пять человек будут знать об этой операции. Вы будете действовать под видом офицера Люфтваффе и поступаете в подчинение генерала Штудента. Я его уже ввел в курс дела. Впрочем, вы сейчас с ним встретитесь. Он ознакомит вас с некоторыми деталями. Вам придется самому собрать необходимую информацию. Что касается командования наших войск в Италии и германского посольства, не надо ставить их в известность. Они не владеют положением и своими действиями могут только все испортить. Я повторяю, вы отвечаете за абсолютную секретность операции. Я надеюсь, что скоро вы сможете мне сообщить хорошие новости. Желаю вам удачи! Чем больше фюрер говорил, тем больше росла во мне уверенность. Его слова казались мне столь убедительными, что в тот момент у меня не возникло ни капли сомнения в благополучном исходе дела. В то же время в его голосе дрожали нотки такой теплоты, такого волнения, особенно когда он говорил о непоколебимой верности своему итальянскому другу, что я был буквально потрясен. — Я все прекрасно понял, мой фюрер, и сделаю все, что в моих силах: — только и смог я ответить. Энергичное рукопожатие обозначило конец нашей беседы. За эти несколько минут, которые мне, однако, показались очень долгими, взгляд фюрера непрерывно буравил мои глаза. Даже когда, развернувшись, я направился к двери, то чувствовал его взгляд на своей спине. Пересекая порог, я еще раз вскинул руку в приветствии, что позволило мне убедиться, что я не ошибся: он не отводил от меня взгляда до последнего момента. За дверью меня ждал адъютант. Пока он вел меня к Чайному домику, я думал о том великом событии, которое я только что пережил. Я пытался вспомнить цвет глаз фюрера. Серые? Карие? Серо-карие? Странно, но я не мог точно вспомнить. А ведь мне казалось, я еще ощущал его взгляд на себе. Взгляд невыносимой силы, почти как у гипнотизера. Я заметил, что выражение его глаз за все время разговора почти не менялось; думаю, этот человек полностью владел собой и прекрасно мог контролировать свои эмоции. С другой стороны, он буквально излучал ту огромную энергию, которая сконцентрирована в нем, это видно с первого взгляда. В вестибюле Чайного домика я закурил сигарету и жадно затянулся. Только когда ординарец осведомился о моих "желаниях", я почувствовал, что ужасно голоден. Я заказал чашку кофе и еще "чего-нибудь". Через одну или две минуты мне уже принесли плотный ужин. Но едва я успел снять портупею и поднести чашку ко рту, как ординарец вернулся. — Генерал Штудент ожидает вас в соседней комнате, господин капитан. Дверь открыли, я вошел в небольшой кабинет и представился генералу, полноватому человеку с жизнерадостным выражением лица. Глубокий шрам пересекал лоб, напоминая о тяжелом ранении, полученном в 1940 году под Роттердамом, где он командовал аэромобильной дивизией. Я сообщил, что фюрер только что объяснил в общих чертах мою задачу. Генерал не успел ответить, как в дверь постучали и — еще один сюрприз, но, как оказалось, не последний в этот день, — в комнату вошел Гиммлер, шеф СС. Он, наверное, хорошо знал генерала, поскольку они обменялись дружеским приветствием, пока я ждал, когда меня представят. Короткое рукопожатие — и рейхсфюрер СС предлагает нам сесть. Самое заметное на лице Гиммлера — его старомодное пенсне. Выражение его неподвижного лица не выдает ни одной мысли, которые рождаются в мозгу этого всемогущего человека. Он вежливо улыбнулся нам и стал обрисовывать политическую ситуацию в Италии. Так же как и Гитлер, он не верил, что правительство Бадольо останется в лагере Оси. Анализируя события, которые привели к падению Муссолини, Гиммлер перечислил несколько имен, ни одно из которых я не знал, — офицеров, политических деятелей, аристократов. Одних он называл предателями, других —

колеблющимися, третьих — верными друзьями. Когда я достал бумагу и ручку, чтобы сделать некоторые пометки, он с внезапным раздражением, почти с бешенством меня остановил:

— Вы с ума сошли, честное слово! Это должно остаться в строжайшей тайне, запомните все так, черт возьми! Конечно, я немедленно убрал ручку. Хорошенькое начало, подумал я. Если мне повезет, то в суматохе этого дня дай Бог смогу запомнить пять или шесть имен из сотни, упомянутых им. Тем хуже — посмотрим, что будет дальше. — Измена Италии не вызывает сомнений, — говорил между тем Гиммлер. — Единственный вопрос — когда это произойдет. Возможно, уже завтра. Итальянские эмиссары уже ведут в Португалии закулисные переговоры с союзниками. И снова он сыпал именами, названиями. Затем поменял тему и стал обсуждать с генералом Штудентом некоторые вопросы, которые меня не касались. Вспомнив, что мои товарищи в Берлине должны с нетерпением ждать от меня вестей, я попросил разрешения отойти позвонить. Пока я в коридоре ждал связи, решил закурить и вытащил сигарету. В этот момент из комнаты вышел Гиммлер и накинулся на меня:

— Опять эти проклятые сигареты! Вы разве не можете хотя бы несколько часов не курить? Я уже вижу, вы не тот человек, который нужен для этой миссии! — Он бросил на меня последний испепеляющий взгляд и удалился. Вот это дела! Второй раз за вечер он набрасывается на меня. Видно, я не очень-то понравился господину Гиммлеру. Может, следует считать себя уже отстраненным от проведения операции, порученной мне Гитлером? Раздав сигарету каблуком сапога, я, немного ошеломленный, думал, что же мне делать дальше. К счастью, на помощь пришел адъютант фюрера, он все слышал. — Все не так страшно, — сказал он. — Рейхсфюрер распекает всех подряд, а через несколько минут он уже и не помнит. Он, очевидно, сейчас взвинчен чем-нибудь, а когда он в этом состоянии, никогда не знаешь, как себя с ним вести. Идите спокойно к генералу Штуденту и обговорите с ним свои дальнейшие действия. Я последовал его совету и вернулся в кабинет. За несколько минут все было решено: утром я вылетаю с генералом в Рим. Официально я буду его адъютантом. В это же время полсотни бойцов моего ударного отряда вылетят с берлинского аэродрома на юг Франции, а оттуда отправятся в Рим с частями первой аэромобильной дивизии, которая должна прибыть на Итальянский фронт. — Остальное решим на месте, — подытожил нашу встречу генерал. — Надеюсь, что наше сотрудничество принесет хорошие результаты. До завтра. Сначала телефонный звонок. У аппарата лейтенант Редль. — Что происходит? — кричит он возбужденно. — Мы с нетерпением ждем вестей от вас!... — Нам поручена важная операция. Отправление завтра утром. Я не могу объяснить подробнее по телефону. Я должен еще подумать, свяжусь с вами позже. А сейчас мой первый приказ: в эту ночь чтобы никто не спал! Все автомашины должны быть готовы к отправлению, надо будет перевезти кое-какое снаряжение. Я беру с собой пятьдесят человек, только самых лучших, особенно тех, кто знает итальянский язык. Сейчас составлю список, вы сделайте такой же со своей стороны, потом сравним. Приготовьте колониальное обмундирование для всех и сухие пайки для парашютистов. Все должно быть готово к пяти часам утра. Как только приму решение, сообщу. В Чайном домике я попросил дежурного офицера предоставить мне кабинет и прислать секретаршу, которая будет немедленно передавать мои приказы моему отряду. Эти требования были немедленно выполнены. С чашкой крепкого черного кофе в руках — я был слишком взволнован, чтобы есть, — я попытался спокойно обдумать положение. Какое оружие, какое снаряжение, сколько взрывчатки необходимо взять для пятидесяти человек? Рассмотрев

подробно каждый пункт, я составил длинный список. Мой небольшой отряд должен обладать максимальной огневой мощностью при минимальном весе груза. Возможно, нам придется десантироваться с самолетов. Я предусмотрел по два пулемета на группу из девяти человек, остальные солдаты группы будут вооружены автоматами. Конечно, гранаты, но не с длинными ручками, а маленькие, так называемые лимонки, которые можно положить в карманы. Кроме того, мы возьмем с собой взрывчатку — килограммов тридцать будет, наверное, достаточно, — мы возьмем английскую взрывчатку, привезенную из Голландии, она превосходит по качеству немецкую. Плюс различные детонаторы и взрыватели, в том числе и замедленного действия. Необходимы каски колониального варианта, белье, продовольствие на неделю и сухие пайки на три дня пути. Я немедленно передал этот первый список в Берлин, затем я начал выбирать из своих людей тех, кто любой ценой должен принять участие в операции. Вскоре список был готов. Я вызвал на связь Берлин. Ответил Радль. — Мы здесь все в мыле, — начал жаловаться он. — Каким образом вы хотите, чтобы мы успели к трем часам утра? Ваш список слишком велик... Я его решительно оборвал:

— Это еще не все. Я отправляю вам дополнительный перечень. Я тоже тут не загораю. Я только что говорил с самим фюрером и с рейхсфюрером СС. — Я почувствовал, что это сообщение заставило его прикусить язык, и добавил:

— Сам фюрер поручил мне проведение этой операции. Хорошо, теперь сравним наши варианты кандидатов в отряд. За исключением одного или двух человек, мы назвали одни и те же фамилии. — Тут настоящий бунт, — сказал мне Радль, — все без исключения хотят участвовать в операции. Никто не хочет отстать. — Сообщите всем немедленно имена отобранных, это успокоит и тех и других. И не теряйте времени. Заканчивайте подготовку. Я положил трубку и спросил себя, что я еще мог забыть. Ах да! Мне нужны еще радиостанции и особенно — надежная радиотелефонная связь. Значит, необходимо оставить человека в Берлине для связи, получить шифры, по крайней мере на месяц, установить несколько сеансов для связи, чем больше, тем лучше, как днем, так и ночью. Я отправил еще одну телеграмму. Наши сообщения передавались под грифом "Совершенно секретно! Дело особой государственной важности". Мы должны были соблюдать очень большую осторожность. Если бы итальянцы или их секретные службы узнали о наших планах, все наши усилия оказались бы напрасными. Но это был еще не конец. Постоянно на ум приходили новые детали: необходимо взять трассирующие пули, на случай если придется вести бой ночью, ракетницы, медикаменты для больных и раненых, а также одного или двух фельдшеров. Может быть, нам понадобится и гражданская одежда для офицеров. Таким образом, список постоянно пополнялся, и я много раз звонил в свою штаб-квартиру в Берлине, где царил атмосфера лихорадочной активности. Только к трем часам утра я смог подумать об отдыхе. Ординарец проводил меня в подвальное помещение, которое служило бомбоубежищем. С двух сторон центрального коридора тянулись ряды помещений в виде ниш, похожие на каюты парохода. Хотя кровать была удобна, я не смог заснуть. В этом подвале я чувствовал себя неуютно, и шум вентиляторов действовал на нервы. Но по крайней мере я мог спокойно подумать. Первый раз за день я в полном объеме оценил трудности, которые мне предстояло преодолеть. Во-первых, необходимо было обнаружить местопребывание дуче. Но, допустим, мы успешно разрешили первую проблему, — что делать дальше? Без сомнения, Муссолини содержится в надежном месте и строго охраняется. Будем ли мы вынуждены штурмовать крепость или тюрьму? Это второе. Мое перевозбужденное воображение уже рисовало разные яркие картины; я ворочался на постели, пытаюсь

отогнать эти мысли, но они возвращались снова и снова. Неужели мне поручили миссию, которая приведет меня прямо в рай (или в ад)? Как бы то ни было, это возможность показать, на что я способен — не бежать от риска или в крайнем случае достойно покинуть сей прекрасный мир. Внезапно мне пришла мысль, что я еще и отец семейства. А я ввязался в серьезную авантюру, даже не подумав о завещании. Я включил свет и занес на бумагу свою "последнюю волю". Затем, поняв, что уснуть все равно не смогу к тому же было уже почти шесть часов, — я вышел, все еще в пижаме, из своей "каюты" и спросил у ординарца — эти бедняги, кажется никогда не спят, — где я могу принять душ. Добрый шотландский контрастный душ — то ледяная вода, то почти кипяток — унес все мои заботы. Без пятнадцати семь я уже сидел за завтраком в Чайном домике. Теперь во мне проснулся зверский аппетит, ординарец сновал как челнок между кухней и обеденным залом за блюдами, которые я заказывал. За окнами влажные от росы поля начинали куриться под первыми лучами восходящего солнца. Наконец, утолив голод, я взял свой портфель, составлявший теперь весь мой багаж, и прыгнул в автомобиль, заказанный накануне, чтобы ехать на аэродром. Там я должен был встретиться с генералом Штудентом. Телеграмма, только что полученная мной, подтвердила отправление моих пятидесяти человек. Аэродром, с которого мы должны были улететь, был другой, не тот, на который я прилетел. Он находился почти на вершине высокого холма — прекрасная цель для вражеской авиации. Удивительно, но он еще ни разу не подвергался нападению. Генерал прибыл через несколько минут. "Хейнкель-111" — самолет более быстрый, чем старый добрый "Юнкере", на котором я прилетел, — стоял уже готовый к полету. Генерал Штудент представил меня своему личному пилоту, капитану Герлаху. Затем меня втиснули в летный комбинезон, который оказался немного мал, и увенчали голову пилоткой офицера Люфтваффе. Погода стояла прекрасная, и я радовался мысли, что мне предстоит великолепное путешествие. Мы разместились в чреве самолета. Стрелок, второй пилот и радист были уже на местах. Самолет взлетел, набрал высоту и взял курс строго на юг. Из-за шума двигателей всякий разговор был невозможен. Генерал задремал, и я, воспользовавшись этим, пробрался в кабину летчиков и устроился в кресле второго пилота. С этого места передо мной открывался чудесный вид. Сначала мы летели над бывшей Польшей. Примерно через полчаса на горизонте, с левой стороны, появилось темное пятно; вскоре я различил несколько остроконечных шпилей — Варшава. Немного позднее мы пролетели над индустриальным районом Верхней Силезии, над бесчисленными трубами заводов, выплевывавших в небо черные клубы дыма. Затем мы пересекли бывшую Чехословакию, ставшую протекторатом Германии. Внизу проплывала уже не монотонная польская равнина. Под крылом простиралась сильно пересеченная местность. Плодородные равнины по берегам чистых рек окружали поросшие лесом горные вершины. Я понял, что мы пролетим прямо над Веной. Вскоре старая столица империи появилась и заскользила под крыльями нашего самолета. Затем настала очередь альпийских виадуков Земмеринга, проплыла зеленеющая Штирия, Грай, со своим гордым замком. К полудню мы пересекли Хорватию, и через некоторое время я заметил вдали отблеск солнечных лучей на поверхности моря. Вот и Пола, теперь военно-морская база Италии, а когда-то, подумал я с грустью, до Сен-Жерменского договора все это побережье принадлежало Австро-Венгерской монархии. Адриатическое море было невыразимой голубизны, просто великолепно. Мы достигли итальянской территории; под нашим левым крылом промелькнула Алькона, затем мы поднялись, чтобы перелететь Апеннины. Лишь только мы их миновали, нам пришлось снизиться до 300 метров: воздушное пространство севернее Рима находилось под контролем истребителей союзников.

И вот наконец Вечный город со своими семью холмами, Колизеем и площадью Святого Петра. Самолет начал снижаться и скоро приземлился на аэродроме почти на границе города. Было полвторого — за пять с половиной часов мы пролетели почти 1500 километров. Черт возьми, какая жара! Настоящее пекло. Выйдя из самолета, я инстинктивно хотел снять меховой комбинезон и только в последний момент вспомнил, что еще не получил формы Люфтваффе. Офицер войск СС в качестве адъютанта генерала аэромобильной дивизии — это заинтриговало бы многих. Мне пришлось обливаться потом. В течение двух или трех последующих часов я чувствовал себя мучеником. Даже поездка в открытом автомобиле не освежила меня. Мы прибыли в Фраскати — маленький прелестный, типично итальянский городок, в котором фельдмаршал Кессельринг расположил главный штаб немецких войск в Италии. 12 мая 1943 года война в Африке закончилась полной победой союзников. Итало-германский экспедиционный корпус, одержавший в начале войны столько блестящих побед, больше не существовал. Основной причиной его поражения была неспособность морских и воздушных сил Оси обеспечить доставку необходимого пополнения и снаряжения. Десятого июля союзным войскам удалось в первый раз вступить на территорию Европы — они высадились на Сицилии. Немецкие и итальянские войска дрались с англо-американцами за каждую пядь земли. Несколько недель они вели ожесточенные бои за обладание небольшой деревушкой Кафалу, на северном побережье Сицилии. Такова была в общих чертах ситуация на фронте в день нашего прибытия в Рим. В тот же вечер генерал Штудент привел меня, в качестве адъютанта, к маршалу Кессельрингу, который пригласил нас на обед. Между тем мне удалось раздобыть колониальную форму офицера-десантника, и я наконец смог снять меховой комбинезон, прямо скажем, немного неуместный в этой жаре. После обеда, когда мы пили кофе, один офицер из окружения маршала рассказал, как он спросил у итальянского генерала, знает ли тот место, где содержится интернированный дуче. Конечно, я насторожил уши. Генерал якобы дал честное слово, что ни он сам, ни кто-либо из руководства итальянской армии не имеют об этом ни малейшего понятия. Как всегда, импульсивный, я не смог сдержаться и заметил:

— Остается узнать, можно ли верить этому заявлению. Однако маршал Кессельринг, который сидел сзади, казалось, не очень оценил этот комментарий. — Лично я, — сказал он гневным тоном, — абсолютно ему верю! У меня нет никаких оснований сомневаться в честном слове итальянского генерала. Вам, капитан Скорцени, я советую впредь поступать аналогично! Мне кажется, я даже покраснел. Во всяком случае, я твердо решил в дальнейшем быть более одержанным в своих суждениях и до конца вечера больше не открыл рта.

В ПОИСКАХ ДУЧЕ

На следующий день начали прибывать самолеты с парашютистами генерала Штудента. На третий день прилетели и мои люди. Они расположились в казармах недалеко от аэродрома Пратика-ди-Маре. Я встретился с ними и предупредил, что, возможно, нам предстоит вскоре важная операция. Я попросил быть в полной готовности, чтобы я в любой момент рассчитывал на их боеготовность. Затем я вернулся в Фраскати, забрав с собой Радля. Только когда мы оказались в моей комнате, я посвятил его в суть возложенной на нас миссии. Он, казалось, был искренне взволнован и горд, что я получил приказ от самого фюрера. Мы сразу

сошлись в мнении, что будет очень трудно найти местопребывание Муссолини. Что касается нашей задачи, то есть освобождения самого дуче как такового, мы решили о ней пока не думать, так как час "Ч" казался еще не близок. К счастью, я смог запомнить среди сотен имен, названных Гиммлером, два самых важных: Капплер и Дольман. Капплер был представителем гестапо в Италии, у него в подчинении была организация, в любой момент готовая нам помочь. Дольман, который жил уже достаточно долго в Риме, имел прекрасные связи во влиятельных кругах. По совету рейхсфюрера СС мы — генерал Штудент и я — вступили в контакт с этими людьми, посвятили их в цели миссии и попросили помощи в наших поисках. Во-первых, мы узнали, что по итальянской столице ходят различные слухи, в том числе самые фантастические. Одни говорят о самоубийстве Муссолини, другие — о серьезной болезни, третьи утверждают, что дуче находится в доме отдыха. Нам удалось, однако, установить, что в полдень 25 июля дуче отправился на аудиенцию к королю. С этого момента его больше никто не видел. Следовательно, он был арестован в самом дворце. Первое более или менее точное сообщение мы получили совершенно случайно. Среди итальянских чиновников, с которыми общался Капплер, был офицер корпуса карабинеров, остававшийся в глубине души приверженцем фашистского режима. В одной из бесед этот человек проронил ценные сведения: вроде бы дуче был перевезен на санитарной машине из королевского дворца в казармы карабинеров в Риме. Наше расследование подтвердило эту информацию. Мы, кроме того, узнали, в какой части здания и на каком этаже содержался пленник. К сожалению, после ареста прошло уже больше десяти дней и, вероятно, Муссолини уже был перевезен в другое место. Еще три недели мы безрезультатно пытались открыть место, где Бадольо прятал бывшего главу фашистского правительства. Ничего, никакого следа, не было даже намек — до того дня, когда к нам на помощь пришел его величество случай. В одном римском ресторанчике мы познакомились с одним торговцем фруктами, который время от времени наезжал к своим клиентам в Террачину, небольшой городок на берегу залива Гаэта. У его лучшего клиента в этом городке был слуга, имевший родственницу, за которой ухаживал один карабинер. Этот карабинер служил на острове Понца, на котором находилась тюрьма, и часто писал своей возлюбленной. В одном из писем он и упомянул о прибытии на остров одного замечательного узника — "очень важной персоны". Эта первая информация вскоре получила подтверждение, но несколько позднее один молодой морской офицер проговорился в бессвязной, полупьяной беседе, что его крейсер недавно перевез дуче из тюрьмы на острове Понца в городок Специя, где находилась итальянская военно-морская база на Лигурийском побережье. Конечно, все результаты наших расследований немедленно передавались, через генерала Штудента в ставку фюрера. Как только мы сообщили о "следах", ведущих в Специю, я получил приказ подготовить операцию по немедленному освобождению дуче. Целые сутки мы лихорадочно соображали, чесали затылки. В ставке они, наверное, думали, что нет ничего проще, чем умыкнуть человека с боевого крейсера на глазах вооруженного экипажа! К счастью, на следующий день мы узнали, что дуче опять — в который раз! — поменял тюрьму. В Берлине — да простят мне читатели это небольшое отклонение от темы, только ради самой необычности факта, — мобилизовали между тем даже ясновидцев и астрологов. Кажется, самому Гиммлеру пришла идея привлечь этих так называемых ученых. Во всяком случае, я еще никогда не слышал хотя бы об одном положительном результате их "исследований"! Немного позднее новые сведения, полученные из различных источников, в том числе и по анализам упорных слухов, направили наши поиски на Сардинию. Указания на один из мелких островков или на госпиталь в маленьком, затерянном в горных лесах городке

вскоре оказались ложными. Напротив, версия о присутствии дуче в морской крепости Санта-Маддалена, у северо-восточной оконечности Сардинии, все больше и больше находила подтверждение. Однажды немецкий офицер связи при итальянском адмиралтействе фрегаттен-капитан Хунеус — старый морской волк, сошедший прямо со страниц романов Джозефа Конрада, — сообщил нам по собственной инициативе, что какой-то очень важный пленник содержится в этом старинном городе-крепости. Эти сведения мне показались настолько важными, что я решил немедленно лететь на Сардинию и сам провести разведку. Я взял с собой фрегаттен-капитана и лейтенанта Варгера из своего отряда, который бегло говорил по-итальянски. По прибытии в Санта-Маддалену я на немецком тральщике совершил небольшое путешествие по акватории порта и вдоль берегов острова. Под прикрытием паруса я сделал несколько фотографий портовых сооружений и даже, хотя и издали, усадьбы, которая интересовала нас больше всего, — виллы "Вебер", расположенной на окраине города. Потом я начал искать способы узнать, что же это был за "важный узник". Для этой цели я решил задействовать лейтенанта Варгера. Мой план основывался на том, что все итальянцы — яростные спорщики. Варгер, переодетый в простого немецкого матроса, должен был с наступлением вечера потолкаться в тавернах и прислушиваться к разговорам. Как только он уловит разговор о дуче, он должен будет вмешаться и заявить, что ему достоверно известно, что Муссолини тяжело заболел. Очень вероятно, эта версия вызовет протесты, что позволит Варгеру заключить пари. Чтобы казаться более убедительным, Варгер должен будет притвориться слегка пьяным. Из-за последнего обстоятельства возникли неожиданные трудности — Варгер не пил вообще. Только после неоднократного напоминания о долге солдата я смог убедить его немного отступить от своих принципов. План мой, такой с виду простой, прекрасно удался. Бродячий торговец, который приносил каждый день фрукты на виллу "Вебер", принял пари. Чтобы показать Варгеру, что он знает, о чем говорит, он провел его в дом около виллы и через слуховое окно чердака показал террасу, по которой прогуливается дуче. На следующий день Варгер вернулся на этот наблюдательный пост. Через несколько дней он знал приблизительное количество солдат охраны, время смены караулов, пулеметные точки и тому подобное. Настало время выработать план наших дальнейших действий. Каким образом мы сможем вытащить Муссолини с виллы, а затем вывезти его из города? Наша задача осложнялась еще тем, что Санта-Маддалена — морская крепость. Нам были необходимы самые точные сведения о расположении зенитных батарей, частей и их количестве. Поскольку имевшихся у нас карт было недостаточно, я решил облететь город на самолете и сделать несколько снимков с воздуха. Вернувшись в Рим, я получил в свое распоряжение "Хейнкель-111", и 18 августа 1943 года мы взлетели с аэродрома Пратика-ди-Маре. Сначала пилот взял курс на север. В то время активность в воздухе авиации союзников над Тирренским морем была уже столь высока, что в целях безопасности все самолеты, направлявшиеся на Сардинию, должны были следовать через острова Эльба и Корсика. В назначенный час мы приземлились в Паузании, на одном из главных аэродромов Сардинии, где самолет должен был дозаправиться. Я быстренько "подскочил" в Пало, где встретился с Хунеусом и Варгером, которые проинформировали меня, что в Санта-Маддалене ничего нового, за исключением постоянного усиления мер безопасности. Успокоенный, я вернулся в Паузанию. После разведывательного полета я планировал отправиться на Корсику, где была расквартирована бригада СС. План, начинавший созревать в моей голове, возможно, потребовал бы привлечения достаточно серьезных сил, и я хотел обговорить с командованием бригады предварительные детали операции. В 15 часов мы взлетели. Я приказал

пилоту быстро набрать высоту 5 тысяч метров. Облет района Санта-Маддалены, вообще говоря, был запрещен, и я вынужден был забраться как можно выше, чтобы спокойно сделать снимки. Расположившись в передней турели, рядом с пулеметом, имея под рукой фотокамеру и морскую карту, я только принялся любоваться переливами темно-синего моря, как в наушниках раздался голос заднего стрелка:

— Внимание! Сзади два самолета, английские истребители. Самолет лег на крыло, стараясь оторваться от противника; я положил палец на гашетку пулемета, готовый в любой момент открыть огонь. Через некоторое время пилот выровнял самолет; я уже сказал себе, что все кончилось благополучно, как внезапно увидел, что нос нашей машины под острым углом устремился вниз. Обернувшись, я увидел искаженное лицо летчика, пытавшегося, без особого успеха, вывести самолет из пике. Бросив взгляд через стекло своей кабины, я увидел, что левый мотор не работает. Самолет падал со все возрастающей скоростью. Не оставалось времени даже прыгать с парашютом. Я услышал в наушниках:

— Держитесь!... Инстинктивно я вцепился в ручки пулемета — и мгновение спустя самолет столкнулся с поверхностью воды. Я, наверное, ударился головой о стекло кабины, ибо потерял сознание. Через несколько секунд я почувствовал, как что-то передо мной разбивается на тысячи осколков. Затем чья-то рука схватила меня за ворот куртки и потащила наверх. Вокруг только вода, ничего, кроме воды. Самолет медленно погружался, в кабине пилотов, передняя часть которой была разбита, было уже сантиметров тридцать воды и она хлестала через зияющую пробоину. С трудом открыв дверь в салон, мы попробовали докричаться до задней кабины. Никакого ответа. Значит, наши два товарища погибли? Теперь надо было как можно быстрее выбраться наружу из самолета, который мог затонуть с минуты на минуту. Объединенными усилиями нам удалось открыть верхний аварийный люк в кабине пилота. Сразу же внутрь устремились новые потоки воды. Пора! Мы быстро вытолкнули второго пилота через люк, затем я глубоко вздохнул и протиснулся сам. Я почувствовал, что поднимаюсь, резким движением ног оттолкнулся от самолета и выскочил на поверхность. Через несколько секунд появился и первый пилот. Неожиданно произошла странная вещь. Почти весь самолет, освобожденный от нашего веса, появился из воды. Оба летчика бросились к задней кабине, открыли люк. Оторопевшие, они увидели забившихся в угол кабины двух солдат, которых мы уже считали погибшими. Они были невредимыми, но немного ошалевшими. На четвереньках они доползли до края крыла. К несчастью, ни тот ни другой не умели плавать, хотя оба были уроженцами Гамбурга, портового города. Первому пилоту между тем удалось достать надувную лодку. Удар кулаком — вылетела пробка из баллона с кислородом; лодка быстро наполнилась газом, солдаты смогли на нее забраться. В тот же момент я вспомнил с замиранием сердца о своем портфеле и фотокамере, оставшихся в кабине пилотов. Я нырнул, проник в кабину через пробоину, и мне удалось вытащить портфель и камеру, которые я, вынырнув на поверхность, забросил в лодку. Через несколько секунд хвост самолета вздыбился и машина ушла под воду. Уцепившись за лодку, так же как и оба пилота, я огляделся. В двухстах или трехстах метрах от нас из воды торчали камни подводной скалы. Мы вплавь направились к ней, толкая перед собой лодку. Скала оказалась обрывистой и скользкой, но нам достаточно легко удалось на нее забраться. Второй пилот обнаружил в "НЗ" лодки ракетницу и хотел выстрелить, но я приказал ему подождать, пока появится какой-нибудь корабль. Примерно через час мы заметили дым на горизонте. Я выпустил красную ракету, и, к нашей радости, корабль взял курс в нашу сторону. Вскоре к нам уже шла спасательная шлюпка. Нашим спасителем оказался вспомогательный итальянский крейсер, специально

оборудованный для противовоздушной обороны. "Нам повезло, что капитан не знает, как мы здесь оказались", — подумал я, пожимая ему руку. Поскольку я был совершенно голый — ныряя за камерой, я освободился от одежды, — он предложил мне белые шорты и пару сандалий. Шорты оказались слишком узки для меня, и я влез в них с трудом, иначе пришлось бы, сходя на берег, воспользоваться фиговым листком. И только в тот момент, когда я с облегчением растянулся в шезлонге, — почувствовал острую боль в грудной клетке: через несколько дней врач определил, что у меня сломано три ребра. К концу дня мы снова оказались в Паузании. Я сразу же отправился в Пало, чтобы взять у капитана Хунеуса корабль и отправиться на Корсику, где меня ждал командир бригады СС. Я хотел выполнить хотя бы этот пункт своего плана. Была почти полночь, когда наш торпедный катер проскользнул между скалистых берегов в порт Сан-Бонифачио. Из здания итальянской военной администрации порта мне не удалось установить телефонную связь с бригадой. Только на следующее утро мне предоставили автомашину. По стечению обстоятельств весь этот день я гонялся за командиром бригады, который со своей стороны пытался — и тоже напрасно — найти меня. В конце концов мы все же встретились на севере острова, в Бастии, в штабе немецкой военно-морской базы на Корсике. В то же время Радль, оставшийся в Риме, терялся в ужасных догадках. Не встретив меня, как было условлено, вечером 18 августа, он позвонил в штаб парашютной дивизии, чтобы узнать, есть ли у них какие-нибудь новости о моем самолете. Ему коротко ответили: "Самолет считается пропавшим без вести; экипаж, скорее всего, пошел на дно, рыб кормить". Два дня бедняга считал меня погибшим, ибо я вернулся в Рим только поздно вечером 20 августа. Я встретил его по дороге от аэродрома в расположение своего отряда, и он чуть с ума не сошел от радости. Как только мы прибыли в отель, сразу приступили к разработке детального плана дальнейших действий. На этот раз у нас была твердая уверенность, что местопребывание дуче обнаружено. Генерал Штудент, которого мы на следующее утро поставили в известность о положении дел, полностью разделял наше мнение. Вдруг как гром среди ясного неба — приказ из ставки фюрера: "Ставка только что получила от абвера (адмирал Канарис) доклад, согласно которому Муссолини находится на небольшом островке недалеко от острова Эльба. Капитану Скорцени немедленно подготовить десантную операцию и сообщить в ставку о времени, когда она может быть проведена. Ставка фюрера утвердит план операции". Как это могло произойти, спрашивали мы себя. Считалось, что агентура адмирала обладает чрезвычайно эффективными средствами сбора информации. Однако через несколько дней мы познакомились и с циркуляром под грифом "Секретно", разосланным абвером всем командирам соединений вермахта в Италии. В этом циркуляре было черным по белому написано: "Абсолютно точно установлено, что правительство Бадольо продолжит борьбу на нашей стороне при любых обстоятельствах. Новое итальянское правительство будет даже еще теснее участвовать в совместных действиях, чем бывшее фашистское правительство". Поскольку наше мнение было диаметрально противоположным, генерал Штудент попросил аудиенции с самим фюрером. После долгих объяснений по телефону разрешение наконец было дано и мы получили приказ прибыть в Восточную Пруссию. Мы сразу же вылетели, приземлились после полудня и узнали, едва выйдя из самолета, что Гитлер ждет нас. Нас привели в ту же комнату, где я был представлен фюреру несколько недель назад. На этот раз все кресла перед камином были заняты, и я имел возможность познакомиться практически со всем руководством рейха. Слева от фюрера сидел Риббентроп, министр иностранных дел, справа — фельдмаршал Кейтель, за ним — генерал Йодль. Мне указали на следующее кресло. Слева от Риббентропа сидел Гиммлер, за ним — генерал

Штудент и гросс-адмирал Дениц. Между Деницем и мной расположилась в кресле массивная фигура рейхсмаршала Германа Геринга. Генерал Штудент коротко представил меня, затем предоставил мне слово. Сначала я страшно волновался, — взгляды этих восьми человек так меня сковывали, что я забыл даже о записях, приготовленных во время полета. Постепенно, однако, я обрел свою обычную уверенность. По возможности ясно и коротко я представил в деталях все этапы нашего расследования. Многочисленные убедительные свидетельства в пользу нашей версии, согласно которой дуче находится в Санта-Маддалене, произвели впечатление на аудиторию. А рассказ о пари, заключенном лейтенантом Варгером, вызвал улыбки на некоторых лицах, в частности Деница и Геринга. Когда я закончил — беглый взгляд на часы подсказал мне, что я говорил больше получаса, — фюрер решительным жестом пожал мне руку. — Вы убедили меня, капитан Скорцени. Вы, конечно же, правы, я отменяю мой прежний приказ о нападении на остров. Вы уже разработали план, позволяющий вызволить дуче из этой морской крепости? Если да, представьте нам его. С помощью схемы, набросанной от руки, я рассказал о нашем проекте решения задачи, выработанном несколько дней назад. Я объяснил, что, кроме флотилии торпедных катеров, мне потребуется несколько тральщиков и, кроме моих пятидесяти человек, около роты добровольцев из состава бригады СС, стоящей на Корсике. С другой стороны, чтобы прикрыть наш отход, я бы хотел иметь право использовать зенитные батареи наших сил на Корсике и Сардинии. Мой план атаки на восходе солнца, кажется, получил полное одобрение. По ходу доклада Гитлер, Геринг и Йодль задали мне множество вопросов. После меня слово взял фюрер:

— Я одобряю ваш план, капитан, и надеюсь, что при условии выполнения его с должной настойчивостью и без всяких колебаний он является вполне реальным. Гросс-адмирал Дениц, отдайте необходимые распоряжения своим подразделениям. Требуемые части поступают на время проведения операции под командование капитана Скорцени: необходимо любой ценой освободить моего друга Муссолини, и как можно быстрее, чтобы помешать передаче его союзным войскам. Однако, капитан, когда вы будете готовы и я дам вам разрешение начать операцию, Италия, возможно, еще будет нашим союзником, по крайней мере официально. Если в этом случае ваш рейд закончится неудачей, я буду вынужден дезавуировать вас перед мировым общественным мнением. Я заявлю тоща, что, постоянно твердя о необходимости спасения дуче и о своем плане его освобождения, вы лично заставили потерять голову командиров некоторых подразделений, расквартированных в Италии, и в любом случае вы действовали по собственной инициативе. Чтобы помочь нам одержать победу, чтобы поддержать честь Германии, вы будете готовы принять в случае неудачи это тяжелое обвинение, даже не помышляя о защите. У меня не было времени подумать. В любом случае, когда честь моей родины поставлена на карту, я знаю, что покорно приму и молча вынесу весь позор подобного обвинения. Слишком взволнованный, я смог только склонить голову, не найдя слов для ответа. Довольный Гитлер отпустил меня, перед тем дружески пожав мне руку. — Вам удастся, Скорцени! — сказал он таким уверенным тоном, что его уверенность проникла в меня как электрический заряд. Я не раз слышал о почти гипнотической силе убеждения фюрера. Невозможны были больше никакие сомнения — мне удастся! На следующее утро мы отправились обратно в Рим. По прибытии я рассказал своему верному Радлю, что в случае провала операции я должен буду взять на себя всю ответственность за наше предприятие. Как истинного австрийца, Радля все это не очень взволновало. — Ну что ж, — сказал он спокойно, — если так должно быть, то я попрошу, чтобы меня заключили с вами в одну камеру. Возможно, нас поместят в сумасшедший дом. Это

будет прекрасная возможность испытать на себе комфорт камеры с мягкими стенами. И только случайность избавила нас от этой печальной перспективы. Увы, через несколько дней мы едва не начали штурм тюрьмы, в которой уже не было пленника.

СНОВА С НУЛЯ

Фрегаттен-капитан Шульц, командир эскадры торпедных катеров, которую предоставили в мое распоряжение, был настоящий сорвиголова. Он уже давно мечтал об операции подобного рода. Мы поминутно рассчитали все фазы нашего рейда, стараясь не упустить ни малейшей детали, предусмотреть все возможные случайности. Наконец план был полностью готов. Накануне дня "Икс" эскадра торпедных катеров зайдет с официальным дружеским визитом в Санта-Маддалену. Она должна будет войти в военный порт и пришвартоваться у причала, расположенного напротив виллы. В тот же день тральщики под командой лейтенанта Радля забирают на Корсике десант командос, пересекают пролив и бросают якоря на рейде Пало, напротив Санта-Маддалены. Солдаты, естественно, остаются в укрытии. В первые часы дня "Икс" флотилии начинают маневрировать, показывая, что собираются покинуть места стоянок и выйти в море. Внезапно тральщики высаживают десант, часть которого обеспечивает прикрытие основной группы, чтобы оградить ее от любых неожиданностей со стороны города. Катера находятся в постоянной готовности поддержать нас огнем. Затем я, вместе с основной частью десанта, вхожу на территорию виллы. Мы идем строем, и по моему замыслу это внезапное появление роты марширующих солдат должно внести еще большее замешательство в ряды противника. Насколько возможно, мы будем избегать, пока идем по городу, всяких конфликтов и до последней возможности постараемся не открывать огонь. Затем мы врываемся в ворота виллы, где я принимаю на месте конкретный способ действия в зависимости от сложившейся обстановки. Чтобы охрана виллы не узнала раньше времени о нашей высадке, выделяется несколько групп, которые перережут линии связи. Как только мы нейтрализуем полторы сотни человек охраны, я доставляю дуче на борт торпедного катера. В это время рота солдат СС займется орудиями, прикрывающими выход из порта. Что касается зенитных пушек системы противовоздушной обороны итальянцев, расположенных на холмах вокруг города, они будут под прицелом наших батарей, установленных на северном побережье Сардинии. Немного удачи — и все пройдет как по маслу. Единственное обстоятельство меня действительно немного беспокоило: ниже виллы "Вебер", почти на набережной, стояли военные казармы, где находились около двухсот курсантов морской школы. Мне необходимо было солидное прикрытие, чтобы обезопасить фланги. С другой стороны, у берега стояли две летающие лодки итальянского флота и санитарный гидросамолет. Я специально выделил два взвода, чтобы они вывели их из строя, — тогда итальянцы не смогут организовать немедленное преследование торпедного катера с дуче. За день до дня "Икс", на рассвете, катера покинули порт Анцио и после недолгого перехода прибыли в Санта-Маддалену. После этого Радль отправился на борту минного тральщика на Корсику, чтобы проконтролировать погрузку десанта. Они должны были, по нашему плану, прийти в Санта-Маддалену к концу дня. Ожидая развития событий, я еще раз принялся изучать план виллы "Вебер" и ее окрестностей. Малыш Варгер

хорошо поработал, все нанесено на схему очень тщательно и точно: расстояния, расположение дверей, караульных постов и т.п. Однако я никак не мог отогнать от себя чувство какой-то неуверенности, которое преследовало меня каждый раз, когда кто-то выполнял важное дело без моего контроля. Наконец решил последний раз сам все проверить. Варгер меня сопровождал. Едва мы подошли к вилле, как я обнаружил телефонный кабель, не отмеченный на схеме Варгера. Меня охватил гнев: именно такая, на первый взгляд незначительная оплошность могла провалить важнейшую операцию, которую мы готовились провести. Но должен признать, что, за исключением этой ошибки, карта была в остальном составлена очень тщательно. Два отделения карабинеров прогуливались вдоль улицы. Еще одно, вооруженное пулеметами, охраняло ворота. К сожалению, высокий забор защищал внутренний двор от нескромных взглядов прохожих. Мы, в целях маскировки, были одеты в форму простых матросов и несли корзины с грязным бельем, поэтому на нас никто не обратил внимания. Целью нашей прогулки был соседний с виллой дом, расположенный чуть выше по улице. Это могло позволить нам заглянуть за забор. Пока Варгер сдавал белье в стирку, я под предлогом отсутствия в доме туалета поднялся еще выше и из-за обломка скалы стал рассматривать виллу и окружающий ее парк. Все казалось спокойным, и, сравнив по памяти расположение дорожек в саду и некоторые другие объекты, я вернулся, успокоенный, в дом прачки. И здесь меня поджидал тот самый счастливый случай, о котором я уже упоминал. За время моего отсутствия один из карабинеров из охраны дуче зашел в дом в гости к хозяйке. Я осторожно направил разговор на падение режима Муссолини. Сначала солдата, казалось, совершенно не заинтересовала эта тема, он оживился только тогда, когда я предположил, что дуче уже, наверное, умер. С горячим темпераментом южанина он заявил, что все это враки. Я, конечно, стал настаивать, утверждая, что знаю это совершенно точно от верного человека. Вроде бы несколько дней назад знакомый врач моих друзей мне рассказал в мельчайших деталях о последних минутах бывшего главы фашистского государства. Бравый карабинер больше не мог сдерживаться. — Нет, нет, сеньор, это невозможно! — возбужденно закричал он. — Я видел дуче только сегодня утром. Я сам сопровождал его, когда его везли к белому самолету, на котором он улетел. Вот это да! Вот это сюрприз! Солдат говорил уверенным тоном, его рассказ выглядел очень правдивым. Только теперь я вспомнил, что санитарный гидросамолет, который еще вчера качался на волнах у берега, сегодня утром исчез. Я это, конечно, заметил, но не придавал большого значения. С другой стороны, меня немного удивило, когда я рассматривал виллу, что солдаты охраны чувствовали себя как-то слишком свободно — они толпились на террасах и выглядели беззаботными. Вот, оказывается, где объяснение их поведению: в тюрьме не было больше пленника! Нам крупно повезло, что все вовремя раскрылось. Хорошо бы мы выглядели, если бы развернули те морские и сухопутные военные действия, которые были запланированы. Теперь необходимо было в первую очередь отменить операцию и прекратить выдвижение сил на исходные позиции. Я позвонил Радлю и застал его как раз в тот момент, когда он собирался отдать приказ об отправлении с Корсики. Подразделения десанта были уже на борту кораблей. — Полный назад, все стоп! — таким был мой приказ. Из предосторожности мы еще несколько дней сохраняли состояние готовности, на случай если дуче вернется в Санта-Маддалену. К удивлению, итальянцы также не снимали охрану с виллы. По-моему, итальянские секретные службы специально это делали, чтобы замести следы и ввести нас в заблуждение. Без сомнения, пленник представлял для них такую ценность, что они не остановились перед такой трудоемкой работой, как постоянная смена места заключения Муссолини. На этот

раз они достигли своей цели — в очередной раз мы потеряли след. Мы снова вернулись туда, откуда начали, то есть к нулю. Все надо было начинать сначала. Несколько дней мы сбивались с ног, стараясь по горячим следам найти дуче. Слухов было предостаточно, но, когда мы вплотную начинали ими заниматься, они рассеивались как дым.

МЫ ВЫХОДИМ НА ЦЕЛЬ

И опять случай, этот великий покровитель смельчаков, приходит на помощь. Первый настоящий след я обнаруживаю во время инспекционной поездки в район озера Браччано. Оказывается, несколько наших офицеров наблюдали приводнение белого гидросамолета-госпиталя! Постепенно приходят и другие сведения, подтверждающие, что дуче держат на самом полуострове. Еще несколько раз мы пускаемся по следу, который в конце концов оказывается ложным, как, например, связанный с Тразименским озером. Однако в один прекрасный день известие об автокатастрофе, которая чуть было не стоила жизни двум итальянским старшим офицерам, наводит нас на мысль поискать в Аbruццких Апеннин. А там снова один неясный слух сначала направляет наши поиски в неверном направлении, к восточной части этого горного массива. Потихоньку мы начинаем думать, что некоторые из этих следов прочерчены намеренно. Итальянская секретная служба — это, конечно, достойный противник. К тому же и другие немецкие службы, такие, как штаб маршала Кессельринга или агенты внешней разведки абвера, имеют все основания стремиться первыми обнаружить место заключения бывшего фашистского диктатора. В августе глава немецких секретных служб адмирала Канариса встречается в Венеции со своим итальянским коллегой генералом Аме. Переговоры не приносят результата. Неужели желание итальянцев любой ценой сохранить тайну окажется в конечном итоге сильнее ясно выраженного намерения фюрера расследовать это таинственное исчезновение? А кстати, стремится ли адмирал Канарис на самом деле направлять всю свою энергию на выполнение приказов немецкого Верховного Главнокомандования? Иногда у меня возникают сомнения на этот счет... Со своей стороны маршал Кессельринг воспользовался случаем, представившимся в связи с шестидесятилетием Муссолини, 29 июля 1943 года, чтобы попытаться снова закинуть удочку со старым маршалом Бадольо. В качестве подарка к дню рождения Гитлер прислал в Италию подарочное издание, напечатанное тиражом в один экземпляр, Полного собрания сочинений Ницше. Эти тома были заключены в деревянную шкатулку, украшенную чудесной резьбой. Кессельринг заявил Бадольо, что фюрер поручил ему лично вручить этот подарок дуче. К сожалению, эта уловка не принесла плодов, поскольку Бадольо под надуманным предлогом ответил отказом. Тем временем положение в Риме становилось все более и более нездоровым. Одна за другой несколько итальянских дивизий были отведены с фронта, и, что любопытно, их дислоцировали в окрестностях города — якобы для того, чтобы предотвратить угрозу вражеского десанта. Честно говоря, мы совсем не верили в такое объяснение. Если случится так, что наши отношения с итальянцами испортятся, то мы, единственная немецкая дивизия — парашютисты генерала Штудента и несколько подразделений командования и связи генерального штаба Кессельринга, — окажемся лицом к лицу с группировкой войск, имеющей над нами подавляющее преимущество: в ее составе семь дивизий. Нам уже больше не удавалось даже опознавать итальянские

воинские части, которые прибывали беспрестанно. Тем временем моя небольшая личная "разведывательная служба" наконец-то принесла мне почти полную уверенность, что Муссолини находится в одном отеле, расположенном у подножия пика Гран-Сассо, разумеется под хорошей охраной. Тогда в течение нескольких дней мы тщетно пытались раздобыть подробные карты этого района. Поскольку строительство отеля закончилось лишь незадолго до начала войны, то пока этого здания ни на какой карте не было. Нам удалось раскопать только две зацепки: рассказ одного немца, проживающего в Италии, который в 1938 году провел в этом отеле свои зимние каникулы, и буклет одного туристского агентства, где расхваливались красоты этого рая для лыжников в самом сердце Аbruццских гор. Поскольку эти данные были слишком расплывчатыми, чтобы позволить подготовить такую крупную операцию, то мы оказались вынуждены как можно быстрее получить аэрофотоснимки. Генерал Штудент предоставляет в мое распоряжение самолет, оснащенный автоматической камерой, и утром 8 сентября я взлетаю с Пратика-ди-Маре, что неподалеку от Рима, вместе с Радлем и офицером разведки штаба дивизии; этому последнему предназначается важная роль в той операции, которую мы планируем. Поскольку необходимо любой ценой скрыть от итальянцев цель нашего полета, то мы решили пересечь Аbruццские горы на высоте примерно 5 тысяч метров. Даже пилот не посвящен в тайну: ему сказали, что мы собираемся сфотографировать несколько портов на Адриатике. Когда мы оказываемся километрах в тридцати от Гран-Сассо, то решаем сделать несколько снимков, чтобы испытать эту огромную камеру, встроенную в брюхо самолета. И тогда мы обнаруживаем, что перемотку пленки заклинило из-за мороза. Аппаратом пользоваться нельзя. К счастью, мы взяли с собой портативную камеру: придется работать с ней как получится. Между тем мы уже страдаем от холода, потому что надели на себя только легкую форму африканского экспедиционного корпуса. Поскольку во время полета невозможно полностью открыть большой застекленный купол задней кабины, то нам приходится выбить один из его сегментов, чтобы создать обзор для камеры. Конечно, получается неудобно, потому что фотограф будет вынужден высовывать в это отверстие голову, плечи и руки. Я отваживаюсь сделать это первым. Я бы никогда не поверил, что воздух может быть таким холодным, а ветер — таким резким. С трудом протискиваюсь в отверстие грудью, а Радль удерживает меня за ноги. Несколько мгновений спустя мы пролетаем над Кампо-Императоре, диким плато со сложным рельефом, расположенным на высоте примерно 2 тысячи метров, из которого одной глыбой вздымаются до высоты 2900 метров отвесные склоны Гран-Сассо. Серые и коричневые утесы, бесконечные голые обрывы, пятна фирна — плотного зернистого снега, — затем мы проходим над нашей целью — отелем, массивным сооружением, даже если смотреть с этого расстояния. Я делаю первый снимок, а затем, держа в левой руке камеру, достаточно тяжелую, кручу ручку перемотки пленки. И только тут я отдаю себе отчет, насколько же онемели мои пальцы за эти несколько мгновений. Сразу за отелем замечаю небольшой луг примерно треугольной формы. Тут же говорю себе: вот мне площадка для приземления! Делаю третий снимок, а затем несколько нервным движением ноги даю Радлю понять, что уже самое время втаскивать меня назад в самолет. Несколько минут мне приходится отогреваться. Поскольку Радль в своей обычной манере невозмутимо поддразнивает: "Неужели на солнце так холодно?" — я про себя решаю доставить моему дорогому товарищу такое же удовольствие во время обратного полета. Проползаю на животе в пилотскую кабину и вдали уже различаю голубую полосу: это Адриатика. Приказываю спуститься до высоты примерно 2500 метров и, как только достигнем побережья, взять курс на север, повторяя все

изгибы береговой линии. Затем, чтобы ввести в заблуждение нашего пилота, долго изучаю наши карты и прошу Радля подготовиться фотографировать портовые сооружения Анконы. При великолепной погоде мы быстро добираемся до прекрасных пляжей Римини и Риччоне. Немного далее я приказываю повернуть на 180 градусов и даю пилоту команду подняться до 5500 метров, чтобы пролететь точно над вершиной Гран-Сассо. На этот раз наступает очередь Радля. Мы возвращаемся в хвостовую кабину, где температура уже значительно понизилась — до двух-трех градусов ниже нуля. Теперь мы проклинаяем нашу африканскую форму, которую так любим, когда прогуливаемся на солнце по римским улицам. Я вручаю Радлю портативную камеру и подробно объясняю, как с ней обращаться, даже слишком подробно, поскольку Радль — несколько артистическая натура и ничего не понимает в технических деталях. Затем он пролезает в отверстие руками вперед, а я, стоя на коленях, удерживаю его за ноги. Поскольку вершина уже в пределах нашей видимости, я щиплю его за икры, чтобы он держался наготове. Одновременно кричу ему, — вероятно, впустую, потому что рев моторов оглушителен: "Торопитесь, сделайте несколько снимков, сколько сможете!" Я чувствую по конвульсивным движениям его ног, что он делает мне какие-то неистовые жесты. Возможно, мы пролетаем не совсем над самым отелем, ему приходится наклоняться и делать снимки под углом. Это может нам принести большую пользу, поскольку такие снимки иногда лучше, чем фотографии, сделанные вертикально, позволяют представить себе наклон местности. Вскоре Радль подает знак тянуть его обратно. Лицо у него буквально синее от холода. — Первого, кто мне еще будет говорить о прекрасном итальянском солнце, я просто задушю, — ворчит он, клацая зубами. Возвратившись в кабину пилотов, мы натягиваем на себя спасательные куртки и даже накрываемся огромными листами масляной бумаги, которые валяются в углу. Затем я даю пилоту подробные указания: спуститься до высоты примерно 1500 метров и возвращаться, но взять такой курс, чтобы несколько сместиться к северу и достичь Средиземного моря немного севернее Рима. Затем направление на аэродром бреющим полетом. Четверть часа спустя мы можем убедиться, что эта предосторожность, вероятно, спасла нам жизнь. Мы только что добрались до побережья, солнце заливает светом полностью застекленную кабину; сидя рядом с пилотом, я рассеянно созерцаю пейзаж. И когда совершенно случайно я бросаю взгляд налево, в направлении Сабинских гор, то не верю своим глазам: с юга плотными рядами к Фраскати приближаются самолеты, несомненно вражеские. Схватив очки, я вижу, как они сбрасывают бомбы и те сыплются на город, точно над нашим штабом. Затем первая волна удаляется и появляются две другие, чтобы тоже освободиться от своего смертоносного груза. Только в этот миг мы понимаем, что если бы не мой приказ сделать небольшой крюк к северу, то мы бы оказались в самой гуще союзнических эскадрилий, где наш разведывательный самолет был бы практически беззащитен. И истребители, сопровождающие бомбардировщики, не обнаружили нас лишь потому, что мы летели на бреющем полете. Несколько минут спустя мы приземляемся живыми и невредимыми. Прибыв в Фраскати, мы попадаем в полнейший хаос. Дом, в котором находится штаб генерала Штудента, оказался не тронут, но от нашего остались одни развалины. Когда мы желаем туда проникнуть, один офицер предупреждает нас, что сквозь дом пролетели две бомбы замедленного действия и ушли в глинобитный пол погребов и теперь они могут взорваться в любой момент. Однако в спальне мы оставили важные бумаги, содержащие как раз результаты наших исследований. И мы взбираемся по обломкам, перешагиваем через балюстраду нашей лоджии, нам удается, несмотря на беспорядок, царящий в комнате, обнаружить наши досье. Несколько мгновений

спустя мы уже снова на улице. Жертвы среди гражданского населения, должно быть, были очень велики. Однако почти все немецкие службы избежали разрушения. Наши военные уже ремонтируют телефонные линии, которые, надо сказать, сильно повреждены. У меня же нет времени задерживаться; я должен срочно отправиться в Рим для встречи с несколькими итальянскими офицерами, которые, по моим сведениям, намереваются освободить дуче. Естественно, я хочу узнать их планы, чтобы мы с ними друг другу не помешали. Уже через несколько минут разговора я убеждаюсь, что, хотя эти молодые люди и выказывают похвальный энтузиазм вместе с очень серьезной решимостью, их приготовления продвинулись совсем не так далеко, как наши. Когда я прощался с этими "заговорщиками", уже почти наступила ночь, а я должен еще пересечь весь Рим, чтобы встретиться с Радлем, который ждет меня в конторе одной немецкой службы. Веду машину медленно, поскольку на всех улицах царит непривычное оживление. Люди толпятся вокруг уличных громкоговорителей, и, выехав на Виа-Ването, я вынужден двигаться со скоростью пешехода. Одно сообщение, доносящееся из громкоговорителей, приветствуют шумными возгласами, я слышу крики: "Да здравствует король!"; целуются женщины; собравшиеся в кучки люди что-то страстно обсуждают. Меня это все более интригует, и, остановившись, я задаю вопрос прохожему, который сообщает мне катастрофическую новость: Италия сложила оружие. Конечно, мне известно, что положение наших войск на полуострове стало критическим. По правде говоря, мы все ожидали этой капитуляции, но никто не думал, что она придет так скоро. Во всяком случае, это событие задержит выполнение моей миссии — задержит или даже сделает ее невыполнимой. Несколько дней спустя я узнаю, что генерал Эйзенхауэр предвосхитил события, объявив итальянскую капитуляцию в тот же самый день, но еще в 18 часов 30 минут по радио Алжира. Тем самым он поставил правительство Бадольо перед свершившимся фактом, по крайней мере в том, что касалось точного часа прекращения боевых действий. С другой стороны, союзники назначили высадку в Салерно на ночь с 8 на 9 сентября, и они уже не могли изменить эту дату. Эта операция должна была облегчить задачу нового "союзника", удерживая основную часть немецких войск вокруг Салерно. Согласно донесениям наших разведывательных служб, мы ожидали, что союзнический штаб предполагал высадку авиационного десанта в Риме, и такая операция поставила бы наши слабые силы по меньшей мере в неприятное положение. Таким же образом массированная бомбардировка Фраскати была условлена во время переговоров между представителями Бадольо и союзнического Главного командования с целью дезорганизовать штаб немецких войск в Италии. Эта последняя часть плана на достигла цели. Мы сохраняли связь со всеми нашими войсками, которые, конечно, были приведены в состояние боевой готовности. Ночь с 8 на 9 сентября проходит спокойно, за исключением нескольких стычек между итальянскими и немецкими войсками к югу от Рима. В течение дня 9 сентября, однако, происходят серьезные столкновения в окрестностях Фраскати, где сосредоточены немецкие службы. Тем не менее к вечеру нам удастся прочно удерживать всю зону Сабинских гор. Немецкие части понемногу приближаются к Риму, который занят и окружен несколькими итальянскими дивизиями. Между тем, признавая необходимость отложить на несколько дней мою попытку освободить дуче, я по-прежнему стремлюсь подтвердить с наибольшей возможной уверенностью его присутствие в отеле на Гран-Сассо. Первые указания на это мне были даны, пусть невольно, двумя итальянцами, но мне бы хотелось получить еще какое-нибудь подтверждение, и если возможно, то от немца. Очевидно, не стоит и думать о том, чтобы прямо послать своего человека в этот отель, который связан с внешним миром одной

лишь канатной дорогой, поднимающейся из долины. Я уже ломал себе голову, ища подход, который выглядел бы совершенно невинным, и накануне итальянской капитуляции я наконец-то нашел человека, который мне требовался. В Риме у меня был знакомый военный врач — немец, очень честолюбивый парень, который давно уже мечтал о какой-нибудь славной награде. Я решил использовать это стремление к почестям и вечером 7 сентября объяснил ему, как он сможет снискать благоволение своего начальства. До настоящего времени немецкие солдаты, заболевшие малярией — а таких было много, — посылались на излечение в Тироль. И вот я предлагаю моему медику отправиться "по собственной инициативе" в горный отель на Гран-Сассо — который я будто бы хорошо знаю, — чтобы выяснить, можно ли это заведение, расположенное на высоте примерно двух тысяч метров, превратить в дом отдыха. Я упираю на то, чтобы он на месте поговорил с управляющим, посмотрел, сколько имеется коек, осмотрел санузел и так далее, а также немедленно начал там переговоры. Мое предложение было услышано: утром 8 сентября мой славный врач выехал в путь на машине. Я тут же начал беспокоиться. Сможет ли он вернуться, увижу ли я его снова живым и невредимым? На следующий день мой "шпион поневоле" возвращается, очень расстроенный от мысли, что из-за итальянской капитуляции его прекрасный план, вероятно, окончится ничем. Не жалея подробностей, он рассказывает мне, как, проехав Акилу, попал в долину, где находится станция подъемника. Но все его усилия проникнуть дальше были напрасны. Дорога к подъемнику была перегорожена шлагбаумом и к тому же охранялась несколькими постами карабинеров. После длительных переговоров с этими последними он все-таки получил разрешение позвонить в отель. Однако ответил ему не управляющий: на другом конце провода какой-то офицер уведомил его, что Кампо-Императоре объявлен военным полигоном и, следовательно, всякое иное использование плато и зданий на нем воспрещается. По наблюдениям этого врача речь идет о достаточно крупных маневрах; в долине он заметил радиофицированный автомобиль, а подъемник постоянно в действии. В последней деревушке жители рассказали ему невероятные истории: похоже, что отель занят совсем недавно, сразу же из него выслан весь гражданский персонал, а номера переоборудованы, чтобы разместить в них примерно 200 солдат. Несколько раз в долину вроде бы приезжали старшие офицеры; некоторые люди — "хорошо осведомленные" — предполагали даже, что там, наверху, заключен Муссолини. Но это, замечает военврач, просто, наверное, слух, которому не стоит слишком доверять. Я, конечно, не стремлюсь его в этом разубедить.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

На следующий день, то есть 10 сентября 1943 года, наши войска вновь прочно удерживают Рим и его окрестности. Я могу наконец-то перейти к исполнению своего задания или, точнее, к последним приготовлениям, а именно к выработке подробного плана. Прежде всего я изучаю вместе с Радлем различные возможности, из которых нам надо какую-то выбрать (предполагая, что и сама операция окажется возможна). В одном нет сомнений: мы не можем терять ни минуты. Каждый день, возможно, даже каждый час место заключения дуче может быть изменено, не говоря уже о другом событии, которого мы опасаемся более всего: передаче пленника союзникам, которые его, несомненно, уже затребовали. Немного позже мы узнаем, что генерал Эйзенхауэр включил это требование в

условия перемирия. Наземная операция нам кажется неизбежно обреченной на провал. Нападение через крутые склоны, ведущие к плато, приведет к огромным потерям, и, во всяком случае, карабинеры окажутся предупреждены достаточно рано, чтобы вполне успеть либо спрятать дуче, либо увезти его в другое место. Чтобы помешать им ускользнуть вместе со своим пленником, нам пришлось бы окружить весь горный массив поисковой цепью, а на это потребовалась бы по меньшей мере дивизия. Поэтому наземную операцию надо считать неосуществимой. Нашим главным козырем должна стать полная внезапность, ибо, не говоря уже о стратегических соображениях, мы опасаемся, как бы у карабинеров не было приказа убить своего заключенного в случае опасности побега. Это предположение впоследствии подтвердится. Только наше молниеносное вторжение спасло дуче от неминуемой смерти. Итак, мы видим только два способа: высадка парашютистов или приземление транспортных планеров рядом с отелем. После долгого анализа всех "за" и "против" этих двух решений мы выбираем второе. В разреженной атмосфере на этой высоте нам бы потребовались, чтобы предотвратить слишком быстрый спуск, особые парашюты, а мы такими не располагаем. К тому же я предвижу, что из-за пересеченной местности десантники приземлятся со слишком большим рассеянием, так что быстрая атака плотным строем окажется невозможной. Остается только приземление нескольких планеров. Но есть ли в окрестностях отеля участок, на котором они могли бы сесть? Когда пополудни 8 сентября я решил проявить наши аэрофотоснимки, выяснилось, что огромная лаборатория в Фраскати уже стерта бомбами с лица земли. Один мой офицер все-таки смог сделать несколько отпечатков во вспомогательной лаборатории, но к несчастью, нам не смогли дать крупноформатные снимки для стереоскопа, которые бы позволили увидеть местность четко и рельефно. Я должен был удовольствоваться обычными фотографиями, примерно 14 на 14 сантиметров, на которых, однако, я прекрасно узнал треугольный луг, который уже привлек мое внимание во время нашего полета над отелем. Именно на этом луге, выбрав его в качестве площадки для приземления, я буду осуществлять свой план. Также надо подумать и о том, как прикрыть наши тылы и обеспечить отход после выполнения самой операции. По нашему плану эти две цели достигаются с помощью батальона парашютистов, которые должны ночью пробраться в долину, чтобы в час "Ч" захватить станцию подъемника. Выработав таким образом основные детали операции, я отправляюсь к генералу Штуденту. Я хорошо знаю, что уже три дня у него совсем не было возможности отдохнуть даже несколько минут — у меня, впрочем, тоже, — но теперь нужно вместе прийти к какому-то решению. И вот я объясняю ему свой план, и мне даже удается его убедить. По правде говоря, генерал вовсе не проявляет энтузиазма, он не скрывает от меня своих опасений, но он понимает также, что если мы не хотим отказаться от нашей задачи, то должны попытаться использовать единственную оставшуюся у нас возможность. Однако, прежде чем дать свое согласие, он желает посоветоваться со своим начальником штаба и еще одним офицером штаба своего корпуса. И вот эти два специалиста по воздухоплаванию недвусмысленно высказываются против нашего плана. По их мнению, приземление на такой высоте и на неподготовленной местности никогда еще не осуществлялось по той простой причине, что оно "технически невозможно". По их мнению, высадка в том виде, как я ее замыслил, вызовет потерю по крайней мере 80 процентов личного состава. Остаток отряда окажется тоща численно слишком слаб, чтобы выполнить свою задачу. В ответ на эти доводы я объясняю, что прекрасно отдаю себе отчет в опасностях, которым мы подвергаемся, но в любом случае, когда впервые испытывается что-либо новое, надо идти на некоторый риск. Я полагаю, что осторожное приземление планера на брюхо вдоль

очень слабого склона треугольного луга позволит уменьшить скорость падения планеров и, следовательно, избежать больших потерь. Разумеется, заявляю я, в случае если эти господа предложат какое-нибудь лучшее средство, то последую их советам. После долго раздумья генерал окончательно встает на мою сторону и немедленно отдает приказание:

— Пусть вам немедленно доставят из южной Франции все двенадцать транспортных планеров, которые вам нужны. День "Д" назначается на двенадцатое сентября, а час "Ч" — на семь утра. Это значит, что двенадцатого сентября ровно в семь утра, планеры должны приземлиться на верхнем плато и в тот же миг батальон овладеет станцией подъемника в долине. Я лично дам указания пилотам и порекомендую им приземляться крайне осторожно. Я полагаю, капитан Скорцени, что операцию следует осуществлять так, как вы сказали, и никак иначе. Вырвав таким образом это решение, я отрабатываю с Радлем последние детали операции. Надо очень точно рассчитать расстояние, определить оснащение людей и в особенности определить точки приземления каждого из двенадцати аппаратов. Транспортный планер может взять на борт, кроме пилота, девять человек, то есть одну группу. Мы ставим каждой группе конкретное задание; что касается меня, то я полечу в третьем планере, чтобы при непосредственном нападении на отель воспользоваться прикрытием, которое обеспечат люди двух первых планеров. Все подготовив, еще раз взвешиваем наши шансы. Все прекрасно понимают, что они весьма невелики. Прежде всего, никто не может нам гарантировать, что Муссолини по-прежнему находится в отеле и что он останется там до дня "Д". Далее, совсем неясно, успеем ли мы сладить с итальянским отрядом достаточно быстро, чтобы предотвратить казнь дуче. Наконец, нельзя не принимать во внимание еще и предостережение тех офицеров, что предсказали нам неминуемый провал операции. Преувеличен их пессимизм или нет — все равно мы должны предусматривать потери во время приземления. И это еще не все: даже без учета этих потерь нас будет всего 108 человек, и к тому же всеми группами нельзя будет располагать одновременно. Мы столкнемся с 250 итальянцами, которые прекрасно знают местность и укрылись в отеле словно в крепости. Что же до вооружения, то здесь у нас с противником должно быть примерное равенство. Вероятно даже, что автоматы обеспечат нам небольшое преимущество, которое в некоторой мере уравнивает численное превосходство противника, опять же при том условии, что наши начальные потери не окажутся слишком велики. Радль кладет конец этому безрадостному обсуждению:

— Прошу вас, капитан, не стоит брать логарифмическую линейку и просчитывать на ней наши шансы на успех. Мы знаем, насколько они малы, но мы также понимаем, что предпримем эту операцию — чего бы то ни стоило. Меня заботит еще одна вещь: не найдется ли какого-нибудь способа усилить момент внезапности, который должен быть нашим главным козырем? Уже больше часа мы тщетно ломаем голову; наконец у Радля внезапно появляется гениальная мысль: мы возьмем с собой какого-нибудь старшего итальянского офицера, и, наверное, одного его присутствия будет достаточно, чтобы посеять в душах карабинеров некоторое смятение, колебание, которое помешает им немедленно дать нам отпор или казнить дуче. И тут уж нам придется не терять ни секунды, чтобы не позволить им оправиться. Генерал Штудент сразу же одобряет это хитроумное предложение, и мы ищем наилучший способ, чтобы его осуществить. Надо, чтобы генерал принял этого офицера накануне дня "Д" и убедил его — как именно, мы не очень представляем — участвовать в операции. Затем, чтобы предотвратить всякую возможность утечки информации или даже предательства, офицер должен

остаться с нами до следующего утра. Высокий чин из нашего посольства, который прекрасно знает римских военных, указывает мне на одного офицера, бывшего члена штаба римского губернатора, как человека, способного оказать нам эту услугу. Во время боев за обладание городом этот человек вел себя, скорее, нейтрально. По моей просьбе, генерал вызывает его на вечер 11 сентября к себе в Фраскати, чтобы обсудить с ним "некоторые проблемы".

Теперь мы подстраховались и с этой стороны. Но появляется новый повод для беспокойства: новости, получаемые в течение дня 11 сентября, насчет перелета транспортных планеров совсем не радуют. Все более и более усиливающаяся активность союзнической авиации принудила нашу эскадрилью несколько раз делать длинный крюк, и к тому же перелету очень мешает отвратительная погода. До самого последнего мгновения мы надеемся, что планеры все-таки придут вовремя, но тщетно. Таким образом, нам приходится передвинуть во времени все этапы нашей операции. День "Д" остается, как и прежде, воскресеньем 12 сентября — мы ни в коем случае не можем позволить себе потерять целые сутки, — но час "Ч" отодвигается на 14 часов. Со всевозможными извинениями объясняем итальянскому офицеру, который явился на встречу с военной пунктуальностью, что у генерала Штудента возникли непредвиденные обстоятельства, и просим его прийти на следующее утро в восемь часов в аэропорт Пракика-ди-Маре. Самое серьезное — это то, что задержка еще больше уменьшает наши шансы на успех. С одной стороны, мощнейшие восходящие потоки, которых следует ожидать в самые теплые часы, сделают приземление очень опасным, а с другой — задача отряда, которому поручено занять станцию подъемника, намного усложнится, поскольку он будет вынужден нападать среди бела дня. Тем хуже... Мы все-таки попробуем добиться успеха. Сразу пополудни 11 сентября я отправился в оливковую рощу одного женского монастыря, где поставила палатки часть, переданная под мое командование. Я уже заранее решил взять на операцию только добровольцев, но хотел откровенно предупредить их, что они подвергаются большой опасности. И вот я приказал свистать сбор и произнес краткую речь:

— Ваше длительное бездействие заканчивается. Завтра мы выполним операцию величайшей важности, которую поручил мне сам Адольф Гитлер. Мы должны подготовиться к тяжелым потерям, которые, к несчастью, неизбежны. Я лично поведу наш отряд и могу вас уверить, что сделаю все возможное; если так же будете действовать и вы, если мы будем сражаться бок о бок изо всех наших сил, то наша операция будет успешной. Пусть добровольцы выйдут из строя! К моей большой радости, все без исключения делают шаг вперед. Мои офицеры с большим трудом уговаривают некоторых остаться, поскольку я могу взять с собой всего лишь восемнадцать человек. Остальные девяносто должны быть по приказу генерала Штудента отобраны из солдат 2-й роты батальона курсантов-парашютистов. Затем я отправляюсь к командиру этого батальона, чтобы обсудить с ним различные этапы операции. Согласно приказаниям генерала, именно этот офицер будет командовать отрядом, которому надлежит захватить станцию подъемника. В тот же самый вечер батальон курсантов-парашютистов отправляется в путь по направлению к долине. Жребий брошен. Когда наступила ночь, мы слышим по союзническому радио сообщение, которое повергает нас в ужас. Диктор объявляет,

что дуче только что прибыл в Северную Африку на борту итальянского военного корабля, который ускользнул из порта Специи. Пережив первое потрясение — неужели и на этот раз мы опоздали? — я беру морскую карту и приступаю к подсчетам. Поскольку я знаю, в какой точно час часть итальянского флота покинула Специю, то легко вижу, что даже самое быстроходное судно не может достичь африканских берегов к тому часу, когда была объявлена эта новость. Следовательно, это сообщение обычная утка, предназначенная ввести в заблуждение немецкое командование. Мы ничего не станем менять в нашем распорядке. Но с этого дня я воспринимаю сообщения из союзнических источников с осторожной сдержанностью.

ВЫСАДКА

На следующий день — а это было воскресенье 12 сентября 1943 года — мы отправляемся в пять утра на аэродром, где выясняется, что планеры будут приблизительно в десять. Я воспользовался этой отсрочкой, чтобы лишний раз проверить снаряжение своих людей. Каждый из них получал "парашютный паек" последние пять дней. Когда я принес несколько ящиков свежих фруктов, в бараках тут же установилось радостное оживление. Конечно, любой мог почувствовать напряжение, которое неизбежно охватывало самых отважных перед броском в неизвестность, но мы старались рассеять всю боязливость и нервозность тут же, как только она зарождалась. Однако и полдевятого итальянский офицер не явился. Я отрядил лейтенанта Радля в Рим, приказав ему привезти итальянца во что бы то ни стало и как можно быстрее: "Делайте что хотите, только чтобы он остался жив". Каким-то образом Радль ухитрился разыскать нашего малого и запихать в его же автомобиль. Как только тот очутился на аэродроме, за него, с моей помощью, взялся генерал Штудент. Мы наскоро объяснили итальянцу, что желание фюрера состоит в том, чтобы лично он помог нам предотвратить, насколько это возможно, кровопролитие при освобождении дуче. Генералу явно польстило, что сам фюрер заинтересован в его содействии, и теперь уж он никак не мог отказаться. Он обещал сделать все, что в его силах, и я почему-то надеялся, что это дает нам неоценимый козырь для предстоящей игры. К одиннадцати наконец начинают приземляться первые планеры. Довольно быстро заполняются горючим баки самолетов, которые должны будут служить нам буксирами, и сразу же каждый, со своим планером на хвосте, занимает определенную дорожку на взлетной полосе, согласно плану, который был разработан еще до нашего появления здесь. Между тем генерал Штудент собирает всех пилотов и напоминает им о строжайшем запрете приземляться из пике: единственный разрешенный способ посадки — из планирующего полета. Затем я набросал на грифельной доске карту местности и указал пункты назначения для каждого планера. И наконец, вместе с офицером разведки, который участвовал в нашем рекогносцировочном полете, я сверяю основные детали: хронометраж пути, высоту, направление и так далее. Поскольку кроме меня и Радля он единственный человек, который представляет себе, как следует подлетать к нашему горному плато, то по плану он должен занять место в первом самолете-буксире и вести всю эскадрилью. По нашим подсчетам, на то, чтобы пройти несколько сот километров, потребуется ровно один час. Таким образом, нам следует подняться в воздух точно в тринадцать ноль-ноль. Вдруг в полпервого — воздушная тревога! Появились вражеские бомбардировщики, и вот

уже можно слышать первые взрывы на подступах к аэродрому. Мы разбежались врассыпную и засели в укрытиях. Какая досада, эдакая малость — и в последний момент могла все испортить! За несколько минут до часу дня сирены прогудели отбой тревоги. Я прохожу на главную полосу: цементное покрытие изрядно пострадало от множества бомб, но машины остались невредимы. Мы можем отправляться в путь. Я отдаю приказ "по местам". Что до итальянского офицера, то его я беру в третий планер и помещаю аккуратно перед собой между ногами, на ту самую узкую штангу, которую мы все оседлали один за другим, набившись тесно, как сельди в бочке. Едва находится место, куда девать руки. Итальянец, судя по всему, уже горько сожалеет о своем обещании и бредет за мной к машине скрепя сердце. Тем хуже для него — больше размышлять о его душевном спокойствии я не могу, у меня просто нет на это времени! Не отрывая глаз от циферблата наручных часов, я поднимаю руку: час дня. Моторы взревели, самолеты покатались по полосе, и я ощущаю, как мы отрываемся от земли. Медленно, выписывая огромные загогулины, мы поднимаемся вверх, наш караван выстраивается по порядку и направляется на северо-восток. Погода для нашего предприятия кажется идеальной: громадные белые кучевые облака повисли на высоте трех километров. Никакому ветру не рассеять эту массу туч, и, следовательно, у нас появляется шанс достичь цели, даже не будучи замеченными, а затем резко нырнуть вниз прямо на нее. В транспортном планере царит удушающая жара. Сбившимся в кучу людям, да еще со всем снаряжением в руках практически невозможно шелохнуться. Итальянский генерал бледнеет на глазах, и скоро цвет его лица почти сравнивается с серо-зеленой окраской униформы. У меня создается впечатление, что воздушные путешествия вряд ли когда давались ему с особой легкостью и, уж во всяком случае, не входят в число его любимейших развлечений. Пилот сообщает наши координаты, я сверяю его данные со своей картой. Судя по всему, мы пролетаем над Тиволи. Из кабины никак нельзя разглядеть пейзаж внизу. Узкие боковые оконца закрыты целлофаном, чья прозрачность близка к нулевой; что же касается смотровых щелей, то они слишком малы, чтобы можно было опознать, что я, собственно, через них вижу. Определенно транспортный планер — весьма устаревшая машина, несколько стальных труб образуют его каркас, плюс матерчатая оболочка — вот и весь аппарат. Чтобы набрать высоту три с половиной километра, мы направились внутрь густого облака. Когда же снова выныриваем в чистое небо, пилот нашего самолета-буксира внезапно объявляет по бортовому телефону:

— Самолеты один и два пропали. Кто возьмет командование? Новость не из приятных! Что могло случиться с двумя самолетами? В этот момент я еще не знал, что за нами идут вовсе не девять планеров, как должно быть, а всего семь. Во время взлета два из них, напорвшись на воронки, образовавшиеся от бомбежки, перевернулись. Я передаю пилоту нашего буксира: "Я беру на себя командование до самой цели". Затем размашистыми ударами перочинного ножа пробиваю в материи справа, слева и под ногами большие дыры, чтобы через них различить по крайней мере основные черты пейзажа. Несмотря ни на что, у примитивной конструкции этих планеров есть свои достоинства. Благодаря некоторым узнаваемым деталям местности — мост, пересечение дорог мне удастся сориентироваться. Я облегченно вздыхаю — слава Богу, это еще не та помеха, которая вынудит отменить всю операцию. Хотя теперь при посадке у меня не будет прикрытия, которое должны были обеспечить люди с исчезнувших планеров, но об этом я тогда не задумывался. За несколько минут до часа "Икс" мы пролетели над долиной Аквилы. На дороге я ясно различаю грузовики парашютного батальона, которые быстро катят по направлению к станции канатной дороги. Следовательно, им удалось преодолеть все препятствия и они атакуют точно в подходящий момент. Хорошее

предзнаменование — значит, нам тоже все удастся! Внизу уже появилась цель — горный отель Гран-Сассо. Я отдаю приказ своим людям закрепить ремни и команду:

— Отцепить от буксира! И в следующую секунду нас окружает внезапная тишина: ухо не может уловить ничего, кроме шума ветра под крыльями. Пилот вывел планер на вираж и стал выискивать, так же волнуясь, как и я, место, годное для посадки посреди слегка наклонного луга. Черт возьми, ну и ветер! Я с первого же взгляда нахожу луг треугольной формы, только совсем не "слегка наклонный" — он уходит вниз, как крутой скат, даже еще круче, как лыжный трамплин! Сейчас мы оказались гораздо ближе к плато, чем во время разведывательного полета; кроме того, наш тогдашний штопор представил рельеф поверхности гораздо более плоским. Высадка на такой откос невозможна, и я осознаю это неотвратимо. Пилоту явно приходит в голову та же мысль, и он поворачивается ко мне. Сжав зубы, я погружаюсь в сражение с собственной совестью. Неужели и вправду я должен беспрекословно выполнять все приказы моего генерала? В данном случае, следуя им, мне придется изменить весь ход операции и попытаться достичь на планирующем полете подножия долины. С другой стороны, если я не захочу отступать от своего собственного проекта, то буду вынужден рисковать и приземляться здесь во что бы то ни стало, то есть строго запрещенным способом — из пике. Я быстро решаю:

— Садимся из пике! И как можно ближе к отелю. Без малейшего колебания пилот выводит планер в штопор, заносит левое крыло вверх и бросается в безумное пике. На какое-то мгновение у меня сжимает сердце: неужели планер выдержит подобную скорость? Но я тут же отбрасываю свой страх: не время задаваться подобными вопросами. Свист ветра усиливается и перерастает в вой как раз в тот момент, когда перед глазами появляется земля. Я вижу, как лейтенант Мейер выбрасывает тормозной парашют — бешеный толчок, что-то трещит, ломаясь; инстинктивно я закрыл глаза новым удар, еще сильнее... Ну вот, мы коснулись земли, и машина, совершив последний подскок, неподвижно замирает на месте. Первый из моих людей уже выскочил через выход, с которого сорвало дверь, и я скользя вперед, хватаясь руками за скобу. Мы в каких-то пятнадцати метрах от отеля. Вокруг топорщатся острые выступы той самой скалы, которая столь неделикатно затормозила наш планер, оставшийся на удивление целым. Нам предстоит преодолеть всего-навсего двадцать метров до первой остановки. У бугра, как раз на углу отеля, обнаруживается первый карабинер. Он замер, будто окаменев от неожиданности: без сомнения, он все еще тщится постичь, как это мы смогли свалиться прямо с неба. Времени заниматься нашим итальянским пассажиром, который, слегка оглушенный, вывалился из машины, да так и остался лежать, у меня нет. Я бросаюсь к зданию: в голову приходит мысль: слава Богу, что еще раньше я строго запретил своим людям использовать оружие, что бы ни случилось, до тех пор пока я сам не открою огонь. Так что потрясение врага будет полным. С собой рядом я слышу прерывистое дыхание своих людей и знаю, что они бегут за мной, и я могу на них рассчитывать. Как смерч мы проносимся мимо все еще погруженного в ступор солдата, бросив только короткое "mani in alto!" ("руки вверх!"), и врываемся в отель. Дверь открыта настежь. Перескочив порог, я вижу радиостанцию и итальянского солдата, передающего какие-то сообщения, Зверским ударом ноги я отбрасываю его вместе со стулом и разбиваю прикладом автомата радиопередатчик. Мгновенно оглядевшись, мы обнаруживаем, что ни одна дверь отсюда не ведет внутрь отеля. Итак, бросаемся обратно, наружу. Бежим вдоль здания, огибаем угол — и оказываемся перед террасой высотой, быть может,

метра в три. Сразу же один из моих унтер-офицеров превращает себя в короткую лестницу, я взбираюсь ему на плечи и перескакиваю на балюстраду. Остальные следуют за мной. Взглядом я обшариваю весь фасад. И в окне первого этажа вижу характерно массивную голову: дуче. Вот теперь я знаю, что операция должна удалась. Я кричу ему отойти от окна, и затем мы бросаемся к главному входу. Там навстречу — целая толпа карабинеров, которые как раз собирались выйти. Выставив два автомата, мы разворачиваем их назад. Ударом приклада я расчищаю себе дорогу в тесно сбившейся куче итальянцев, в то время как мои люди продолжают рычать: "Mani in alto!" Пока не прозвучало ни единого выстрела. Я проникаю в холл. На какое-то время остаюсь один; впрочем, то, что творится за спиной, меня не волнует, оглядываться нет времени. Справа от меня лестница, я взбираюсь по ней, перепрыгивая через три ступеньки; оказавшись на первом этаже, бросаюсь вперед по коридору, открываю наугад одну из дверей — удача! В комнате Бенито Муссолини и два итальянских офицера, которых я тут же отгоняю к стене. Тем временем ко мне присоединяется мой бравый лейтенант Швердт; мгновенно оценив ситуацию, он выводит двоих офицеров, которые слишком ошеломлены, чтобы подумать о сопротивлении. Как только офицеры переступают порог, он спокойно закрывает дверь. Первая часть нашего рейда выполнена. По крайней мере теперь дуче с нами. А со времени нашего приземления миновало три, максимум четыре минуты. Снаружи, прямо в окне, возникают головы двоих моих унтер-офицеров. Проникнуть в холл им не удалось, и они, спеша ко мне на подмогу, взобрались по стене, цепляясь за громоотвод. Я ставлю их в коридоре, поручив перекрыть эту сторону. Из окна я вижу, как мерным шагом к отелю приближается группа из четырех человек под командой моего верного адъютанта Радля и лейтенанта Менцеля. Последний следует за своими людьми ползком, попластунски. При приземлении он с такой силой ударился о землю, что сломал ногу. — Все в порядке, — сообщаю им я. — Охраняйте нижний этаж. Еще я могу наблюдать прибытие планеров j 5, б и 7, привезших парашютистов. Они справились вполне успешно, но внезапно мне приходится стать свидетелем жуткого зрелища: планер j 8, по всей видимости, попал в воздушную воронку — его заносит на полном вираже и ударяет, как булыжник, о крутую осыпь, плющит, ломает. Вдалеке раздаются несколько одиночных выстрелов, произведенных, без сомнения, итальянскими постами, рассеянными по плато. Я выхожу в коридор и громко зову коменданта отеля. Он в чине полковника; тут же появляется. Я объясняю ему, что всяческое сопротивление бесполезно, и предлагаю немедленно сдаться. Он просит короткую отсрочку на размышление, и я даю ему минуту. А вот и Радль, ему удалось пробраться через главный вход, но у меня возникает впечатление, что итальянцы все еще препятствуют проходу, так как до сих пор я не получил подкрепления. Снова появляется итальянский полковник. Он держит обеими руками хрустальный бокал, который тут же наполняет красным вином и подает мне с низким поклоном. — За победителя! — говорит он. Флаг, вывешенный за окном, меняет свой цвет на белый. Я выкрикиваю еще несколько приказов своим людям, набившимся в отель, и только после этого наконец у меня появляется время, чтобы повернуться к Муссолини, который, защищенный массивной фигурой лейтенанта Швердта, находится в углу. Я представляюсь:

— Дуче, фюрер послал меня, чтобы освободить вас. Явно взволнованный, он заключает меня в объятия. — Я знал, что мой друг Адольф Гитлер меня не покинет. Формальности сдачи быстро урегулируются. Итальянские солдаты должны сложить оружие в столовой; что до офицеров, я разрешаю им оставить при себе револьверы. Кроме того, я знаю, что вместе с полковником мы захватили еще одного генерала. Помимо отеля мои люди заняты площадку канатной дороги. Там

линию даже не повредило. Подобный же рапорт приходит по телефону со станции на равнине. Однако внизу все же произошла короткая стычка. Но поскольку определенное заранее расписание было соблюдено с точностью до минуты, внезапность сыграла свою главную роль. Итак, первая часть нашей миссии закончена.

НЕЛЕГКОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот появляется лейтенант фон Берлепш, командир парашютистов, прибывший, как и я, по воздуху; он снова вставил свой монокль и не шевелясь выслушивает приказы, которые я выкрикиваю ему через окно. Прежде всего я посылаю подкрепление к канатной станции. Чем нас будет больше, тем лучше; кроме того, я собираюсь продемонстрировать итальянскому полковнику, что располагаю отрядом и на равнине. Ну а затем стоит подумать о возвращении. Путешествие в сто пятьдесят километров по маршруту, на котором нет ни одного немецкого подразделения, представляется мне весьма рискованным. Один бы я на него отважился, но забывать об ответственности лично перед Гитлером за безопасность дуче мне никак не следует. Разрабатывая нашу операцию, мы определили три возможных способа переправки Муссолини в Рим: план А, предложенный генералом Штудентом, включал блиц-атаку на аэродром в Аквила-ди-Абруца; я должен был бы удерживать его до прибытия трех транспортных самолетов, которые приземлились бы через несколько минут после атаки. Естественно, предварительно я должен был сообщить по радио генералу Штуденту час "Икс", чтобы самолеты смогли взлететь с римского аэродрома в нужный момент. Затем мне следовало подняться вместе с дуче на первом самолете, в то время как два оставшихся последовали бы за нами в качестве прикрытия и даже при необходимости отвлекли бы на себя возможных преследователей. План Б предусматривал посадку маленького самолета-наблюдателя типа "аист", способного летать на низкой высоте, на одной из полян близ станции канатной дороги, на равнине. И наконец, третий — и последний — план предусматривал, что капитан Герлах, личный пилот генерала Штудента, попытается, тоже на "аисте", сесть на самом горном плато. Первым делом я передаю в Рим, по радиостанции, которую привезли парашютисты, следовавшие по земле, весть об удачном завершении части нашего предприятия. Затем я принимаюсь за отработку расписания по реализации плана А. Но едва я собираюсь связаться с Римом и сообщить час "Икс", в который мы будем атаковать аквильский аэродром, как радист теряет — только Бог знает почему — контакт. Таким образом, план А отменяется. С помощью бинокля я могу наблюдать посадку первого "аиста" на равнину. И тут же передаю по телефону приказ пилоту готовиться к отбытию. Но тот сообщает, что повредил машину при посадке и сможет взлететь лишь после длительного ремонта. Поэтому мне ничего не остается, кроме как воспользоваться для отправки дуче в Рим планом С, самым рискованным из всех разработанных. Неожиданно карабинеры, которых к тому времени разоружили, проявляют чрезвычайное рвение нам помочь. Некоторые из них уже спонтанно присоединились к отряду, который я послал за телами людей, бывших в планере, потерпевшем аварию: заметил в бинокль, что кое-кто из выброшенных на осыпь еще шевелится; мы надеемся, что крушение машины не стало гибельным для всех. И теперь другие итальянцы принимаются вместе с нами расчищать и ровнять

маленькую полосу земли для посадки. В дикой спешке мы расталкиваем обломки скал, загромоздивших наиболее плоский клочок почвы, в то время как капитан Герлах на своем "аисте" уже выписывает над нами огромные круги, ожидая сигнала на приземление. Наконец все готовы и Герлаху удается с замечательной ловкостью сесть на "полосу", которую мы расчистили неподалеку от отеля. Узнав, что я намереваюсь отправиться вместе с ним, он не проявляет особой радости, но, когда я прибавляю, что полетим мы втроем — дуче, он и я, — он твердо отказывается, утверждая, что мой план "совершенно нереален". Я отвожу его в сторону от всех и кратко, но со всей возможной в данных обстоятельствах убедительностью излагаю причины, по которым мне приходится так настаивать на своем плане. Я сам довольно долго взвешивал все "за" и "против" такой попытки, вполне отдавая себе отчет в той тяжелой ответственности, которую я беру на себя, прибавляя свой собственный вес к грузу маленького самолета (и вес значительный, так как ростом я метр девяносто пять и соответствующего телосложения). Но разве мог я принять на себя ответственность гораздо более серьезную — позволить Герлаху одному лететь с дуче? Ведь если полет окончится катастрофой, мне ничего не останется, не ожидая решения сверху, как пустить себе пулю в лоб. Смогу ли я предстать перед Гитлером, для того чтобы объявить ему, что операция удалась, но Муссолини встретил смерть сразу же по своем освобождении? И поскольку никакого другого средства перевезти дуче в Рим у меня тоже не было, то я предпочел принять на себя всю опасность этого полета, которую мое присутствие на борту только увеличит. Итак, мы все трое препоручаем себя судьбе — пусть мне повезет или же я погибну вместе со своими двумя попутчиками... Наконец после некоторых колебаний Герлах соглашается с моими доводами. С большим облегчением я отдаю Радлю соответствующие приказания. В качестве пленника им предстоит везти лишь захваченного генерала и того, который нас сопровождал; что касается остальных офицеров и солдат, то мы оставим их безоружных в гостинице. Поскольку дуче сообщил мне, что все время плена с ним обращались вполне сносно, то никаких оснований для отказа от подобного добродушия я не вижу. Чтобы предотвратить возможный саботаж на канатной дороге, я приказываю каждой партии, отправляющейся вниз, брать с собой в корзину по двое итальянских офицеров. Когда же все люди окажутся на равнине, надлежит разрушить двигатель и все машины дороги таким образом, чтобы их немедленная починка стала невозможной. Затем, пока под руководством капитана Герлаха наши солдаты устраивают взлетную полосу, я наконец могу посвятить себя дуче. По правде сказать, человек, который сидел передо мной, одетый в слишком просторный гражданский костюм, едва напоминал того красавца, который был изображен на нескольких фотографиях, виденных мною ранее, — на всех он был облачен в форму. Только черты лица не изменились, хотя возраст проявился на нем еще отчетливее. На первый взгляд он казался истощенным какой-то тяжелой болезнью, и это впечатление только усиливалось бородкой, выросшей за многие дни заточения, и даже короткой щетиной, покрывшей его голову, всегда прежде чисто выбритую. Однако черные и яростные глаза все еще принадлежали великому диктатору. Мне казалось, что их взгляд буквально буравил меня все то время, что он скороговоркой пересказывал мне детали своего заточения. Я весьма рад был сообщить ему приятную новость:

— Мы ни на минуту не забывали о вашей семье, дуче. Губернатор Бадольо поместил вашу супругу и обоих детей в ваше имение Рокка-делла-Крамината. Вот уже несколько недель, как мы поддерживаем связь с донной Ракеле. И мало того, в тот самый момент, когда мы высадились здесь, другой отряд из людей моего подразделения начал операцию по освобождению вашей семьи. Я уверен, что к

этому часу она уже завершена. Расчувствовавшись, дуче сжимает мою руку. — Что ж, все идет прекрасно. Я благодарю вас от всего сердца. Мы выходим из отеля. "Аист" уже готов к отлету. Я с большим трудом пролезаю в узкую щель за вторым сиденьем, которое занял дуче. Перед тем как забраться в самолет, он выказал некоторые колебания: будучи сам опытным летчиком, он, безусловно, отдавал себе отчет, какой опасности мы намерены себя подвергнуть. Несколько смущенный, я пробормотал что-то вроде: "Фюрер приказал, он был категоричен..." Затем гул мотора избавил меня от поиска других извинений. Вцепившись в две стальные трубы, которые образовывали каркас самолета, я пытаюсь привести нашу "птичку" в некоторое равновесие, чтобы хоть немного ее облегчить. По знаку пилота солдаты, которые держали самолет за крылья и хвост, разом отпускают руки — и тут же нас бросает вперед. Мы мчимся все быстрее и быстрее к концу "взлетной полосы", но все еще остаемся притянутыми, будто магнитом, к земле. Я изо всех сил стараюсь сохранить равновесие. Машину трясет на камнях, которые мы не отбросили. Затем я вижу через переднее стекло глубокую рытвину, которая раздвигается прямо перед нами. У меня еще остается время подумать: "Господи! Если мы рухнем туда..." — и тут "аист" отрывается от земли, всего на несколько сантиметров, но и этого, кажется, достаточно. Левое колесо шасси еще раз резко напарывается на что-то, самолет легонько ныряет носом, и вот мы уже у самого края плато. Самолет заносит влево — и он проваливается в пустоту. Я закрываю глаза — у меня уже нет сил даже бояться — и, сдерживая дыхание, ожидаю страшного грохота и неминуемого удара... Свист воздуха вокруг крыльев становится резче и превращается в настоящий рев. К тому моменту, когда я вновь открываю глаза, — а все это не могло длиться больше нескольких секунд, — Герлах выводит самолет и медленно уравнивает его в горизонтальном положении. Теперь мы двигаемся с достаточной скоростью, даже для этой разряженной атмосферы. Едва ли в тридцати метрах над поверхностью равнины "аист" переходит на бреющий полет и достигает порога, за которым начинается низина Аррецано. На этот раз мы и в самом деле прошли. Мы все трое — краше в гроб кладут, но никому и в голову не приходит завести речь о только что пережитых ужасных мгновениях. С некоторой фамильярностью, позабыв о субординации, я кладу руку на плечо дуче, который теперь-то уж точно спасен. Муссолини уже оправился, вновь обрел дар речи и ударился в воспоминания, связанные с местами, над которыми мы летели, быть может, не выше пятисот метров — предосторожность против возможных самолетов союзников. Дуче бегло говорит по-немецки, почти без ошибок — факт, который в нервном напряжении первых минут я даже не заметил. Осторожно мы проплываем над последними отрогами гор — и вот уже летим над Римом, направляясь к аэродрому Пратика-ди-Маре. — Внимание, — бросает нам Герлах, — держитесь крепче! Садимся в два приема. И правда, я ведь уже забыл, что наше шасси поломано. Самолет очень нежно прикасается к земле, легонько подскакивает, пилот восстанавливает равновесие, и, на правом колесе и заднем элероне, мы тихо едем по полосе, а затем машина останавливается. Все прошло как в сказке, а ведь наши шансы с начала и до самого конца авантюры были, если признаться, не так уж и велики. Нас встречает адъютант генерала Штудента, сияя от радости. Три самолета "Хейнкель-111" готовы к взлету. И у нас совсем не остается времени, если, конечно, мы и вправду хотим достичь Вены до наступления ночи.

ЗАГАДКА ВИШИ

Я, пожалуй, пропущу в своем рассказе все поздравительные речи и награды, которые я получил за эту операцию, искреннюю благодарность дуче и горячие поздравления, которые мне высказал Адольф Гитлер лично в ставке главнокомандующего перед высшими персонами рейха. После короткой передышки я вернулся на свою "базу" в Фридентале, чтобы вновь посвятить себя делам организации моего специального подразделения. Но проработать спокойно удалось всего пять месяцев. В конце ноября 1943 года я внезапно получаю из ставки приказ Гитлера немедленно в сопровождении роты своих солдат отправляться в Париж, а там, сразу по прибытии, обращаться за дальнейшими указаниями к генералу Обергу — шефу СС и немецкой полиции во Франции. Мне не слишком пришлось по душе эти неточные и краткие приказы; долгий опыт подсказывал, что чаще всего они служат признаком некой неприятной и деликатной миссии. Но солдат должен повиноваться; итак, я вскочил в первый поезд, в то время как рота моих солдат готовилась отбыть на следующий день. Честно говоря, я не был так уж недоволен возможностью повидать Париж снова — я бывал там, и, как показалось, слишком кратко, в 1940-м и в 1942 годах. Красота и шарм французской столицы произвели на меня такое впечатление еще во время самого первого визита, что я с тех пор постоянно высказывал свое восхищение самым прекрасным из европейских городов, прибавляя, что, по моему мнению, второе место должно быть присуждено Вене, а третье — Будапешту. Эта классификация всегда приводила в ярость истых пруссаков, и больше того, добрых австрийцев, особенно когда я уточнял, что мне кажется, будто Берлин не более чем нелепое нагромождение разного рода камней. Частенько я от души смеялся, наблюдая, как они просто подпрыгивают от возмущения при моих столь невинных замечаниях... Выполнив предначертание, вывешенное повсюду на Северном вокзале, — "немедленно" отмечаться по прибытии в комендатуре на площади Оперы, я отправляюсь в отель "Континенталь", расположенный на улице Риволи. После длительных поисков в этом огромном улье — а сотни номеров переделаны в конторы и буквально кишат штабными служащими — мне наконец удается наткнуться на своего благодетеля полковника, тоже в штабной форме, с красными кантами на брюках. Он меня уже ждет и сразу заявляет, что получены инструкции: передать в мое распоряжение подразделения — сколько и для каких целей, он, правда, не знает. Он призывает одного из ближайших сотрудников коменданта Парижа, но и этот не может сообщить ничего нового, лишь подозревает, что речь идет о взаимоотношениях, уже достаточно путаных, между вишистским правительством и нашими. Сообщив это, он принимается излагать все, что ему известно об обстановке во Франции, причем в своей собственной интерпретации. Поскольку последние несколько недель я едва выкраивал время на чтение газет, то из его лекции не понимаю и половины: кроме имен маршала Петэна, адмирала Дарлана, генералов де Голля и Жиро я абсолютно ничего не могу различить в хитросплетениях французской политики. По тому, что мне объяснили эти два офицера, могу заключить: окружение маршала Петэна и некий генерал из правительственных кругов Виши проявляют недовольство тем фактом, что немецко-французские переговоры остановились на стадии военного перемирия сорокового года. За три года не сделано ни единого шага к заключению мирного договора, уже давно обещанного, подписание которого, без сомнения, усилит достаточно шаткое положение французского правительства. Что касается маршала Петэна, мои собеседники представили его ревностным патриотом, слегка упрямым и старающимся — вполне законное желание, по моему суждению, — "спасти мебель", причем всеми возможными способами. Но увы, к его досаде, Германия по

вполне понятным причинам, которые тоже, по-моему, законны, пока сомневается, нужно ли делать слишком значительные уступки французскому патриотизму. К тому же недавно выяснилось, что Виши и "Свободная Франция" поддерживают и всегда поддерживали отношения гораздо более тесные, чем можно было подозревать раньше. Это предположение представляется мне вполне допустимым. В тот момент Северная Африка, как, впрочем, и почти все колониальные территории Франции, были оккупированы союзниками, следовательно, находились во владении "Свободной Франции". Кроме того, моральное воздействие начального триумфа "держав оси" начинает понемногу уменьшаться. С самого начала 1943 года события явно приняли такой оборот, который не идет на пользу Германии, — обстоятельства изменились, в чем мы, может быть, пока еще не отдавали себе ясного отчета, но лагерь противника, естественно, находил в этом некие признаки. Мало того, совсем недавно немецкое командование получило конфиденциальные донесения от тех, кого принято называть "верными и заслуживающими доверия источниками", согласно которым следовало ожидать неожиданной развязки: отношения, существующие между Виши и "Свободной Францией", судя по всему, стали настолько тесными, что правительство Петэна уже подумывает искать убежище в Северной Африке. По другим сообщениям, полученным от источников тоже "верного" характера из окружения генерала де Голля, последний намеревается сместить силой старого маршала и его министров. Немецкое командование во Франции тут же передало обе противоречащие, однако равные по своей тревожности гипотезы, в ставку фюрера. Что касается моей роли во всем этом, то они ничего не знают; без сомнения, очень скоро мне будут высланы из ставки более точные указания. А в настоящее время мне следует просто представиться, и без отлагательств, генералу Обергу. Я откланиваюсь, пешком прохожу Елисейские Поля и оказываюсь на улочке, неподалеку от Авеню Фош, где и располагается бюро генерала. Меня принимает офицер полиции, который не больше господ из отеля "Континенталь" осведомлен о характере миссии, которую мне собирались доверить. Он тоже чувствует себя обязанным просветить меня относительно ситуации во Франции; потому немедленно приступает к докладу, который в точности походит на услышанный мной только что, с той лишь разницей, что этот менее краток и, таким образом, растягивается на полчаса дольше. Когда я скромно интересуюсь, каковы распоряжения генерала Оберга на мой счет, то получаю ответ, что есть надежда получить его инструкции в течение ближайших двадцати четырех часов. Также мне дается бесценный совет быть наготове (я спрашиваю себя, к чему же) и, кроме того, появляться два раза в день. Что же касается роты, которая должна была прибыть на следующий день, то ей следует разместиться в одной из казарм у Сен-Жермен-ан-Лэ. На следующее утро я заявляюсь в бюро снова, но провожу время напрасно: никаких приказов из ставки для меня еще не пришло. После полудня я отправляюсь встречать своих людей на Северный вокзал, и только там меня внезапно осеняет: я ведь пока не вхож в достаточное число бюро и служб, чтобы обеспечить шестью грузовиками прибывших солдат и их оборудование! На любопытный вопрос одного из моих офицеров, как им добираться до места, я могу лишь ответить, что, видимо, нам придется немного подождать. Вечером, во время моего уже второго визита в контору генерала Оберга, меня просят зайти еще раз после полуночи, ибо именно тогда они надеются получить приказ из ставки. Зная, что фюрер любит работать по ночам, я несколько не удивляюсь. И действительно, в два часа ночи телеграф передает долгожданные инструкции. "Приказ: окружить город Виши кордоном немецких войск, соблюдая все меры предосторожности и как можно незаметнее. Военные силы должны быть расставлены так, чтобы по первому же сигналу из

ставки немедленно перекрыть все выходы из города и воспрепятствовать любой попытке бегства, в пешем порядке или на машине. Кроме того, следует поставить в резерв боевую группу достаточной мощности для того, чтобы по второму сигналу перекрыть выходы и в случае необходимости захватить здание собственно французского правительства. Войска, которые примут участие в этой операции, должны быть подчинены майору Скорцени; командующий немецкой армией во Франции, а также начальник службы безопасности и полиции, каждый в своей области, должны предоставить ему все необходимые средства, которые он сочтет нужными. Как только силами будут заняты назначенные позиции, майор Скорцени обязан проинформировать об этом ставку по телеграфу". Сопровождающий меня фон Фолькерсам бросает на меня многозначительный взгляд. Еще раз нам придется провести всю ночь за работой. Как всегда предусмотрительный, он уже разложил на столе штабную карту района Виши. Вспомнив наше стремительное вторжение в глубь Франции и сложности, с которыми нам тогда пришлось столкнуться, я прошу офицера принести мне карту Мишленас, которой доверяю. Затем мы разрабатываем основные линии нашего плана. Судя по протяженности района, который следует блокировать, нам потребуется два батальона, к которым придется прибавить еще один в качестве резерва. Поскольку предписывается совершать все по возможности скрытно, то мы решаем использовать для образования кордона силы полиции, появление которых в глазах местных жителей не будет слишком странным. И напротив, для возможного захвата правительственных зданий нам, очевидно, потребуются, помимо моей роты, обстрелянные части, которые, слава Богу, вермахт обязан предоставить в наше распоряжение. Начальник штаба генерала Оберга сказал, что все решит в течение сорока восьми часов. Я выражаю удовлетворение. На следующий день выясняется, что эти два батальона поведет генерал полиции! По инструкциям ставки этот генерал должен в свою очередь попасть под мое командование — обыкновенного майора! Впрочем, мне казалось, что подобным осложнениям не будет конца. К счастью, мои страхи оказались напрасными. Сразу по прибытии в Виши генерал расположился в одной из окрестных гостиниц и, соблазненный выкрутасами местной кухни, больше о своих войсках и не думал. Чревоугодие возобладало над военными обязанностями. Впрочем, я опережаю события. На самом деле мы еще не там — мы еще так далеко, что об этом я и не думаю. Начиная со следующего дня я принимаюсь выбивать из командующего силами вермахта разрешение прибрать к рукам какую-нибудь отборную часть. Но разрешение, как известно, — это еще не все. Старики-ветераны, которых предлагают сперва, меня не привлекают; батальон рекрутов, которых подсовывают затем, тоже никак не вызывает у меня повышенного интереса. Раз уж может так стать, что придется броситься на штурм цитадели французов после весьма поспешной подготовки и во главе незнакомых мне частей, то по крайней мере я имею право рассчитывать на опытных подчиненных! После утомительных переговоров с несколькими офицерами главного штаба я наконец добиваюсь следующего: вместо требуемого батальона мне выделяют две роты, но зато — из новой дивизии "ваффен СС "Хохенштауфен". Случайно в тот же день я познакомился с командиром этой дивизии. Когда мне удалось в конце концов убедить его в исключительной важности нашей миссии, он обещал направить мне тщательно отобранных людей и с ними двух своих капитанов. Должен сказать, он сдержал слово. Всего через несколько дней по прибытии подразделений на маленький аэродром к северу от Виши, который я определил как место дислокации резерва, у меня возникла счастливая уверенность, что с этими людьми наша операция пройдет совершенно спокойно. Точно так же урегулировав некоторые детали, связанные с

транспортировкой моих людей, на следующий день я вместе с фон фолькерсамом еду к Виши. Ради предосторожности мы выдаем себя за гражданских лиц и устраиваемся в самом городе, не привлекая внимания, — теперь можно присмотреться повнимательнее к топографии местности. На следующий день мы "прошлись" по городу в сопровождении нашего "хозяина", офицера службы безопасности, тоже в штатском. Естественно, наш особый интерес вызвали улицы и здания, примыкающие к правительственному кварталу. Правительство располагалось в самом центре, в одном из огромных отелей, который соединялся с другой группой жилых домов крытым переходом на высоте первого этажа. Этот переход в моем плане играл немаловажную роль. Фасад одного из этих жилых домов был обращен к городскому парку, а другой выходил на большую площадь. Столь обширное протяжение облегчало нам как проникновение, так и быстрое рассредоточение сил. Однако нам на глаза попались две весьма современные постройки на площади, довольно маленькие, которые, как нам сказали, занимают войска охраны, подчиняющиеся напрямую французскому правительству. Солдаты, которые нам встречаются то тут, то там, создают впечатление дисциплинированных и хорошо вооруженных, и, кроме того, ими руководят прекрасно обученные командиры. Итак, здесь нам следует ожидать крепкой обороны, — по крайней мере заставить всех врасплох не удастся, и у кого-нибудь из офицеров найдется время отдать соответствующий приказ. Когда мы неспешно возвращаемся к нашему жилищу, я внезапно становлюсь молчаливым и мрачным. Дело в том, что я пришел к весьма унижительному для себя выводу: я просто глупец, невероятный глупец! Все это утро мы вели себя как совершенные болваны, а вовсе не так, как полагается офицерам секретной немецкой службы и тем более — командирам частей, действующих на территории противника. И как нам только в голову пришло — отправиться на прогулку в обществе этого офицера полиции, который должен быть известен всем и каждому в городе? Уж не говоря о том, что, возможно, после освобождения Муссолини местная пресса растиражировала фотографии моей рябой физиономии! Короче, я собой весьма недоволен: следует признать, что мне многому еще нужно учиться... В течение всего времени после полудня я заводил контакты с различными служащими и офицерами немецких служб в Виши, только чтобы примерно разобраться в ситуации. Сначала юный атташе посольства — сам Абетц в этот момент отсутствовал — разъяснил мне две теории прямо противоположного свойства, которые вызрели в недрах нашего министерства иностранных дел. Согласно мнению одних мыслителей, французы совершенно ничего не затевают и, следовательно, у нас нет ни малейших оснований для интервенции. По предположениям других, мы должны перевести правительство Петэна, по согласию или же силой, в Париж. Таким образом, старый маршал найдет себе укрытие от всепроникающих голлистских идей и, кроме того, попадет под немецкое влияние, что, безусловно, скажется с лучшей стороны на развитии француско-немецких отношений. Эта вторая группа теоретиков, как поговаривают, даже уже приготовила какой-то замок к северу от Парижа для размещения маршала. Мой второй собеседник, офицер секретной армейской службы, следовательно один из подчиненных адмирала Канариса, охотно поделился всей информацией, которой располагал. Это была причудливая коллекция слухов, сплетен и объективных сведений, добытых большей частью нашими агентами в Северной Африке, плюс — совершенна фантастических предположений; например, одно бесценное сообщение было получено в беседе за стаканчиком в баре от болтливого секретаря одного из французских министерств; другое исходило от подруги морского офицера из окружения адмирала Дарлана, некой "бравой девицы", которая одаривала своей благосклонностью всех без

разбору парней, лишь бы на них была престижная военная форма поярче. Вся эта словесная мешанина, естественно, не прибавила мне понимания происходящего, и я только подивился, как на основании подобной информации сам адмирал Канарис способен приходить к каким-либо ясным заключениям. Шеф нашей тайной полиции оказался осведомлен не больше всех остальных. Единственное, что он мог выдать из себя, — это честное признание, что ситуация "далеко не ясна", что, естественно, для меня уже новостью не являлось. Впрочем, он тоже горел желанием поделиться внушительным количеством противоречивых сведений. Но почти все они были основаны на данных, позаимствованных у арестованных голлистских агентов. Ему уже дважды за последнее время доносили о грядущих и весьма грозных акциях "Свободной Франции" против правительства Виши, но ничего так и не происходило. Он, кстати, тоже ратовал за немедленный перевоз правительства в оккупированную зону. Я вполне понимал его замысел: подобное решение разом прекратило бы все волнения и суету, которые столь досаждали ему здесь последнее время. Короче, этот человек желал только одного: чтобы его наконец оставили в покое. В конце концов я даже свел знакомство с полковником Люфтваффе, членом нашей комиссии по перемирию. Этот заявил мне без обиняков, что ничего не знает и что лично он отказывается верить в любой из бесчисленных слухов, которые заразили всю атмосферу города. — Лучше всего безотлагательно заключить мирный договор с Францией, а если возможно — одновременно и с Англией. Это прекрасное решение всех проблем, утверждал он, явно радуясь тому, что наконец нашел столь простое и радикальное решение. Увы, это предложение едва ли могло оказаться мне полезным. На обратном пути я не мог удержаться от тягостного недоумения при мысли о невероятнейшем винегрете, который, по всей видимости, образовали в досье ставки рапорты наших представителей. Как фюрер и его советники могли прийти к какому-либо верному заключению или по крайней мере к ясному пониманию ситуации? Что если, основываясь именно на этих рапортах, чтобы не сказать — сплетнях, ставка совсем недавно отдала мне приказ начать эту тщательно подготавливаемую операцию; а ведь когда решение принимается на основе полного доверия к подобной ошибочной или даже намеренно ложной информации, то в результате выходит ужасная каша: в данном случае во всех отношениях, и нынешних и будущих, — между Францией и Германией. Единственное утешение, говорю я себе, что моя прогулка, при всей мешанине противоречивых и ненужных сведений в голове, оказалась не так уж и бесполезна. Бродя по городу, я пришел к радостному выводу: очевидно, он весь погрузился в традиционную для южных стран, но заметно затянувшуюся сиесту. К двум часам пополудни все улицы совершенно обезлюдели. И потому я решаю выбрать как час "Икс" именно это время, особенно спокойное. Итак, теперь у меня есть серьезный шанс достичь вместе со своим боевым батальоном центра города, не тревожа отдавшихся дреме жителей. От аэродрома до правительственного квартала, должно быть, километров пять, что соответствует семи минутам езды наших гусеничных автомобилей. Конечно же, следует учитывать в своих планах, что вишистские наблюдатели, а может быть, даже и голлистские агенты, вероятно, присматривают за всем тем, что творится в бараках, в которых разместились мои люди. Против подобной слежки есть только одно средство: попытаться соответствующим маневром обмануть противника и действовать в нужный момент с молниеносной быстротой. С помощью фон Фолькерсама я прорабатываю, и с большой тщательностью, все детали операции, особенно ту часть плана, что касается действий моей "группы захвата". Мы разделили всю операцию на две фазы и заняли наши войска ежедневными тренировками — дневными и ночными маршами, пешими или на автомобилях. Зато около полудня никаких учений мы не

проводим, чтобы — не дай Бог — не возбудить любопытства у наших наблюдателей. Во всяком случае, мы твердо знаем, что наши люди именно в это время всегда тянутся к походным кухням, и, таким образом, находятся под рукой. Что касается штабов двух батальонов полиции, то они расположились один в Коньяте, к западу от Виши, а другой в Босте, к востоку от города. Почти весь день я носился по нашей территории, проверял патрули. Блокировка города оказалась не такой уж легкой задачей. Из самого центра Виши выходит по меньшей мере пятнадцать дорог, которые разбегаются в разных направлениях. Эти дороги с интенсивным движением соединяются друг с другом, и следить за этими вторичными маршрутами весьма трудно. К тому же нам надлежит предусмотреть и такую трудоемкую работу, как отсечение даже проселочных дорог и тропок. Из восьми рот, которые вместе составляли два батальона полиции, две постоянно оставались в резерве. Им следовало в надлежащий момент блокировать все основные выходы на границе города. Другие части должны были образовать повсюду вокруг Виши как можно более тесный кордон и продвинуться примерно на шесть километров от города. Так, благодаря двойной цепи мы надеялись помешать всем живым существам, лишенным крыльев, как войти, так и выйти из города. Мой план действий был следующим: как только ставка передаст нам требуемый сигнал, завуалированный весьма странной фразой, "волк залаял", батальон захвата вступает первым. Благодаря постоянным тренировкам людям потребуется только десять минут на подготовку, чтобы экипироваться с головы до ног и погрузиться в свои автомобили. Я надеялся, что в таких условиях смогу отдать приказ о выступлении в час сорок пять. Я не предвижу никаких помех и тем более вооруженного противостояния во время всего пути до правительственных зданий, притом что он будет длиться минут восемь — десять. Итак, головной отряд, первая рота из моего батальона фриденбургских охотников, достигнет театра действий без каких-то минут два. Один взвод из головной роты разделится на группы, чтобы занять маленький мост через один из рукавов реки Алльер, и будет держать, чего бы это ни стоило, открытым путь отступления для нас на аэродром. Два батальона на броне занимают площадь перед зданием правительства, парк и соседние улицы, где и держатся против всех возможных атак и прикрывают огнем роту охотников, которые под моим командованием бросаются на штурм двух жилых зданий. Поскольку я еще помнил успех нашей неожиданной атаки, совершенной без малейшего кровопролития при освобождении Муссолини, то отдал приказ оставить противнику инициативу первого выстрела. Команду "огонь!" могу отдать только я сам, капитан Фолькерсам или самый старший по чину офицер одной из рот. Две ударные группы моей роты должны попытаться захватить, насколько это возможно, не применяя оружие, все основные входы в правительственное здание и занять лестницы и площадки на первом этаже. Что касается меня, то я попытаюсь во главе третьей группы проникнуть в соседний жилой дом и захватить через крытый проход коридор, который ведет к правительственным конторам. Что касается дальнейшего, то мне надлежало ждать более точных приказов из ставки. Я пока не знал, идет ли речь о предотвращении налета "Свободной Франции", об уничтожении неких министров, подозреваемых в голлистских симпатиях, или же о перевозе всего французского правительства в оккупированную зону. Дни проходили, не принося нам ничего, кроме приказов о "повышенной боеготовности", которые регулярно отменяли через несколько часов. Почти в середине декабря меня разбудили немного позже полуночи и срочно вызвали в Париж. Там, в комендатуре вермахта на улице Риволи, меня поджидал офицер армейской службы безопасности, который передал мне телефонную трубку — на связи ставка фюрера. Я, естественно, предположил, что мне наконец-то дадут

какой-то внятный приказ. То была глубокая ошибка: адъютант Гитлера объявил, и довольно сухо, что пока никакого решения не принято, но, возможно, оно появится в течение суток. В четыре часа пополудни меня снова вызвали из ставки, и снова ничего. По счастью, за долгое время службы я вполне выучился наглавейшей добродетели солдата — терпению. Итак, я ожидал, пока господ в ставке соблаговолит прийти к какому-либо согласию. В десять вечера меня снова вызвали. Я подскочил к аппарату, уверенный, что вот сейчас-то наконец получу определенный и точный приказ. Но вместо долгожданного решения мне просто передали следующую инструкцию: "Майору Скорцени немедленно возвратиться в Виши. Он должен поддерживать в своих войсках состояние боеготовности вплоть до нового приказа". И вот я снова на пути к "временной столице" Франции. Все спокойно в ночных деревушках, а я пытаюсь разгадать причины столь длительных колебаний ставки. Некое предчувствие мне подсказывает, что фюрер уже готов принять совсем другое решение — о сворачивании всей нашей операции. В течение нескольких последующих суток мы получили еще множество противоречивых указаний: то нам предписывали отменить тревогу, то, наоборот, вновь всем быть наготове. Мы начали к этому привыкать. Когда я объявил офицерам батальона захвата, что, по моему мнению, операция не состоится, глубокое разочарование отразилось на всех лицах; определенно, все ребята просто мечтали о подвиге подобно тому, в Гран-Сассо. И действительно, 20 декабря 1943 года я получил приказ "отбой": надо отправлять обратно все части. И естественно, все мы теперь думаем только об одном: быстрее, как можно быстрее попасть домой — вдруг мы еще успеем получить небольшой отпуск на Рождество. Через двадцать четыре часа я прибыл со своей ротой в Париж, а там мы едва успели на экспресс до Берлина.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Вернувшись в Фриденталь, я понял, что на долю моих офицеров уже выпали первые стычки с противником: началась настоящая война с чиновниками из Главного управления войск СС. Сигналом к атаке послужило утверждение численности штаба и вооружения — двух пунктов, необходимых всякому подразделению и продуманных нами с особой тщательностью. Наши наивные солдатские головы не покидала уверенность, что все заявки будут выполнены. Последовали несколько недель ожидания и нескончаемых переговоров; нам приходилось сражаться буквально за каждого человека, за каждый автомат или автомобиль, прежде чем мы получили все, что хотели. Наконец Главное управление уведомило нас, что они согласны. Полные радужных надежд, мы пробежали готовый приказ о формировании 502-го мотострелкового батальона под началом "командира штурмового отряда Отто Скорцени". Но дойдя до последней фразы, почувствовали себя идиотами: Главное управление войск СС замечало в скобках, что будущему формированию не стоит рассчитывать ни на прикомандирование техники, ни на заполнение вакансий личным составом. Мы не понимали, плакать нам или смеяться, но по трезвом размышлении решили отнестись к происходящему со здоровым юмором и постараться всеми силами хоть как-то исправить трагикомизм ситуации, бесстыдно пользуясь теми арсеналами, к которым был возможен доступ, и вербуя людей во всех частях вермахта. Понемногу подобралась довольно пестрая смесь — пехота, летчики, моряки и солдаты СС, — но это не помешало нам сформировать вполне однородную команду. В феврале 1944

года круг моих непосредственных обязанностей деятельность диверсионных отрядов — сильно расширился: мне пришлось включить в него то, что публика не без иронии окрестила "секретным оружием". Начал я с того, что занялся вопросами ведения войны на море. С тех пор как Северная Италия, взнузданная дуче, снова стала нашим союзником, связи между нашими армиями окрепли. Благодаря этому сотрудничеству я неплохо изучил великолепную работу одного из лучших итальянских подразделений — Десятой флотилии МАС, — которой командовал тогда князь Боргезе. Они разработали и довели до совершенства многие образцы так называемого малого вооружения, изобретенного для действий против флота союзников. Из того, что мне показали, я не могу не упомянуть небольшой быстроходный катер, напичканный взрывчаткой и управляемый лишь одним человеком, который подводит его к цели и катапультируется в самый последний момент. Кроме того, у итальянцев были в ходу торпеды особой конструкции; водолазы, обслуживающие эти огромные снаряды, направляли их на вражеские суда. Именно эта хитроумная техника принесла итальянским отрядам небывалую удачу в действиях против кораблей союзников сперва в Александрийском порту, а затем в самом центре Гибралтара. Еще 10-я флотилия МАС включала взвод так называемых лягушек хорошо подготовленных ныряльщиков, в задачу которых входило приблизиться к вражескому кораблю под водой и прикрепить к борту специальную мину. На ногах у них были каучуковые ласты, позволяющие им одинаково хорошо двигаться на поверхности и под водой и достигать достаточной скорости при минимуме усилий. Один из наших офицеров, вооружившись этими ластами, в одиночку отправил ко дну больше пятидесяти тысяч тонн союзных грузов. В один прекрасный день я получил приказ связаться с вице-адмиралом Хайе, командиром недавно созданного спецподразделения военно-морских сил. Гиммлеру очень хотелось, чтобы мои лучшие люди приняли участие в подготовке этих "морских командос". Мысли, которыми поделился со мной вице-адмирал, взволновали меня чрезвычайно. По его мнению, за исключением подводных лодок, минных тральщиков и быстроходных катеров, наш флот уже не способен выдержать сражения с союзниками по всем правилам. На море мы в лучшем случае пассивны, если не беспомощны. Но боевой дух моряков по-прежнему высок; им нужны только новые точки приложения сил. Чтобы драгоценная энергия этих людей не пропала даром, вице-адмирал и его коллеги срочно занялись разработкой новых видов особо эффективного "секретного оружия". Конечно же, они отталкивались от того, что сделали в этой области итальянцы, — ведь прежде всего нужно воспользоваться тем, что существует. Все мы слишком хорошо понимаем, что нельзя терять ни минуты. Война идет к концу... Военные инженеры предложили проект модернизации обыкновенных торпед: взрывное устройство в носу удаляется, и на его месте монтируются рычаги управления под прозрачным герметичным колпаком, а к днищу крепится еще одна торпеда, снаряженная по всем правилам. Дальность действия этих "управляемых снарядов" достигает десяти морских миль. Мы прекрасно понимали, сколь примитивны и несовершенны эти устройства, "черномазые", как мы называли их между собой. Однако нельзя было сбрасывать со счетов эффект внезапности. Первые испытания нового оружия и впрямь прошли с полным успехом. Ранним утром, предвещавшим прекрасный летний день, двадцать человек из спецподразделения морских сил спустили на воду своих "черномазых друзей" к северу от союзного плацдарма в Анцио. Через несколько минут их взорам открылось то, что должно было послужить им мишенью, множество военных кораблей и транспортов противника. Никто не заметил их. Удар по пусковому рычагу — и нижние торпеды ушли к цели. Две минуты спустя глухие взрывы вспенили воду возле кораблей: крейсер с огромной

пробоиной, затопленный миноносец и торговые суда общим водоизмещением более 30 тысяч тонн, которые тоже либо повреждены, либо пущены ко дну, — таков итог отчаянной вылазки горстки отважных людей. Семеро из наших вернулись сразу же на своих "суденышках", еще шесть человек, добравшись до берега, оказались в глубоком тылу и присоединились к нам ночью, благополучно миновав вражеские дозоры. Семеро последних с задания не вернулись... Впоследствии были еще и еще удачные операции, хотя, быть может, и не столь ответственные: Средиземное море, Ла-Манш... Противник, впрочем, довольно быстро понял, что означает появление маленьких стеклянных куполов "ручных торпед". Как только наблюдатели замечали их, корабли открывали шквальный огонь из среднего калибра. После нескольких неудачных попыток мы решили прибегнуть к небольшой уловке. Под утро — само собой, при ветре и благоприятном течении — мы вывели в море пустые стеклянные поплавки; герметически запаенные, они просто плавали на поверхности. Англичане обрушили бешеный огонь на эти безвинные игрушки, в то время как настоящие "черномазы", не привлекая внимания наблюдателей, спокойно приблизились с противоположной стороны и выпустили свои снаряды. Кроме того, мы использовали, и причем все чаще и чаще, "взрывчатые катера", или "бобы" на нашем условленном языке; они управлялись техникой с большого расстояния — этот принцип уже нашел применение в "Голиафе", знаменитом танке-карлике, начиненном динамитом. Эффективность "бобов" была чрезвычайно высокой благодаря специальному устройству, которое затапливало катер при касании вражеского корабля, и он взрывался под килем, на определенной глубине, образуя в днище роковую пробоину. "Бобы" помогли нам во многих успешных операциях в Средиземном море и на отмелях Нормандии, которые были местом высадки союзного десанта. Что же касается мини-подлодок, которые до нас применяли японцы и англичане (единственный раз, во время сражений в Норвегии), у нас их было несколько видов, но рейды с их участием, которые мы предпринимали время от времени, оказались слишком дорогостоящими. До самого конца войны технические службы ВМС безуспешно пытались улучшить это оружие, сделав его более эффективным и, главное, менее уязвимым. Уже с начала весны 1944 года все мы начали гадать, где и когда будет выброшен десант в Западной Европе. Нам было известно, что он состоится и, несомненно, состоится скоро. В мае я ознакомился с аэрофотосъемкой английских портов юго-западного побережья и, как и все, безуспешно ломал голову, пытаясь разгадать назначение сероватых прямоугольничков, бесконечными рядами тянувшихся вдоль всех дамб. Только потом мы поняли, для чего предназначались эти продолговатые блоки: во время десанта из них получился искусственный порт. Тогда же мы стали раздумывать, сможем ли и если сможем, то как в первые дни после высадки помешать подходу вражеских подкреплений и приведению союзников в боевой порядок. Я начал с того, что получил в адмиралтействе секретный список пунктов, в которых высадка была возможна по чисто техническим соображениям. Там перечислялся десяток прибрежных районов. Первым номером шел полуостров Контантэн с Шербуром — наиболее вероятное место, а далее излагались весьма ценные сведения о всех пляжах и отмелях, которые подходили для выброса десанта. С этим списком в руках мы принялись разрабатывать "спецпрограмму", продумывая ее детали для каждого из десяти возможных мест. Для начала мы предложили уже сейчас направить в береговую полосу спецотряды, чтобы подготовить операции против центров связи и командования противника. Мы решили минировать территорию зарядами новейшей системы: они будут взрываться тогда, когда нужно, с помощью радиосигналов с наших самолетов. Как и всегда, мы должны были представить

наши проекты на рассмотрение командованию Западным фронтом. Ответа все не было, мы слали запрос за запросом. Наконец Париж откликнулся долгожданной депешей: в принципе план, разработанный экспертами из специального подразделения под командованием Скорцени, основан на верной оценке наличествующих условий и представляется выполнимым. Но, — как всегда, имеется одно "но" — нам кажется невозможным приступить к необходимым приготовлениям, не привлекая внимания наших частей, дислоцированных в прибрежной зоне. А подобные действия не могут не поколебать уверенности войск в неуязвимости Атлантического побережья и не подорвать боевого духа солдат. По этой причине мы вынуждены отказаться от реализации изложенного проекта в целом. Подпись: неразборчиво (как обычно). Комментарии излишни...

Создавая новое оружие, мы вторгались и в вотчину Люфтваффе: подобные исследования уже велись какое-то время в 200-й боевой эскадрилье. Они даже создали концепцию операций "смертников" — летчиков-добровольцев, которые готовы были погибнуть вместе со своими самолетами, наполненными бомбами или взрывчаткой, направляя их прямо в цель; мишенью служили, как правило, военные корабли. Фюрер, однако, эту идею отверг, видимо, из чисто философских соображений; он утверждал, что такие жертвы не отвечают ни характеру белой расы, ни арийскому менталитету. По его мнению, путь японских камикадзе был не для нас. Тем временем — это было за несколько недель до высадки союзников — мне посчастливилось познакомиться с летчицей Ганной Райч, и первая наша беседа дала мне повод к новым раздумьям. С удивительным спокойствием, которого я не ожидал встретить в этой хрупкой женщине, она заметила, что настоящий патриот не может слишком дорожить своей собственной жизнью, когда на карту поставлена честь отечества. Позже она объяснила мне, что подразумевалось под этим. Не исключено, полагала она, что события обернутся для нас столь трагически, что мы сами встанем перед необходимостью прибегнуть к помощи "добровольных смертников". И тогда мы обязаны будем найти способ, чтобы дать пилоту как минимум один шанс спасти свою жизнь. Здесь Ганна, без сомнения, была права: я и сам неоднократно имел случаи убедиться в том, что энтузиазм и боевой дух моих солдат удесятерялись, если у них появлялась хоть какая-то возможность вернуться целыми и невредимыми. Несколько дней спустя я получил разрешение посетить огромный испытательный полигон ракет класса "V", расположенный в Пенемюнде, на острове Узедом в Балтийском море. Сейчас я практически уверен, что инженер, которому было поручено меня сопровождать, показал мне далеко не все: тогда уже велись работы по созданию нового оружия массового поражения. Но "V-1" мне позволили изучить досконально, и плюс ко всему мне довелось присутствовать при запуске одного из снарядов. Именно тогда мне пришла в голову мысль и тут попытаться сделать то же самое, что мы сделали с морскими торпедами: снабдить ракету кабиной для пилота. После бесконечных споров с начальством и с экспертами из министерства военной авиации мне удалось одержать победу, сославшись на категорическое желание фюрера немедленно приступить к испытаниям и постоянно держать его в курсе того, что делается. Сказать по правде, это "желание" Адольфа Гитлера было самым обыкновенным враньем, но мой "маневр" сработал безотказно, полностью рассеяв сомнения этих господ, — факт

тем более примечательный, что несколькими месяцами раньше Ганна Райч, которую осенила та же идея, что и меня, безуспешно пыталась сломить сопротивление чиновников. Мне выделили помещения, станки, инженеров и техников, которые нам требовались, и через две недели — срок рекордно короткий — состоялись первые испытания. Реактивный снаряд с пилотом закрепили под корпусом "Хейнкеля-111", который поднял его, словно пушинку. Где-то в районе тысячи метров "V-1" отделился от носителя, грузный "Хейнкель" мгновенно отстал (при 300 км/ч против 600 км/ч "V-1"), Летчик описал несколько широких кругов, затем сбавил скорость и зашел на посадку против ветра. Первый раз он прошел метрах в пятидесяти от посадочной полосы. — Дьявол! Он недостаточно сбросил скорость! — ругнулись все, кто был на вышке. — Только бы все кончилось нормально! Пилот вырулил и снова завис над полосой. На сей раз он, видимо, решился сесть: машина буквально выбрила взлетную полосу, пройдя в двух-трех метрах от земли. Но нет — в последний момент он явно переменял решение: снова поднялся, сделал третий вираж и вновь пошел на посадку. Все произошло головокружительно быстро: вот "V-1" жметя к земле до самого конца взлетно-посадочной, затем пытается обогнуть небольшой холм — нам еще видно, как он чиркает брюхом, задевая верхушки деревьев, прежде чем скрыться за гребнем. Секунду спустя два высоких столба дыма рассеивают всякие сомнения... Я бросился к вездеходу вместе с двумя санитарями, и мы помчались напрямик, через поля, к месту падения. Обломки были заметны издали: одно крыло — здесь, другое — там... Посередине валялся корпус, по счастью не загоревшийся. Метрах в десяти мы нашли пилота, он лежал почти без движения. Очевидно, в последний момент он сумел отсоединить плексигласовый колпак и был выброшен из кабины при ударе. Расспросить его не было никакой возможности, и я отправил его в госпиталь. Мы пытались хоть что-нибудь понять, рассматривая борозды, оставленные аппаратом в рыхлой почве. Вероятно, в последний момент пилот решил сесть на это вспаханное поле. Но зачем? Технологи потеряли уйму времени, сопоставляя и скрупулезно перебирая малейшие детали, но не нашли ничего, что дало бы нам ключ к разгадке. На следующий день мы решили снова попытать счастья. Но увы, второй полет оказался точным повторением первого: "V-1" отделилась от самолета-носителя, описала несколько кругов, затем зашла на посадку и, не касаясь дорожки, врезалась в землю почти на том же месте. И вновь летчик был ранен, и мы опять терялись в догадках. Ганна Райч едва сдерживала слезы. Было очевидно, что после этого двойного фиаско тех-службы запретят всякие испытания, по крайней мере на какое-то время. Через день оба пилота уже пришли в себя и смогли отвечать на вопросы, но единственное, чего мы от них добились, — это не слишком понятное описание каких-то вибраций в рычаге управления. Во всяком случае, у нас так и не появилось мало-мальски приемлемой версии этих аварий. Несколько дней спустя ко мне вдруг явилась неожиданная делегация — Ганна Райч и два инженера: один контролировал сооружение стендовых образцов, другой был из министерства военной авиации. К моему великому изумлению — я, скорее, ожидал услышать, что моя идея окончательно отнесена к разряду несуразностей, — Ганна заявила, что она, кажется, нашла причину обеих катастроф. Запросив в Центральном бюро отдела кадров личные дела обоих пилотов, она обнаружила, что ни тому, ни другому еще не приходилось управлять высокоскоростными машинами. Не подлежит сомнению, что требуется весьма значительный опыт, чтобы пилотировать такой мини-самолет на таких скоростях. Ганна Райч и оба инженера были совершенно убеждены, что министерство напрасно отнесло двойную неудачу за счет недостатков конструкции. Они готовы были доказать мне это хоть сию минуту, благо за это время на свет появилось еще несколько новых

машин. Да, это было заманчивое предложение, но ведь нам запретили строго-настрого все эксперименты! Я слишком хорошо знал, что министерство не отменит свой приказ. Но Ганна уже так увлеклась нашим проектом, что официальный запрет для нее ничего не значил, лишь бы я дал свое согласие. Я не знал, что делать. — Послушай, Ганна, — заметил я, — если вдруг с тобой что-нибудь случится, фюрер собственноручно снимет мне голову с плеч. Но они настаивали с таким жаром, что я готов был сдаться. Ганна великолепно использовала слабости моей обороны, взывая к моему чувству долга и цитируя старинную армейскую поговорку о том, что настоящий солдат должен уметь в случае необходимости нарушить полученный приказ. В конце концов я уступил, хотя и неохотно. Начальника аэродрома мы решили взять на пушку, сказав, что министерство разрешило нам продолжить испытания. Когда на следующий день за Ганной закрылся прозрачный купол, мне показалось, что мое сердце не выдержит. Но на этот раз все шло как по маслу. Как только "V-1" отделилась от самолета-носителя, Ганна сделала несколько кокетливых виражей и на бешеной скорости зашла на посадочную полосу. Я почувствовал, как холодный пот бежит вдоль позвоночника — машина коснулась земли, и больше уже ничего невозможно было разглядеть за облаком пыли, прокатившимся до конца посадочной. Мы бросились вперед, и, когда подбежали к самолету, к нам на руки соскочила улыбающаяся, сияющая Ганна. — Это и впрямь сногшибательно! — Она явно была довольна. Потом настал черед обоих наших инженеров опробовать собственное детище. Все трое, в сумме, сделали двадцать вылетов и двадцать раз приземлились, даже не оцарапавшись! Никто больше не сомневался — и идея, и ее воплощение были безупречны. Маршал авиации Мильх побледнел как полотно, слушая вечером мой рапорт. — Благодарите судьбу за то, что вас не поставили к стенке! — объявил он в конце концов трагическим тоном. По счастью, его мрачное замечание не стало пророчеством. Я добился от него разрешения продолжить наши труды и начать обучение пилотов. На следующий день в наших мастерских закипела работа. Для начала нужно было сделать еще несколько образцов для испытаний, затем — двухместные модели для курсов пилотажа и только потом приступить к выпуску боевых машин. Тем временем я подобрал из своих ребят человек тридцать опытных пилотов и еще шестьдесят добровольцев предоставила нам Люфтваффе — они должны были явиться со дня на день. Мы наконец могли работать в полную силу. Я запросил у службы снабжения министерства военной авиации по пять кубометров топлива для каждого пилота. Увы, это последнее препятствие оказалось самым трудным. Проходила неделя за неделей, мы получили сначала десять кубометров горючего, потом еще пятнадцать, но заказы наши так и не были выполнены. Я стоптал каблуки, бегая по бесконечным приемным, но получал лишь туманные обещания либо откровенные отказы. Осенью 1944 года я бросил свою безумную затею. Увы, наши конструкторские разработки и тактические расчеты оказались напрасными. Мы надеялись довести "V-1" до ума — она погибла на свалке неосуществленных идей. По крайней мере со мной остались ребята — добровольцы из Люфтваффе, и я должен сказать, что они хоть и были "нелетным составом", но исполняли свои обязанности до конца. Когда началась зима, мне довелось еще раз не то чтобы заниматься самими "V-1", а, скорее, обсуждать возможности, которые открыло бы их применение. Я был вызван в штаб-квартиру Гимmlера, чтобы уточнить некоторые детали нашей деятельности в ходе предстоящего наступления в Арденнах, а также доложить о работах в области секретного оружия. Когда я упомянул о возможности запуска "V-1" с подводных лодок — мы занимались этим в последнее время, — Гимmlер вдруг встал и, подойдя к огромной карте мира, висевшей возле его рабочего стола, стал внимательно изучать ее. — Стало быть, мы

могли бы разгромить Нью-Йорк нашими ракетами? осведомился он. — Несомненно, по крайней мере теоретически. Если наши инженеры смогут создать пусковую установку, которую легко, а главное, быстро можно было бы разместить на борту базовой субмарины... Гиммлер, порывистый, как всегда, прервал меня на половине фразы:

— Я тотчас же доложу об этом фюреру и гросс-адмиралу Деницу; необходимо как можно скорее подготовить бомбардировку Нью-Йорка нашими "V-1". Что касается вас, Скорцени, я прошу вас всеми силами ускорить работу технических служб, чтобы размещение "V-1" на подводных лодках было произведено максимально быстро. Сказать по правде, я отнюдь не разделял такого энтузиазма. Рейхсфюрер СС, по моему мнению, не вполне ясно отдавал себе отчет в истинном положении вещей. С другой стороны, меня интересовало, что думают на сей счет министр Кальтенбруннер и мой бывший шеф Шелленберг, ставший после опалы адмирала Канариса главным хозяином всех специальных подразделений Германии, — оба они присутствовали при нашей беседе. Но первый упорно отмалчивался, а второй лишь одобрительно кивал, причем не только когда Гиммлер мог его видеть, но и когда тот поворачивался к нему спиной. Я знал, что он никогда не рискует высказывать твердое мнение, не ознакомившись с точкой зрения своего босса. Он скромно называл этот недостаток решительности "дипломатичностью", зато был застрахован от ошибок. Что ж, тем хуже; если эти господа боятся себя скомпрометировать, придется мне рубить плеча:

— Считаю своим долгом обратить ваше внимание, рейхсфюрер, на пока еще неудовлетворительную точность наведения "V-1". Как вам известно, положение управляющих рулей устанавливается непосредственно перед пуском и изменение курса в процессе полета невозможно. Сейчас вероятный разброс составляет около восьми километров, то есть снаряд должен упасть в пределах этой окружности. Радиус увеличивается еще больше, если "V-1" запускается с самолета-носителя, типа "Хейнкеля-111", который мы применяем, например, для бомбардировки Англии с наших авиабаз в Голландии. Разброс, несомненно, станет на порядок больше, когда мы будем использовать подводные лодки: мало того, что пока невозможно определить точные координаты в ночном море или при плохой видимости, — сюда добавятся еще килевая и бортовая качка, а самое незначительное отклонение при запуске, вызванное малейшим движением корабля, сильно изменит точность попадания. Короче говоря, у нас пока нет уверенности, что ракеты достигнут цели, даже если мишенью будет служить огромный город. Молчание Гиммлера придало мне новые силы, и я продолжил:

— Но это еще не все. Военная авиация не в силах обеспечить воздушное прикрытие наших кораблей в районе запуска. По нашим сведениям, охрана западных подступов к побережью Штатов организована весьма умело. Американцы используют воздушное патрулирование и плотную сеть радаров. Гиммлер, кажется, уже не слушал меня, увлекшись какими-то своими размышлениями; он вдруг остановился передо мною. — Мне думается, — заметил он, — что вот, наконец, у нас появилась новая возможность или, лучше сказать, счастливый случай решительным образом повлиять на ход войны. Настала теперь очередь Америки на своей шкуре испытать все прелести бомбардировки. До настоящего времени Соединенные Штаты считали себя недосягаемыми для атак — еще бы, они ведь находятся вдали от полей сражений. Шок, который вызовет налет на Нью-Йорк, мгновенно сломит моральный дух американцев. Эти люди не вынесут вида падающих бомб. Я всегда считал, что Америка не способна выдержать прямого

удара, особенно столь неожиданного. Не знаю, что по этому поводу думали остальные, что же касается меня, я склонен был смотреть на вещи скептически. Я не возражал против самой идеи воздушной бомбардировки американцев, тем более что непрерывные налеты на наши города и растущее число наших разрушений и смертей легко оправдали бы в моих глазах подобные меры. Но я опасался, как бы психологический эффект от применения "V-1" не оказался диаметрально противоположным тому, на который рассчитывал Гиммлер. Поскольку остальные явно не торопились высказаться, я снова бросился в омут вниз головой:

— Рейсхфюрер, я имею основания полагать, что результат подобной операции будет иным. В основу своей пропаганды американское правительство положило лозунг: "Германия угрожает нашей безопасности". После залпа "V-1" по Нью-Йорку американцы почувствуют, что это и впрямь не пустые слова. Помимо всего прочего, в их жилах слишком велик процент англосаксонской крови. Что касается англичан, то мы с вами имели случаи убедиться, что в момент опасности их жизнестойкость становится просто пугающей. Видя, что Гиммлер внимательно слушает, я продолжал более уверенно:

— Мы, без сомнения, могли бы подвергнуть моральный дух американцев серьезнейшему испытанию, но только в том случае, если бы нам удалось выпустить несколько ракет в совершенно определенные точки. Мне кажется, что задача наша должна быть следующей. Нужно, чтобы в условленный день и час, заранее объявленный по германскому радио, "V-1" сровняли с землей какой-нибудь из нью-йоркских небоскребов, какой — это тоже должно быть известно всем. Тогда ущерб действительно будет двойным — и материальным, и психологическим. Гиммлер был живо заинтересован моими идеями. Я вкратце обрисовал ему состояние наших исследований в плане увеличения точности наведения ракет. Тогда работы двигались в двух направлениях: во-первых, разрабатывалась проблема радиоуправления — устройство, установленное в корпусе, позволило бы корректировать курс во время полета. В этом случае передатчик, управляющий снарядом, находился бы возле пусковой установки. А во-вторых, рассматривался вариант размещения передатчика в районе мишени; система наведения должна была включаться всего на несколько минут, чтобы не быть запеленгованной. Несмотря на то, что последний способ представлялся куда более простым, мы столкнулись здесь с непредвиденными трудностями технического порядка. Какова должна быть мощность управляющего передатчика? И, главное, каким образом он попадет в условленное место именно тогда, когда это необходимо? Эта задача входит в компетенцию секретных агентов, но к тому времени в нашем активе почти не было удач в состязании с американской контрразведкой. Только недавно американцы арестовали нескольких наших людей, заброшенных с подводной лодки... Гиммлер слушал меня, разглядывая на карте тяжелую глыбу Североамериканского континента. С видимым сожалением он заметил, что на данный момент бомбардировка Нью-Йорка нашими "V-1" представляется, увы, слишком сложным и рискованным делом. Однако его просьба ускорить работы по подготовке этой операции остается в силе. Что же касается меня, то я должен постоянно держать его в курсе происходящего и докладывать о каждой новой идее в этой области. Потом мы заговорили о других вещах... Но события шли своим чередом, не интересуясь успехами наших лабораторий. Несколько месяцев спустя наша военная беспомощность навсегда похоронила надежду Гиммлера на запуск "V-1" в сторону Штатов.

СТОЛЬКО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ!...

На своей базе в Фридентале мы работали не разгибая спины. Конечно, приходилось половину времени и сил тратить — я бы сказал транжирить — на беспрестанную борьбу с бюро, засыпавшим нас валами бумажного хлама, и со службами обеспечения, которые буквально по каплям выделяли средства и людей. Тем не менее мы без усталости создавали и разрабатывали грандиозные планы. Нас подстегивало изучение толстых досье, в которых были собраны детальные отчеты о снискавших громкую славу отрядах командос лорда Маунтбеттена. Полезная, поучительная информация, хотя, пожалуй, несколько удручающая. Мы бледнели от зависти при виде практически неограниченных средств, сосредоточенных в руках командиров этих отрядов. Они — вот счастливики! — могли рассчитывать на помощь крейсеров, миноносцев, подводных лодок, не говоря уже о постоянном скоординированном взаимодействии с авиационными подразделениями, оснащенными самыми совершенными видами техники. Мы же, напротив, бедны — ужасно, непостижимо бедны! Военно-морское ведомство ни разу не дало нам "добро" на использование сколь-нибудь серьезной в боевом отношении посуды, а 200-я истребительная эскадрилья, к счастью переданная в наше распоряжение, с великим трудом выбивала себе каждую единицу оборудования. К примеру, призванное оперативно решать сложнейшие боевые задачи на огромной территории, упомянутое авиационное подразделение имело на все про все лишь три "Юнкерса-290". Впрочем, чтобы быть до конца откровенным, должен отметить, что высшее командование британских командос все-таки не располагало кое-чем весьма важным — реальным влиянием: Маунтбеттен сосредоточил в своих руках всю власть, сам определял цели, и каждый раз удар отрядов командос являлся исполнением именно его замыслов. Это и полное уничтожение маслоочистительного завода, расположенного на норвежском острове, и превосходно подготовленная операция, в ходе которой англичане захватили новый германский радар, незадолго до того установленный на французском побережье в районе Дьепа, а также рейд с целью нападения на главную ставку Роммеля в Африке. Последняя затея, впрочем, провалилась, но лишь благодаря случайности или, возможно, дезинформации, проведенной через высшие эшелоны власти. Тем не менее у союзников тоже должны были обнаружиться уязвимые места, особенно на огромных пространствах Среднего Востока, находившихся под их контролем. Мы старательно нащупывали эту ахиллесову пяту. И хотя положение наших армий было близко к критическому, надежда отыскать свой шанс разожгла в нас такой энтузиазм, что дни и ночи напролет мы неделями прорабатывали варианты операций..., чтобы в конце концов напороться на непреодолимый риф, всегда один и тот же, — проблема транспорта. Никак не удавалось обеспечить необходимое количество "Юнкерсов-290", единственного действительно надежного германского самолета дальнего радиуса действия (по мнению экспертов, конструкция "Хейнкеля-117" оказалась неудачной), и мы попытались обойти эту трудность. Почему бы не использовать способ, примененный неприятелем против нас? Наверное, можно добиться, чтобы несколько огромных американских четырехмоторных самолетов совершили вынужденную посадку в Германии или на территориях, занятых нашими войсками. Мне удалось заинтересовать нашим проектом штаб Люфтваффе; управление ресурсами пообещало немедленно сформировать группу специалистов для восстановления имеющихся "летающих крепостей". К сожалению, работы разворачивались медленно, слишком медленно. Только в конце осени 1944 года мне сообщили: шесть таких самолетов полностью

готовы к использованию и ждут наших распоряжений на одном из баварских аэродромов. Несколько дней спустя другое сообщение разбило мои надежды вдребезги: во время мощной бомбардировки все шесть самолетов были полностью уничтожены. Пришлось начать сначала. В ожидании — как потом оказалось, тщетном — "летающих крепостей" мы настойчиво искали решения двух других проблем, которые выявились в ходе разработки операции. Прежде всего — высадка в непосредственной близости от цели. Чтобы незаметно и быстро подобраться вплотную к объекту, а приближение четырехмоторных мастодонтов не могло остаться незамеченным, подготовили такой план: "летающая крепость" потащит за собой на тросе один или несколько транспортных планеров, способных совершить посадку на любом клочке земли. К несчастью, выделенные нам планеры не выдерживали и скорости 250 километров в час, тогда как использование американских бомбардировщиков позволяло произвести переброску со скоростью 350 — 450 километров в час. Но профессор Жоржи, многоопытный специалист по скрытным полетам и старинный друг Ганны Райч, помог нам преодолеть это препятствие, сконструировав планер, способный выдержать такие скорости, имея на борту двенадцать человек с полной экипировкой. Вторая проблема, не менее важная, заключалась в возвращении десантной группы. На первый взгляд имелось только две возможности: либо после операции они сдадутся и закончат войну в лагере военнопленных, либо постараются пробиться к нашим позициям, для чего понадобится преодолеть многие сотни километров, — вариант весьма рискованный, если не безнадежный. Я всегда придерживался такого мнения: чтобы вдохнуть в людей максимум смелости, дерзости и уверенности в себе, следует дать им реальный шанс на возвращение живыми и невредимыми. Как же обеспечить такой шанс? Естественно, я обратился к идее подцепить планер самолетом летящим на бреющем полете, когда десантники вновь погрузятся в планер после выполнения задания. Первые испытания с легкими планерами дали ободряющие результаты. Но чтобы применить такую систему на тяжелых планерах, которые нам предстояло использовать, требовалось многое усовершенствовать, потратив немало времени и бензина, а их-то нам ужасно не хватало — ситуация на фронтах ухудшалась катастрофически. Я много раз спрашивал себя, почему мы тут, в Германии, постигаем подобные вещи лишь в последний момент, в час наибольшей опасности, хотя имели больше чем достаточно времени, чтобы отработать технику и методы. До сих пор не нахожу удовлетворительного объяснения роковому "слишком поздно", столь часто стегавшему мои нервы в последний год войны. Со своей стороны союзники тоже предпринимали шаги в этих направлениях — с той лишь разницей, что всякий раз добивались практических результатов. Они продемонстрировали действенность своих методов при Арнхейме, когда целая армада планеров приземлилась в тылу наших войск. После этой грандиозной операции я с ужасом ожидал, что союзники таким же образом перебросят по воздуху свои дивизии на подступы к Берлину, где в ту пору были сконцентрированы все средства управления, включая ставку фюрера. Без всякого сомнения, подобное ударное формирование могло бы молниеносным ударом покончить с главным нервным узлом наших войск. По-видимому, все дело в том, что англосаксонцев идея такого десанта не привлекала по политическим соображениям. Во всяком случае, очевидно одно: для британских командос и Управления стратегическими операциями американской армии под командованием доблестного генерал-майора Уильяма Т. Донована подобный подвиг не был чем-то неосуществимым. Маунтбеттен и Бешеный Билл всегда имели в запасе такой вариант.

Хотя, как я уже отмечал, все наши крупные проекты терпели крах один за другим, хотелось бы вкратце изложить суть некоторых из них. Долгое время мы лелеяли мечту о крупной диверсии на трубопроводе, по которому шла нефть из Ирака. Ценное сырье поступало по двум веткам на нефтеперерабатывающие заводы Хайфы и Триполи, находившиеся на побережье Средиземного моря. Нам было известно, что арабские партизаны то и дело пытаются взорвать эти трубы. Но создание арабских командос — затея дорогая и сомнительная в смысле шансов на успех операции. К тому же, с одной стороны, нет сомнений, что поврежденные трубы быстро восстановят, с другой стороны, мы могли оказаться не в состоянии даже проверить достоверность результатов, достигнутых "саботажниками". Вот если бы нам удалось разрушить одну или несколько насосных станций, это на несколько месяцев остановило бы поставки нефти. Больше года наши инженеры ломали головы над решением этой проблемы. Лишь в 1943 году специалисты создали плавучую мини-бомбу с удельным весом, равным плотности нефти. Эту бомбу следовало ввести в трубопровод через небольшое овальное отверстие, которое надлежало проделать в трубе мини-взрывом в точно рассчитанное время, а потом быстро закрыть специальной крышкой-заплатой. Мина при малых размерах обладала достаточной разрушительной силой и могла, сдетонировав внутри насоса, полностью разрушить оборудование изнутри поэтому-то я и загорелся этой идеей. Другие специалисты предложили с помощью термитных зарядов произвести крупные разрушения линий трубопроводов в тех местах, где они пересекают низины. К сожалению, проведенные испытания оказались неубедительными. В конце концов Люфтваффе предложила разрушить значительные участки трубопроводов магнитными бомбами. Но все разработки так и не пошли дальше стадии предварительных исследований. После многочисленных неудач нам не оставалось ничего иного, как атаковать несколько насосных станций силами командос. Аэрофотосъемки свидетельствовали о наличии маленького аэродрома при каждой станции простейшие грунтовые взлетно-посадочные полосы предназначались для самолетов, выполнявших патрульные полеты вдоль трассы нефтепровода. Рядом форт — скромные оборонительные сооружения для укрытия технического персонала в случае неожиданного набега оппозиционно настроенных соплеменников. А еще в нескольких сотнях метров находились собственно насосные установки с дизельными двигателями. Основываясь на анализе этих фотографий, мы детально разработали следующий план действий наших формирований. Шесть четырехмоторных самолетов приземляются на аэродроме и из бортовых пушек и пулеметов открывают ураганный огонь по всем сооружениям форта, обеспечивая прикрытие взводу подрывников для быстрого и беспрепятственного выполнения задания. Планировалось оснастить самолеты специальными приспособлениями, позволяющими на бреющем полете уничтожить антенны фортов, чтобы еще до посадки лишить их защитников возможности вызвать подмогу. Кроме того, мы рассчитывали на фактор внезапности. Но оставались и открытые вопросы. Например, хватит ли длины взлетно-посадочной полосы полевого аэродрома для огромной четырехмоторной машины? Наши фотографии, полученные в 1941 году, позволяли определить, что длина полосы невелика; но более поздние агентурные донесения свидетельствовали о том, что в последующие годы все аэродромы были увеличены до вполне приемлемых для нас размеров. Теперь мы могли нанести удар. Увы! Несмотря на все наши усилия, нам не удалось заполучить необходимого

количества самолетов. Другой ахиллесовой пятой союзников, бесспорно, являлся Суэцкий канал. Точнее, отдельные его участки, Стоило перерезать эту важнейшую водную артерию, и морским караванам пришлось бы добираться до Дальнего Востока длинным круглым путем вокруг мыса Доброй Надежды, что чрезвычайно растянуло бы сроки взаимных поставок союзников. К тому же, к проведению операции подключили подводных разведчиков-диверсантов ("люди-лягушки", как прозвали их англичане). Но 1944 год уже заканчивался, превосходство авиации союзников в воздухе над Средиземноморьем стало столь подавляющим, что скрепя сердце мы вынуждены были похоронить и этот наш проект. Вновь "слишком поздно". Другой план, кропотливо подготовленный и поистине совершенный, предусматривал рейд в богатый нефтью район Баку. Густонаселенная область, множество работающих скважин, целая индустрия нефтепереработки. Тщательное изучение региона позволило выявить несколько важнейших узловых центров, уничтожение которых повлекло бы за собой резкое сокращение, почти полное прекращение выпуска продукции. И вновь все по тем же причинам нам пришлось отказаться от проекта. Еще одна операция не удалась по совсем иной причине — из-за ревнивой зависти наших генералов. В 1943 году югославские партизаны позволили нам ухватиться за ниточку относительно дела, которое очень заботило командование на балканском театре военных действий. В этом регионе сложилась обстановка, способствовавшая широкому размаху партизанской войны, и югославское сопротивление своей активностью отвлекало крупные германские силы, которым наносило неожиданные удары, развязывало бесчисленные стычки. Если бы нам удалось обнаружить штаб Тито и захватить его, можно было бы надеяться на существенное снижение давления партизан на наши позиции. Таково в общих чертах задание, порученное мне Верховным командованием вермахта в начале 1944 года. Совершенно очевидно, что недооценка сил Тито, сконцентрированных в районе его ставки, привела к значительным потерям. Поначалу возможность серьезных партизанских действий игнорировалась повсеместно, и лидер югославских подпольщиков умело воспользовался ошибкой нашего командования. Получив задание, мы прежде всего направили свои усилия на создание "осведомительной службы" с целью получения точных сведений. Центральное бюро, расположенное в Аграме, мало-помалу опутывало непокорную территорию агентурной сетью. Для большей уверенности я установил такой порядок: если какой-то агент доложил о возможном местонахождении ставки Тито, то вышестоящий сотрудник должен сам убедиться в достоверности информации своими средствами и лишь потом передавать ее дальше, дополнив рапорт своими данными. Только при получении одинаковых сведений из трех независимых источников можно было приступать к подготовке военной операции. Действовать наугад было недопустимо: стоило нам потерпеть фиаско один раз, Тито усилил бы и без того высокий уровень конспирации и стал бы просто неуловимым. В апреле 1944 года в сопровождении своих офицеров я прибыл в Белград для координации действий с военными и полицейскими коллегами в Югославии. После двух дней бесплодных переговоров я отправился на автомобиле в Аграм. Меня всем миром отговаривали от подобного путешествия, поскольку путь пролегал через районы, кишацие партизанами. Но каждый самолет был на счету, меня же ждали в Аграме на следующий день. Ничего не поделаешь — оставалось надеяться на счастливую звезду и скорость моего "мерседеса". В сопровождении двух унтер-офицеров я выехал на рассвете. К полудню мы остановились недалеко от гор Фруска Гора, в расположении германской войсковой части, старавшейся поддерживать видимость порядка в округе. За завтраком командир части поведал о местных особенностях:

— Не проходит и недели без стычек с партизанами. Но довести дело до конца не удается, поскольку, спрятав оружие в стоге сена или еще где-нибудь, партизаны спокойно расходятся на время по деревням и хуторам и живут жизнью обычных мирных крестьян. Еще один занимательный момент — это проблема медицинского ухода. До сих пор господа из Белграда не направили сюда врача. Пришлось обратиться к местному врачу, который заботится также и о ранах партизан, чего ни в коей мере не скрывает: если он откажет в помощи подпольщикам, те похитят его семью; не меньшее грозит ему и с нашей стороны. Должен сказать, что мы очень довольны его работой. Мы продолжили путь по партизанскому району, повсюду встречая прекрасные хозяйства. Каждый раз при виде крестьянина, работающего в поле, я спрашивал себя, не прячет ли он до поры свою винтовку. Так или иначе, наша поездка шла нормально, никто не стрелял, дорога была свободна. Ближе к вечеру мы сделали остановку в деревне и купили несколько яиц у старой крестьянки. Возвращаясь к машине, мы заметили нескольких человек в лохмотьях, вооруженных винтовками. Я уже потянулся к пистолету, но увидел на их лицах улыбки, и мы даже приветственно им помахали! Немного позже комендант гарнизона в Брка заметил, что весь район во власти партизан и, стало быть, чрезвычайно опасен для машин без эскорта. В Аграме не хотели верить, что мы проделали этот путь на машине. За несколько последних месяцев мы единственные проехали целыми и невредимыми. Слушая рассказы о бесчисленных нападениях на наши конвои, изучая карты с отмеченной на них концентрацией югославских партизан, я уже задним числом испытал настоящий страх. Просто невероятно, что все так хорошо кончилось. Месяц спустя все стало на свои места. Информация тщательно проверялась и перепроверялась, и мы смогли определить, что главная ставка Тито находится в округе Двар в западной части Боснии. Теперь требовалось быстро осуществить непосредственную подготовку военной части операции, и я отправил начальника моего штаба капитана фон фолькерсама в Банья Луку, центр этой провинции, чтобы он установил связь с командующим нашими войсками в Боснии. По возвращении фон фолькерсам доложил, что генерал принял его холодно, если не с неприязнью. В тот момент я не обратил внимания на подобную деталь, ибо мне было все равно, что испытывают по отношению ко мне эти господа. Главное для меня — выполнить задание. А несколькими днями позже, в конце мая 1944 года, в Аграм пришло сообщение: "Армия X, готовит операцию против ставки Тито. Дата операции 2 июня". Вот чем объяснялось поведение армейского руководства. Во мне они видели лишь нежелательного конкурента и решили поспешить в погоне за славой. Сначала их действия возмутили меня очевидной нелепостью — я бы с удовольствием сотрудничал с ними и даже предоставил бы себя в распоряжение генерала. Но я быстро подавил гнев и поспешил исправить ошибку генерала с радиограммой: ее могли перехватить и расшифровать. Я немедленно отправил радиограмму, предупреждая господ в Боснии о возможной утечке информации. Уже возвратившись в Фриденталь, я получил дополнительные сведения, утвердившие меня в этом мнении. Стало ясно, что операция обречена на провал. Я вновь сообщил в Боснию свои соображения, но хуже некуда, если глухой еще и затыкает уши. Генерал X, не захотел отменить "свою" операцию. В назначенный день батальон парашютистов СС десантировался в долине в самом сердце непокорного района. Тут же на планерах подоспело подкрепление, сразу ринувшееся в бой. После упорного и кровопролитного сражения партизаны отступили, оставив долину и деревню. К сожалению, мои опасения подтвердились: клетка опустела, птичка выпорхнула. Нашим удалось захватить лишь двух британских офицеров связи, от которых Тито, по-видимому, пожелал избавиться. В одном из домов обнаружили новую с иголки маршальскую форму. Тито покинул

деревню всего несколько часов назад и укрылся в другом убежище. Но это еще не все. Лишь быстрый маневр подкрепления позволил разорвать кольцо окружения, в котором оказался зажатый в горной долине батальон парашютистов СС. Так из-за постыдного карьеризма холеных высокопоставленных интриганов провалилась тщательно разработанная широкомасштабная операция, которая, казалось, уже была "обречена на успех". Более того, эта глупость практически свела к нулю наши шансы обезглавить югославское сопротивление. В дальнейшем мы, конечно, старались точно определить местонахождение ставки Тито, перебравшегося к побережью Адриатического моря, а затем на остров Вис. Мы даже задумали провести молниеносную операцию с высадкой на остров, но развитие событий вновь опередило нас.

ПЕРЕВОРОТ

Но вот началась крупная высадка союзников — в Германии ее назвали вторжением. На рассвете 6 июня 1944 года первые англо-американские части ступили на землю Нормандии. В течение нескольких недель ситуация оставалась неопределенной, а затем прорыв Авранша склонил чашу весов в пользу неприятеля. В тот день каждый немец должен был почувствовать, понять, что война проиграна. По крайней мере лично я не питал более иллюзий по поводу итога войны, но своим подчиненным объявил, что командование не испытывает серьезных опасений, и ничем не проявил своего пессимизма даже в частных беседах с такими близкими и верными друзьями, как Радль и фон Фолькерсам. Ставка фюрера еще надеялась, с одной стороны, на благоприятное развитие политической ситуации и, с другой, — на создание вскорости нового секретного оружия, надежды, по моим сведениям, абсолютно беспочвенные. К июлю 1944 года положение стало откровенно угрожающим. В первую неделю июня потрясающий удар русских смел нашу оборону на Восточном фронте. Центральная группа армий фактически перестала существовать. Более тридцати германских дивизий попали в плен! Невозможно даже представить себе, как разом мог сдаться весь мощный кулак армий. Повинен ли в этой катастрофе штаб Верховного командования? Или причиной стали усталость и падение духа в войсках? А на западе союзники, используя подавляющее превосходство в вооружении, неотвратимо приближались к границам Германии. Нам оставалось только стиснуть зубы и продолжать борьбу у самого края пропасти. Честно говоря, тогда мы еще не считали свое поражение неизбежным. 20 июля 1944 года я должен был отправиться в Вену, где предстояло согласовать некоторые детали операции против Тито. И тут, словно гром среди ясного неба, пришло сообщение о неудачном, к счастью, покушении на Гитлера. Мои офицеры и я были буквально ошеломлены. Как такое могло произойти? Может, группе неприятеля удалось проникнуть на территорию ставки фюрера? Мы и предположить не могли, что бомбу подложил немец. Во всяком случае, раз Гитлер остался жив, я не видел никаких причин отменять поездку. В 6 часов вечера мы с Радлем приехали на Анхальтский вокзал, расположились в забронированном для нас купе и стали было готовиться ко сну. Но на станции Лихтерфельде, что на самом краю Берлинского округа, с платформы донеслись крики:

— Майор Скорцени! Майор Скорцени! Я выглянул в окно и, увидев бегущего вдоль состава и орущего во все горло офицера, махнул ему рукой. Совершенно запыхавшийся, он вскоре оказался в нашем купе. — Господин майор, вам следует

немедленно вернуться! Приказ сверху! Покушение на фюрера вызвало путч. Я недоверчиво пожал плечами. — Видите ли, это непросто. За срыв задания кто-нибудь может поплатиться головой. Тем не менее..., я возвращаюсь. Радль! Поедете в Вену и начнете переговоры. Я присоединюсь к вам завтра. Мы направились в Главный штаб войск СС, и по дороге офицер сообщил скудные сведения, которыми располагал. Получалось, что имел место настоящий заговор, инициированный группой высших офицеров и генералов. К Берлину якобы шел бронепоезд, но никто не знал намерений его командиров. Я никогда не принимал на веру непроверенные и неконкретные сведения, считая их не более чем болтовней. Шелленберг, ставший бригаденфюрером СС, сразу принял меня и сообщил некоторые подробности. По его словам, штаб переворота находился на Бендлерштрассе, иначе говоря, в министерстве внутренних войск (эти войска контролировали территорию Германии, Чехословакии, Польши, Эльзаса и прочие). Шелленберг был очень бледен и чрезвычайно встревожен. Буквально под его рукой на письменном столе лежал огромный револьвер. — Ситуация неясна и чревата опасностями, — заключил он. — Во всяком случае, если они доберутся сюда, будем защищаться. Я уже раздал всем пистолеты-пулеметы. Не могли бы вы поскорее прислать из вашей команды специалиста по обороне зданий? Но в суете я совершенно забыл предупредить свою группу. К несчастью, телефонная связь работала с перебоями. В конце концов мне удалось связаться с Фриденталем и вызвать капитана Фолькерсама. — Немедленно объявите в батальоне тревогу. Капитан Фукер примет командование и будет действовать в соответствии с приказами, полученными от меня лично. Первую роту немедленно направить в штаб СС, где я сейчас и нахожусь. Вы вместе с аспирантом Остафелем, который нужен мне в качестве адъютанта, садитесь в бронеавтомобиль и на полной скорости мчитесь сюда. Повесив трубку, я повернулся к Шелленбергу. — По-моему, — сказал я, — следует разоружить ваших сотрудников: меня пронизывает страх, когда ваши чинуши при мне размахивают пистолетами. Именно так я и поступлю, ибо внутри этого склепа не стоит играть с оружием. Если же "они" появятся здесь до прибытия моей роты, вам лучше бежать, поскольку таким пистолетом вы не внушите им уважения к своей персоне. Я предоставил ему бороться со своими сомнениями и вышел на улицу. С лихорадочным нетерпением я ждал Фолькерсама и Остафеля, которые, четко выполняя приказ, уже через полчаса показались вдали в облаке пыли. Я решил своими глазами посмотреть на происходящее в Берлине. Фолькерсам остался в штабе СС, и я пообещал время от времени выходить с ним на связь. Как жаль, что мы не имели в то время портативных радиопередатчиков "токиуоки", которыми пользовались американцы! Вскочив в машину, я на предельной скорости поехал в район правительственных учреждений, но там оказалось совершенно спокойно. Затем отправился к площади Фербеллин, где находился штаб генерала бронетанковых войск Болбринкера, с которым я был знаком. Здесь улицы имели вид не столь мирный: широкий проспект, ведущий к площади, перегородили два огромных танка. Узнав меня, танкисты позволили проехать дальше. Становилось очевидным, что "мятеж" оказался менее серьезным, чем думалось Шелленбергу. Генерал Болбринкер немедленно принял меня. Он не был слюнтяем и сразу решительно потребовал от руководства распоряжений. По приказу главнокомандующего внутренними войсками он вызвал в Берлин бронетанковые части из Вюнсдорфа и сконцентрировал их возле своего штаба, чтобы находились под рукой. Теперь он ждал дальнейшего развития событий. — Впредь, — заявил генерал, — я не собираюсь исполнять чьих-либо указаний, кроме инспектора бронетанковых войск, то есть буду подчиняться только лично генералу Гудериану. В этом хаосе сам дьявол не разберется. К примеру, требуют, чтобы я с помощью

своих армейских частей взял под контроль берлинские казармы войск СС. Что вы об этом думаете, Скорцени? — Поразительно! В данном случае речь идет отнюдь не об обычной войне. Думаю, следовать такому приказу безрассудно. Если желаете, мой генерал, я могу съездить к казармам на Лихтерфельде и посмотреть, что там происходит. Я позвоню вам прямо из казарм. На мой взгляд, прежде всего нам следует сохранять хладнокровие. С видимым облегчением генерал принял мое предложение, и я уехал. В Лихтерфельде, в моих прежних казармах, все было тихо, хотя и резервный батальон, и другие подразделения находились в состоянии готовности. После короткой и содержательной беседы с генерал-лейтенантом, стоявшим во главе этих частей, я настойчиво просил его сохранять благоразумие, то есть воздерживаться от выполнения приказов, откуда бы они ни исходили. Потом я связался с генералом Болбринкером и сообщил, что войска СС не покинут своих казарм. Наконец, я соединился по телефону с Фолькерсамом, который доложил о прибытии нашей роты, и приказал ему взять на себя непосредственное руководство обороной штаба СС. Только теперь я мог относительно спокойно подумать и оценить ситуацию. Откровенно говоря, отнюдь не все было понятно. По-видимому, приказ главнокомандующего внутренними войсками о приведении в состояние повышенной боевой готовности был отдан еще до полудня. А потом вследствие быстрого проведения крупномасштабных приготовлений, принятия различных мер и контрмер выявилась несогласованность отдельных деталей общего плана, кое-где возникла неразбериха. Так или иначе, сам "переворот" уже не казался мне сколь-нибудь опасным. Трагично другое: когда бронетанковые войска уже стояли, как говорится, "в ружье", войска СС (!) вообще не получили никаких указаний. В итоге им оставалось только самостоятельно добывать скудные сведения о том, кто на кого пошел с оружием в руках. Какой бы ребяческой ни выглядела попытка переворота, она не стала от этого менее преступной, ибо на востоке и на западе наши солдаты сражались уже с храбростью отчаяния. Ворочая в голове нерадостные мысли так и этак, я вдруг вспомнил, что генерал Штудент тоже должен находиться в Берлине, и довольно быстро добрался до Ванзее, одного из многочисленных озер возле города, на берегу которого расположился Главный штаб воздушно-десантных войск. Офицеры ничего не знали и не получали никаких инструкций. Генерал же этот вечер проводил у себя дома, в Лихтерфельде. Я вновь сел в машину, прихватив с собой адъютанта генерала, который понимал, что шеф даст ему немало распоряжений. Тем временем опустилась ночь. К двум часам мы добрались до небольшой виллы, где застали поистине идиллическую картину. Облаченный в длинный домашний халат, генерал восседал на террасе и при свете настольной лампы изучал гору документов. Рядом с ним сидела за вышиванием жена. Я не мог не отметить комичность ситуации: вот один из высших военных чиновников Берлина отдыхает, развалившись в плетеном кресле, а в это время заговорщики преспокойно совершают государственный переворот. Несмотря на поздний для визитов час, генерал принял меня очень любезно; несомненно, добрые отношения, установившиеся между нами за последние годы (в том числе и при разработке операции по освобождению Муссолини), не изменились. Едва я сказал, что приехал "по служебным делам", супруга генерала немедленно удалилась. Но прежде чем я открыл рот, чтобы объяснить причину своего визита, он сразил меня фразой:

— Ну-с, дорогой мой Скорцени, что же могло забросить вас сюда? Путч, никак не меньше! Впрочем, сие немислимо. Итак? Убедить генерала в серьезности положения стоило немалых трудов. Наконец он согласился дать командирам воздушно-десантных полков такие распоряжения, которые соответствовали объявлению чрезвычайного положения в стране (чем, строго говоря, превышал

свои полномочия). Именно в этот момент зазвонил телефон — маршал Геринг! Выслушав мой рапорт, он сообщил новые детали: по-видимому, покушение на Гитлера совершил офицер Главного штаба внутренних войск. Их штаб на Бендлерштрассе уже объявлен фюрером более не существующим; приняты срочные меры. Геринг подчеркнул, что в настоящий момент действительными считаются только приказы офицеров ставки фюрера, то есть Верховного командования вермахта. Я слышал, как генерал повторяет последнюю фразу распоряжения маршала: спокойно и хладнокровно, словно путч был всего лишь рядовой боевой операцией. Теперь все сомнения генерала относительно достоверности моего сообщения полностью рассеялись. Пообещав непременно поддерживать контакт со мной и генералом Болбринкером, он приказал наладить радиосвязь со своими полками, чтобы дать необходимые инструкции. Я же откланялся и поспешил обратно в Главный штаб войск СС. В огромном здании мертвая тишина. Шелленберг, ожидавший меня в своем кабинете, первым делом попросил обеспечить ему эскорт из десяти человек под командованием офицера. Он получил приказ о немедленном аресте адмирала Канариса и, как и следовало ожидать, не хотел сам осуществлять столь деликатную миссию. Поскольку на все про все под рукой у меня была лишь рота, я дал "добро" только относительно одного офицера. Часом позже Шелленберг вернулся. Арест прошел без инцидентов. По телефону мне сообщили, что заговорщики, захваченные подразделениями бронетанковых войск генерала Болбринкера и парашютистами Штудента, сопротивления не оказали. Итак, столица чиста и спокойна, и мне оставалось возвратиться в Фриденталь, но меня вдруг вызвали из ставки фюрера. Майору Скорцени приказано немедленно явиться со всеми находящимися в его распоряжении силами на Бендлерштрассе, чтобы оказать помощь командиру караульного батальона "Великая Германия" майору Ремеру, который уже приступил к организации осады здания министерства. Я спешно собрал свою роту и вновь пожалел, что не вызвал сюда весь батальон. К полуночи мы были на месте. Два огромных автомобиля загорали дорогу; едва выйдя из машины и направившись к ним, среди оживленно дискутировавших людей я узнал шефа СС Кальтенбруннера, о чем-то спорившего с армейским генералом. Как объяснил мне какой-то младший офицер, то был командующий внутренними войсками генерал Фромм. Я успел услышать, как он сказал Кальтенбруннеру:

— Теперь же я хочу вернуться, вы сможете связаться со мной в любую минуту. Я буду у себя в кабинете. С этими словами он сел в автомобиль, сразу двинувшийся с места и тем самым освободивший дорогу моей колонне. Я с некоторым удивлением наблюдал, как минуту спустя командующий внутренними войсками спокойно входил в свое министерство. Перед порталом здания министерства я нашел майора Ремера и представился. Он сообщил, что приказано полностью изолировать здание. Я ввел свою роту во внутренний двор, а сам в сопровождении Фолькерсама и Остафеля поднялся по главной лестнице. В коридоре первого этажа толпились офицеры, вооруженные пистолетами; они полагали, что на улицах города идет настоящая война. В приемной генерала Олбрихта я застал нескольких высокопоставленных офицеров, тоже вооруженных и крайне взволнованных, с которыми прежде имел случай познакомиться, и они быстро ввели меня в курс событий: во второй половине дня выяснилось: что-то не заладилось с передачей сигнала тревоги некоторым родам войск. Генерал Фромм почти все это время находился на совещании, но два или три сотрудника получили от него задание постоянно поддерживать связь с войсками. Очень возбужденные напряженной атмосферой неопределенности и тревоги, многие офицеры вооружились пистолетами, ворвались в кабинет генерала Фромма и потребовали объяснений.

Поставленный перед ультиматумом, генерал был вынужден признать, что вспыхнуло вооруженное восстание, и он сам занят сейчас выяснением личностей зачинщиков. Несколько минут спустя генерал Бек покончил с собой, тогда как три офицера, включая начальника штаба полковника Штауффенберга, предстали перед трибуналом, во главе которого встал сам Фромм. Приговоренные к смерти, эти трое были расстреляны буквально полчаса назад во дворе министерства взводом унтер-офицеров. Кроме того, в какой-то момент в коридоре первого этажа возникла беспричинная пальба. Эти сведения хорошо укладывались в рамки известного, но не прояснили ситуацию до конца. Что было делать? Связаться со ставкой фюрера не удалось, и потому пришлось вновь брать инициативу на себя. Итак, в огромном мрачном здании оказалось спокойно, хотя все считали, что осиное гнездо находилось именно здесь. Прежде всего я созвал знакомых мне офицеров и предложил им вернуться к работе, прерванной во второй половине дня, ибо война продолжалась, фронты нуждались в управлении, подкреплениях, обеспечении боеприпасами и провиантом. Все согласилось с моими доводами и занялись своим делом. Чуть позже, однако, мне напомнили, что некоторые решения, касающиеся именно мобилизационных мероприятий, могли исходить только от начальника штаба, то есть от уже расстрелянного фон Штауффенберга. Пришлось на некоторое время взвалить на себя еще и эту ответственность. Меня ждал немалый сюрприз: значительная часть приказов о тревоге уже была аннулирована. Перед кабинетом генерала Олбрихта я встретил двух агентов гестапо. Несколькими часами раньше их направил сюда шеф тайной полиции, чтобы схватить графа Штауффенберга. Но они не смогли выполнить приказ, ибо на пороге министерства были арестованы и брошены в карцер офицерами Штауффенберга, который уже возвратился из ставки фюрера. Одно из двух: либо путч явился-таки сюрпризом для всеведущего гестапо, либо оно ошиблось, сочтя сведения об этом деле не заслуживающими внимания. Ведь для задержания вдохновителя военного переворота отрядили лишь двух агентов, что поистине необъяснимо. У меня наконец появилось время осмотреть кабинет Штауффенберга. Все ящики столов оказались незапертыми, словно здесь рылись в большой спешке. А на рабочем столе я обнаружил папку с надписью "Валькирия" с детальным изложением плана переворота. Пришлось признать, что Штауффенберг очень ловко закамуфлировал свои истинные намерения — стремительный захват нервных узлов Берлина и органов управления войсками — под заголовком "Контрмеры на случай атаки воздушно-десантных войск союзников". Покопавшись в ящиках стола, я сделал просто потрясающее открытие: фигуры, задействованные в этой игре, точно соответствовали тем целям, которые задумал игрок. На большой карте Восточной Европы жирная штриховка показывала, как утверждалось в сноске на краю карты, путь группы южных армий в кампании против России — группы, где Штауффенберг служил начальником штаба. Словно в детской игре, авторы комментариев с шокирующей легкостью манипулировали судьбами и страданиями тысяч людей, и я невольно ужаснулся при мысли о том, что высокопоставленным офицерам подобного склада ума порой выпадает играть чрезвычайно важную роль в войне. Через несколько часов все винтики единого механизма министерства вновь заработали напряженно и слаженно. Меня же не раз охватывало ощущение собственной ничтожности в сравнении с масштабностью и важностью решений, которые приходилось принимать в условиях отстранения от дел трех ведущих руководителей этого ведомства — генералов Фромма и Олбрихта и полковника Штауффенберга. Неустанные попытки восстановить связь со ставкой фюрера наконец увенчались успехом, и я настойчиво потребовал незамедлительно назначить "верного" генерала на должность начальника штаба внутренних войск. Я желал лишь

побыстрее смениться с этого поста, но, как и следовало ожидать, мне весьма неопределенно рекомендовали потерпеть и продолжать исполнять взятые на себя функции, пока фюрер не подберет достойного и квалифицированного офицера на это место. В течение следующих двух или трех часов я получал все тот же ответ. Наконец утром 22 июля в министерство приехал сам Гиммлер в сопровождении генерала СС Юттнера. К моему великому изумлению, оказалось, что первый назначен главнокомандующим внутренними войсками. Безусловно, Гиммлер был одним из наиболее преданных Гитлеру людей, но отнюдь не военным человеком, не солдатом. Ну мог ли он исполнять обязанности высшего армейского руководителя — роль номер один для страны в сложившихся обстоятельствах? Про себя я отметил, что генерал Юттнер отнюдь не в восторге от своей новой должности заместителя главнокомандующего, которая возлагала на него обязанности непосредственного управления внутренними войсками. Гиммлер, собрав офицеров министерства, произнес экспромтом речь, объявив путчистов очень узкой группой влиятельных лиц, группой тщательно законспирированной и сознательно ограничившей свою численность во избежание провала. Окинув взглядом притихшую аудиторию, я отметил у всех одну реакцию: очевидное удовлетворение и облегчение, ибо гроза прошла быстро. Пожалуй, большинство присутствовавших, воспитанных в строгих традициях профессионалов германского офицерского корпуса, предпочитали вообще оставаться в стороне и не утруждать себя раздумьями об этой попытке военного переворота, преступной и заранее обреченной на провал. Наконец-то я мог вспомнить об отдыхе и, вернувшись в Фриденваль, буквально рухнул в кровать. Часов через десять я проснулся свежий и отдохнувший и взялся подводить итоги последних событий. Главное: противоборство тенденций и группировок в обществе не обошло стороной вермахт, о чем раньше я и мысли не допускал. Сюрприз не из приятных; единственным утешением была быстрота, с которой подавили путч и которая объяснялась как слабой базой заговорщиков, так и молниеносными действиями ряда армейских подразделений. Лично мне приятно было сознавать, что, как и большинство офицеров четвертого управления, то есть войск СС (первое управление — сухопутные войска, то есть вермахт; второе — военно-морские силы, то есть кригсмарине; третье — военно-воздушные силы, то есть Люфтваффе), я не имел никаких связей с организаторами попытки переворота. Следует сделать маленькое отступление, чтобы отметить: сейчас, четыре года спустя, говоря о разгроме заговора 20 июля 1944 года, есть риск исказить события. Все, кто принимал непосредственное участие в той драме, должны признать, что после устранения графа Штауффенберга прочие заговорщики автоматически оказались не у дел: с этого момента они потеряли контроль над теми армейскими частями, с помощью которых намечалось сдержать натиск верных фюреру сил, и план переворота развалился как карточный домик. По замыслам конспираторов, устранение Адольфа Гитлера явилось бы решающим фактором; когда же Гитлер чудом избежал смерти, они поняли, что теперь их планы и вовсе несбыточны. До сих пор удивляюсь приступу ярости, охватившему меня при пробуждении утром 23 июля, — гнев, безудержная ярость против нанесших предательский удар в спину своему народу в момент тяжелейших испытаний, когда этот народ боролся за само свое существование. Когда буря эмоций улеглась и мысли прояснились, я перебрал в памяти беседы с некоторыми офицерами различных служб военного министерства. Не раз мои собеседники с похвальным рвением заявляли о своей верности Гитлеру и национал-социализму. Я пришел к убеждению (и мое мнение с тех пор не переменилось), что среди инициаторов заговора были и честные патриоты. К несчастью, они придерживались той точки зрения, что необходимо,

собрал воедино всю волю и силы, устранить Гитлера от управления государством. Соответственно их дальнейшие планы предусматривали ряд существенных изменений в политике. Первоочередной задачей они провозглашали быстрейшее заключение перемирия, поскольку в военном отношении ситуация стала безнадежной. Фракция, возглавляемая графом Штауффенбергом, хотела достичь сепаратного мира с Россией; другая же группа ратовала за поиск взаимопонимания с западными державами. Если верить сообщению английского радио от 25 июля 1944 года, ни те ни другие не добились успеха в предварительной подготовке по названным направлениям. Би-би-си объявила, что новое германское правительство (а англичане вначале поверили в смерть Гитлера) не сможет немедленно прекратить военные действия, не достигнув перемирия со всеми союзниками одновременно, поскольку на совещании в Касабланке последние договорились строго следовать принципу "безусловной капитуляции". Следовательно, уместно задать вопрос: как заговорщики, приди они к власти, собирались решить эту проблему? И так, неудавшийся переворот 20 июля 1944 года принес лишь два результата: во-первых, покушение на Адольфа Гитлера, абсолютного властелина Германии и Верховного Главнокомандующего вермахта, стало для него ударом как в физическом, так и в психологическом плане. И хотя ранения оказались пустячными, нельзя забывать, что подобные несчастья наделенный огромной властью человек переносит с гораздо большим трудом, чем простой смертный. В моральном же плане Гитлер так и не смог преодолеть последствий тяжелого шока, и дело отнюдь не в жутком виде разорванного осколками кресла, а в самом факте восстания: оказывается, даже в самом сердце армии возможно образование смертельно опасного нарыва — целые группы офицеров могут предать властелина и его дело. Подозрительность Гитлера, скорее инстинктивная, чем осознанная, росла день ото дня и в конце концов стала настоящей манией. Все чаще поддавался он приступам отчаяния, применял заведомо несправедливые меры в отношении людей, ничем не заслуживших опалы. Думаю, что в минуты просветления он и сам сильно страдал, переживая содеянное. Второй результат покушения столь же негативен: впредь становилась невозможной любая договоренность о мире, не предусматривающая полную ликвидацию рейха. Совершенно естественно, и без того жесткая позиция противников стала непреклонной, поскольку теперь они делали ставку и на распри, которые раскалывали и ослабляли Германию. Кроме того, не стоит забывать, что союзники отказывались от каких бы то ни было компромиссов с Германией национал-социалистической и гитлеровской, а значит, и с вероятными преемниками фюрера. При таких обстоятельствах у германского руководства просто не оставалось путей к сколь-нибудь почетному перемирию. Любые усилия в этом направлении союзники с пренебрежением отвергали. Такое отношение лишь еще более распяло Гитлера, усиливало его решимость бороться до конца. НЕ СКЛОНЯТЬ ГОЛОВЫ По мере ухудшения военной ситуации область моей деятельности расширялась. После ряда встреч с начальником штаба Верховного Главнокомандования я наконец добился увеличения своих "частей специального назначения". Единственный батальон, которым я располагал до сих пор, получил пополнение — бригаду из шести батальонов, большую часть которых составляли 1800 добровольцев дивизии "Бранденбург", переданной под мое командование. С другой стороны, фюрер отдал в мое ведение второй отдел армейской разведки ("Саботаж и деморализация противника"). В течение нескольких недель во Фриденале работали как одержимые: реорганизация, обучение пополнения, подготовка новых операций. Окруженная со всех сторон, Германия все более походила на огромную крепость; причем нам надлежало не только оборонять крепостные стены, но и разрушать пути продвижения

противника, препятствовать его подготовительным маневрам, не забывая при этом предотвращать возможные крупные акции саботажа в своем тылу. Я должен был найти способ силами своих подразделений решить эту тройную задачу. Оглядываясь в прошлое, сегодня могу смело утверждать, что мы отменно провели баталии на "тайном фронте". К концу лета 1944 года отряд моих "боевых пловцов", то есть подводников-диверсантов, совместно с коллегами из военно-морского ведомства совершили настоящий подвиг, которым по праву можно гордиться. Британские войска под командованием маршала Монтгомери собирались переправиться через Вааль, главный рукав в дельте Рейна, и создать у Нимегю плацдарм, непосредственно угрожавший нашему фронту. К несчастью, им удалось быстро восстановить мало пострадавший мост через реку, по которому их основные силы без трудностей подтягивались к передовой. Англичане быстро развернули мощную зенитную артиллерию, и атаки наших истребителей-бомбардировщиков оказались бесплодными. Подробно ознакомившись с ситуацией, я обсудил с рядом экспертов возможность использования подводников в борьбе против этого проклятого плацдарма. Уничтожение достаточно большой части моста было бы заметным успехом, ибо на некоторое время ослабило бы давление на наши войска в этом секторе. Я знал, что специалисты флота, предвидя возникновение потребности в оружии такого рода, уже создали "мины-торпеды". Эти устройства по форме представляли собой как бы разрезанную вдоль торпеду, к которой в форме второй половины крепился резервуар для воздуха. Таким образом, они могли плыть по поверхности, что делало их легкими в управлении. В ходе первых испытаний взрыв двух таких мин привел к столь чудовищному выбросу воды, что стало ясно: конструкция моста не устоит. Плацдарм англичан занимал на Нимегю примерно семь километров вдоль берега. Левый же берег принадлежал врагу полностью. Ночью капитан Хеллмер, руководивший операцией, сам отправился на разведку. Ласты и резиновый костюм позволяли плыть быстро и бесшумно. Чтобы лицо не белело на фоне темной воды, он плотно обернул голову вуалью. Покончив с экипировкой, он спустился в воду и взял с собой бревно, чтобы тщательно отретпетировать возможные действия: впоследствии каждому участнику операции следовало освоить ряд маневров, которые необходимо будет точно и быстро выполнить в нужный момент. По мосту к передовой двигались танки "Черчилль". Рев моторов и лягг гусениц во многом помогали скрытно провести операцию, поскольку заглушали случайный плеск воды. А заметить в темноте слабые возмущения на поверхности воды практически невозможно. Основная опасность для диверсантов исходила от левого берега реки, полностью занятого неприятелем. Отдавшись потоку, Хеллмер совершенно бесшумно проследовал под мостом и далее мимо вражеских позиций на обоих берегах, а ниже по течению вышел на нашем участке правого берега реки. Несколько дней спустя метеослужба дала подходящий прогноз, пообещав темную, пасмурную ночь, возможно даже дождливую. Погружение в воду тяжелых "мин-торпед" было трудным делом, тем более что английская артиллерия на всякий случай угостила нас обстрелом. Несколько снарядов легли очень близко, и осколки заделали кое-кого из подводников. Впрочем, серьезных ранений не было. Наконец два огромных полуцилиндра закачались на поверхности воды возле берега. Двенадцать пловцов расположились по трое с каждой стороны и исчезли в ночи, уносимые течением. Через некоторое время они смогли различить в темноте силуэт моста, откуда доносился непрерывный гул моторов грузовиков и танков, плотным потоком шедших с одного берега на другой. Вскоре они оказались под мостом, быстро подвели мины к обеим опорам моста и открыли клапаны воздушных резервуаров, тогда как два специалиста устанавливали взрыватели замедленного действия.

Безопасные до сей поры устройства стали представлять собой смертельную угрозу. Две огромные "сигары" медленно погружались в пучину, и, пока они опускались на дно, люди изо всех сил старались отплыть подальше. Пять минут спустя чудовищный взрыв сотряс воздух ужасной ударной волной. Мины сделали свое дело: обе опоры разнесло на куски, и огромная центральная часть моста обрушилась в реку. И тут же оба берега ожили. Англичане открыли ураганный огонь — в предутренней мгле им порой удавалось различить головы пловцов. В первые же минуты шквал пулеметного огня зацепил одного из наших. Но товарищи вернулись и поддержали его. Пули вспарывали воду повсюду, но каким-то чудом еще лишь два пловца пострадали, отделавшись, впрочем, легкими ранениями. Группа в полном составе вышла на наш берег реки в десяти километрах ниже моста по течению. Окончательно выбившиеся из сил, пловцы выползли на берег и вытащили трех раненых товарищей. Операция удалась превосходно, но в дальнейшем противник был начеку и повторение дерзкого удара стало делом невозможным или по меньшей мере гораздо более трудновыполнимым.

В начале осени 1944 года я со своими батальонами приступил к выполнению особого задания. Мы договорились с директором завода по производству боеприпасов, находившегося в Фридентале, куда в то время пытались проникнуть группы саботажников, чтобы парализовать производство. К нашему удивлению, операция завершилась успехом сверх всяких ожиданий. Около двадцати человек из числа изготовлявших идентификационные бирки устроились на работу в цеха и имели возможность в течение каких-то двадцати минут, не привлекая внимания других рабочих, подложить взрывные устройства, пусть почти символические по мощности, в наиболее важных и уязвимых местах завода. Конечно, как и на любом оборонном предприятии государственного значения, здесь существовала "группа безопасности", но, на мой взгляд, эти подразделения малоэффективны и не способны что-либо защитить. На другой день дирекция направила длинный рапорт в министерство, к которому я присовокупил свое мнение: следует немедленно пересмотреть инструкции для подразделений безопасности на оборонных предприятиях, обеспечить гораздо более строгий контроль за обстановкой на этих заводах. Для меня стало очевидным, что разведывательные службы противника с большим размахом организуют саботаж в Германии и что число саботажников на наших заводах трудно вообразить. А сотрудники службы безопасности на оборонных предприятиях были не в состоянии пресечь деятельность даже горстки решительных людей.

Примерно в то же время на Восточном фронте потребовалось вмешательство моих батальонов. Во второй половине августа мне приказали срочно явиться в ставку фюрера. По прибытии меня встретили два офицера из штаба генерала Йодля и объяснили причину вызова. Вскоре после чувствительного поражения в июньской кампании 1944 года на центральном участке Восточного фронта дал о себе знать

"резервный агент", иначе говоря, сотрудник одного из подразделений контрразведки, какие существуют во всякой армии, еще в начале войны внедрившийся в тыл русских. Солдаты, неделями скитавшиеся по лесам на занятых русскими территориях и сумевшие пробиться к своим через линию фронта, сообщали о целых отрядах, находившихся в окружении. Тогда наш связной перешел линию фронта и передал разведчику приказ о "расконсервации" и само задание. И вот наконец радиограмма: "В лесной массив к северу от Минска стекаются группы уцелевших немецких солдат". Около двух тысяч человек под командованием подполковника Шерхорна находились в районе, указанном весьма неопределенно. Разведчику сразу же приказали наладить радиосвязь с затаившимся отрядом, сообщили соответствующие частоты и код, но до сих пор все попытки оставались тщетными. По-видимому, у Шерхорна не было передатчика. Главнокомандующий уже посчитал невозможным найти и вернуть отряд. Ему посоветовали обратиться за помощью к моим "специальным частям". "В состоянии ли вы выполнить подобное задание? — спросили встречавшие офицеры. Я с достаточным основанием дал утвердительный ответ и знал, что эти офицеры и их коллеги были бы счастливы вернуть своих друзей, затерявшихся в водоворотах русского цунами. В тот же вечер я вернулся на самолете в Фриденталь, и мы принялись за дело. В считанные дни мы разработали план под кодовым названием "Браконьер" и взялись за решение бесчисленных технических проблем, связанных с осуществлением операции. Наш проект предусматривал создание четырех групп, каждая из которых состояла из двух немцев и трех русских. Людей вооружили русскими пистолетами и снабдили запасом продовольствия на четыре недели. Кроме того, каждая группа брала с собой палатку и портативную радиостанцию. На всякий случай их переодели в русскую военную форму, обеспечили удостоверениями и пропусками и т.д. Их приучили к русским сигаретам, у каждого в вещмешке имелось несколько ломтиков черного хлеба и советские консервы. Все прошло через руки парикмахера, который остриг их почти наголо в соответствии с военной модой русских, а в последние дни перед вылетом им пришлось расстаться со всеми предметами гигиены, включая даже бритвы. Двум группам предстояло прыгнуть с самолетов восточное Минска, почти точно посередине между городами Борисов и Червень, продвинуться на запад и обследовать бескрайние леса в этом районе. Если не удастся обнаружить отряд Шерхорна, надлежало самостоятельно добираться к линии фронта. По замыслу две другие группы должны были десантироваться между Дзержинском и Витеей, приблизиться к Минску и обшарить обширный сектор вплоть до самого города. Если поиски останутся бесплодными, им тоже следовало пробираться к линии фронта. Мы отдавали себе отчет, что сей план является лишь теоретическим руководством, и предоставили всем группам достаточную свободу действий; изначальная неопределенность не позволяла предусмотреть все детали операции, и потому им было дано право действовать по собственному разумению, в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Нам же оставалось уповать на радиосвязь, которая позволяла в случае необходимости передать новые указания. После обнаружения отряда Шерхорна следовало соорудить в занятом им лесу взлетно-посадочную полосу. Тогда можно было бы постепенно эвакуировать солдат на самолетах. В конце августа первая группа под руководством П, поднялась в воздух на "Хейнкеле-111" из состава 200-й эскадрильи. С лихорадочным нетерпением ждали мы возвращения самолета, ведь предстояло пролететь более 500 километров над вражеской территорией (к тому времени линия фронта проходила через Вистюль). Поскольку подобный полет мог состояться только ночью, истребители не могли" сопровождать транспортный самолет. В ту же ночь состоялся сеанс радиосвязи

между разведчиком и группой П. "Скверная высадка, — докладывали наши парашютисты. — Попробуем разделиться. Находимся под пулеметным огнем". Сообщение на этом заканчивалось. Возможно, пришлось отступить, бросив передатчик. Ночи проходили одна за другой, а из радио доносился лишь негромкий треск атмосферных помех. Ничего больше, никаких новостей от группы П. Скверное начало! В начале сентября отправилась в полет вторая группа, под командованием аспиранта С. По возвращении пилот доложил, что парашютисты прыгнули точно в указанном месте и достигли земли без происшествий. Однако следующие четыре дня и ночи радио молчало. Оставалось единственное объяснение: еще один провал, еще одна катастрофа. Но на пятую ночь наше радио, от которого все равно неумолимо ждали проявления хоть каких-нибудь признаков жизни, уловило ответ. Сначала пошел настроенный сигнал, затем особый сигнал, означавший, что наши люди вышли на связь без помех (не лишняя предосторожность: отсутствие сигнала означало бы, что радист взят в плен и его силой заставили выйти на связь). И еще великолепная новость: отряд Шерхорна существует, и аспиранту С, удалось его обнаружить! На следующую ночь подполковник Шерхорн сам сказал несколько простых слов, но сколько в них было сдержанного чувства, глубокой благодарности! Вот прекраснейшая из наград за все наши усилия и тревоги! Через сутки после группы С, вылетела третья пятерка, с унтер-офицером М, во главе. Мы так никогда и не узнали, что с ними случилось. Раз за разом наши радисты настраивались на их волну, повторяли позывные... Долгие, томительные недели... Ответа так и не последовало. Группа М, исчезла в бескрайних русских просторах. Ровно через двадцать четыре часа вслед за группой М, на задание отправилась и четвертая группа, которой командовал Р. Четыре дня они регулярно выходили на связь. После приземления двинулись к Минску, но не могли строго держаться этого направления, поскольку то и дело натыкались на русские военные патрули. Иногда встречали дезертиров, которые принимали их за товарищей по несчастью. В целом же большая часть населения в этой части Белоруссии была настроена довольно дружелюбно. На пятый же день сеанс связи неожиданно прервался. Мы даже не успели сообщить им координаты отряда Шерхорна. Вновь потянулось тревожное, нестерпимо долгое ожидание. Каждое утро Фолькерсам грустно объявлял: "Никаких вестей от групп Р., М, и П.". Наконец через три недели мы получили телефонограмму откуда-то из района литовской границы: "Группа Р, перешла линию фронта без потерь". Как и следовало ожидать, отчет Р, чрезвычайно заинтересовал разведывательные службы. Ведь случаи возвращения германских солдат с занятых русскими территорий были крайне редки. Р, особенно подчеркивал беспощадность, с которой советские командиры претворяли в жизнь принцип тотальной войны, мобилизуя все силы, а в случае необходимости используя даже женщин и детей. Если не имелось свободных транспортных средств, местному гражданскому населению приходилось за многие километры катить бочки с горючим, порой почти до линии огня, или по цепочке передавать снаряды прямо на артиллерийские позиции. Бесспорно, нам было чему поучиться у русских. Переодетому лейтенантом Красной Армии Р, достало смелости проникнуть в офицерскую столовую и получить обед. Благодаря безукоризненному знанию русского языка он оказался вне подозрений. Несколькими днями позже Р, добрался до наших передовых частей, полностью сохранив свою группу. Теперь нам предстояло удовлетворить наиболее насущные нужды отряда Шерхорна, более трех месяцев находившегося в полной изоляции и лишенного буквально всего. Шерхорн просил прежде всего побольше медицинских препаратов, перевязочных средств и собственно врача. Первый прыгнувший с парашютом врач при приземлении в темноте разбился, сломал обе ноги и через несколько дней

скончался. Следующему повезло, и он приземлился целым и невредимым. Потом мы стали сбрасывать маленькой армии продовольствие, одежду. Из донесения врача следовало, что состояние раненых плачевно, и Шерхорну было приказано немедленно приступить к подготовке эвакуации. В течение двух-трех ночей 200-я эскадрилья высылала по несколько самолетов для снабжения затерянного в лесу лагеря. К сожалению, ночная выброска материалов не могла быть точной: зачастую спускаемые на парашютах контейнеры опускались в недоступных местах или оставались найденными в лесных зарослях, хотя солдаты Шерхорна вели непрерывные поиски. Тем временем совместно со специалистами эскадрильи мы подготовили план эвакуации, решив использовать в качестве аэродрома обширную лесную поляну, обнаруженную недалеко от лагеря Шерхорна. Операцию решили проводить в октябре, в период наиболее темных, безлунных ночей, наметив в первую очередь вывезти на самолетах раненых и больных, а уж затем здоровых. К Шерхорну направили специалиста по быстрому развертыванию взлетно-посадочных полос в полевых условиях. Но едва начались подготовительные работы, как русские мощным ударом с воздуха сделали выбранное место непригодным. Пришлось изыскивать другой способ. После переговоров с Шерхорном решили, что отряду следует покинуть обнаруженный лагерь и совершить 250-километровый переход на север. Там, в окрестностях Дюнабурга, что возле прежней русско-литовской границы, находилось несколько озер, которые замерзали в начале декабря. Когда лед достаточно окрепнет, озера превратятся в подходящие аэродромы для транспортных самолетов. Прodelать столь долгий путь в тылу врага дело не простое. Шерхорн предложил разделить отряд на две маршевые колонны. Первой, под командованием моего аспиранта С., надлежало идти прямо на север, выполняя роль разведывательного авангарда. Вторая, под командованием Шерхорна, должна была идти параллельным курсом, но немного сзади. Следовало снабдить людей теплой одеждой и прочими необходимыми материалами. Для двух тысяч человек такая операция требовала огромного количества вылетов. Мы послали им девять радиопередатчиков, чтобы при вынужденном дроблении отряда каждая часть имела связь с другими и с нами. Поздней осенью 1944 года колонны медленно потянулись на север. Русских телег было мало, на них с трудом уместили больных и раненых. Кто мог, шел пешком. Переход оказался намного более длительным, чем мы предполагали. В среднем за день преодолевали 8 — 12 километров. Шерхорн был вынужден то и дело останавливать отряд для отдыха на день-другой, и тогда за неделю не удавалось пройти и сорока километров. С другой стороны, не обходилось без кровопролитных схваток с русскими военными патрулями, число погибших и раненных росло с каждым днем, и темпы продвижения, естественно, снижались. Мало-помалу все мы, успевшие хорошо узнать русских, теряли последние надежды. Шансы Шерхорна на возвращение в Германию были до ужаса малы. По мере продвижения отряда к линии фронта маршрут самолетов снабжения укорачивался, но определить место выброски становилось труднее. По радио мы старались уточнить их координаты на карте, испещренной разными значками. Несмотря на предосторожности, несметное число тюков и контейнеров попало в руки русской милиции, которая, надо отдать ей должное, справлялась со своей задачей. Но даже не это было нашей главной заботой. С каждой неделей количество горючего, выделяемого 200-й эскадрилье, неизменно сокращалось, тогда как наши потребности в нем отнюдь не уменьшались. Время от времени мне удавалось в виде исключения урвать дополнительно 45 тонн, но каждая новая просьба натывалась на все большие трудности. Несмотря на отчаянные мольбы Шерхорна, пришлось сократить число вылетов самолетов снабжения. Думаю, ни Шерхорн, ни его солдаты, в невероятно

сложных условиях пробивавшиеся через русские леса, не в состоянии были понять наши проблемы. Чтобы поддержать их дух, их веру в наше стремление помочь всеми имеющимися у нас средствами, я каждый радиосеанс старался выказывать неизменный оптимизм. В феврале 1945 года мне самому пришлось командовать дивизией на Восточном фронте. Отбивая яростные атаки врага, я не упускал из вида наши "особые миссии". Сообщения, все еще регулярно приходившие от Шерхорна, были полны отчаяния: "Высылайте самолеты... Помогите нам... Не забываете нас..." Единственная хорошая весть: Шерхорн встретил группу П., первую из четырех заброшенных групп, которую считали бесследно сгинувшей в августе 1944 года. В дальнейшем содержание радиосообщений стало для меня сплошной пыткой. Мы уже не в состоянии были посылать более одного самолета в неделю. Перелет туда-обратно превышал 800 километров. Да и количество отправляемых грузов таяло на глазах. День и ночь я ломал голову, изыскивая возможности помочь людям, которые не сломались, не сложили оружия. Но что было делать? К концу февраля нам перестали выделять горючее. При одной лишь мысли об огромных его запасах, захваченных противником в ходе наступления, меня охватывало бешенство. На каждом из аэродромов Вартегау, занятых русскими, имелось по несколько сот тонн авиационного горючего! Двадцать седьмого февраля аспирант С, прислал нам следующее сообщение: "Отряд прибыл в намеченный район возле озер. Без немедленной поддержки умрем от голода. Можете ли вы нас забрать?" По мере расходования элементов питания передатчика призывы о помощи становились все более настойчивыми, а мы уже не в силах были помочь. В конце С, просил доставить хотя бы батареи питания: "Мы больше ничего не просим..., только говорить с вами..., только слышать вас". Крах и невероятный хаос, поразивший многие службы, окончательно добила нас. Не могло быть и речи о вылете самолета с помощью для несчастных, тем более о их эвакуации. И все равно наши радисты ночи напролет не снимали наушников. Порой им удавалось засечь переговоры групп Шерхорна между собой, порой до нас долетали их отчаянные мольбы. Затем, после 8 мая, ничто долее не нарушало молчание в эфире. Шерхорн не отвечал. Операция "Браконьер" окончилась безрезультатно.

К концу августа назрела очередная катастрофа на Восточном фронте. Казалось, войска на Южном фронте, в Бессарабии и Румынии, уже не держатся на плаву и вот-вот исчезнут в пучине сокрушительного вала русских армий. С мучительным волнением следили мы за изменениями на карте, и данные разведки свидетельствовали о том, что острие наступления русских дивизий направлено на Румынию. Страшная угроза нависла над многочисленными потомками немецких колонистов, поселившихся в этой стране несколько столетий назад. В начале сентября из ставки фюрера пришел следующий приказ: "Немедленно сформировать два взвода для срочной операции. Необходимые транспортные самолеты уже подготовлены. Задачи отрядов: заблокировать перевалы в Карпатах, создать разведывательные группы в занятых врагом регионах. Вывести из строя средства связи русских, помочь в организации и ускорении эвакуации граждан немецкой национальности". Итак, еще одно сверхсрочное задание, еще одно решение, принятое в последнюю минуту. А ведь залог успеха операций командос в долгой и тщательной подготовке. Но что поделаешь за неимением лучшего? Такова

наша служба. Младший лейтенант Г., по моему мнению, лучше всего подходил на роль командира ударного отряда, состоявшего из нескольких унтер-офицеров инженерных войск и дюжины солдат, в совершенстве владевших румынским языком. С величайшей поспешностью укомплектовав отряд всем необходимым, мы проводили его в неизвестность. Эти слова точно соответствуют действительности, поскольку обстановка менялась с каждым часом. К счастью, нам пришла мысль предварительно выслать самолет-разведчик к намеченному ставкой фюрера месту высадки. Так в последнюю минуту узнали, что аэродром в Темешваре, где следовало высадиться отряду Г., уже оккупирован русскими. Поэтому наши транспортные самолеты вылетели к запасному аэродрому, который удерживали войска Флепса. Выгрузив снаряжение, отряд разделился на четыре группы, которым предстояло удерживать карпатские перевалы. В тот момент вообще нельзя было сказать ничего конкретного о германских армиях в этом регионе: русские полностью овладели инициативой, наступали и наступали, тесня наши войска, разрозненные, потрепанные и деморализованные. Тем не менее мои командос на много дней заперли ряд карпатских перевалов, пресекая все попытки русских прорваться через горные хребты и помогая эвакуироваться группам немецких граждан. Отчаявшиеся люди были до иступления перепуганы. Но в боях силы наших групп таяли. Лейтенант Г, со своими людьми, переодетыми в румынскую форму, сумел в последний момент незаметно покинуть перевал и встречал русские войска в Кронштадте. Вставив в дула автоматов цветы, они "приветствовали победное наступление Красной Армии". Но потом улыбнувшаяся была удача изменила им: едва они миновали передовые русские части, пытаясь зайти в тыл врага, как их разоблачили. Русские, которым очень досаждало сопротивление наших групп, обошлись с ними жестоко: раздели почти донага и привязали к горным уступам у перевала, через который уже сплошным потоком тянулись их войска. Каким-то чудом Г, удалось вырваться и бежать. Прделав изнурительный многокилометровый путь с простреленной ногой, он укрылся на болоте. На следующую ночь ему посчастливилось незамеченным переползти линию фронта, который командование кое-как восстановило, воспользовавшись передышкой, добытой кровью моих командос. Благодаря полученным от них же сведениям о передвижениях противника нашим войскам удалось несколькими днями раньше спасти от полного окружения целую дивизию, сражавшуюся около Гьергиоти, Дело в том, что другие наши группы после значительных потерь оставили перевалы, прошли по прифронтовым тылам русских и собрали обширную и точную информацию о численности и приготовлениях противника. Операции такого рода мне очень нравились. Зачастую несколько малочисленных групп, сформированных из людей умелых и исключительно решительных, добивались результатов почти невероятных. К сожалению, успех подобных затей был лишь слабым проблеском на мрачном, грозном фоне. Доклад унтер-офицера Г., командовавшего одной из групп, добавил особо зловещие тона в эту совершенно безрадостную картину: в Румынии, по ту сторону Карпат, группа встретила отряд противовоздушной обороны численностью около двух тысяч. Его подразделения, отлично экипированные и располагавшие скорострельными зенитными орудиями, остановились в небольшой ложине рядом с крупной магистралью и, не зная, что делать, просто ждали. По сути дела, они сдались даже до появления русских. Из двух тысяч человек только триста решили присоединиться к войскам и пробиваться через линию фронта. Остальные предпочли остаться здесь и глупо, пассивно ждать, не имея более воли с боями прокладывать дорогу к своим позициям. Они собирались сдаться первому советскому военному патрулю. И подобное случалось десятки, сотни раз на всем протяжении Восточного фронта.

Доказывали ли эти примеры, что моральный дух германских солдат пал окончательно, что наши войска и думать забыли о возможности победы? Или дело просто в "русском психозе", который являлся следствием полного физического и нервного истощения? Тогда я еще горячо надеялся, что это не конец, хотя не мог перебороть чувства тревоги.

МРАЧНЫЙ ЗАКАТ

10 сентября 1944 года (в то время в Фридентале работали над реорганизацией новых батальонов — их следовало превратить в войска, которым по плечу любые задачи) пришел вызов в ставку фюрера. К тому времени "Волчье логово" находилось уже не так далеко от передовой, всего в нескольких десятках километров. В этой агломерации, представляющей собой главный штаб германских войск, появилось новое убежище под названием "Фюрербункер" — огромный сводчатый блок из армированного бетона с толщиной стен семь метров. Система подачи воздуха функционировала недостаточно хорошо, и потому трудно было долго оставаться в бункере; не просохший еще бетон выделял неприятные, тяжелые испарения. Напротив, большая центральная казарма выглядела более уютно и приветливо: широкие проемы окон, в просторных комнатах чистота и порядок. Именно здесь в два часа дня и в десять вечера ежедневно шли военные совещания, на которых вкратце докладывалась ситуация и принимались важнейшие решения. Сразу по приезде — было около десяти часов утра — генерал Йодль объяснил, что мне предстоит в течение нескольких дней ассистировать при рассмотрении вопросов, касающихся положения на южном участке Восточного фронта. Кроме того, именно в этом секторе мне предстояло провести миссию чрезвычайной важности. Хотя я участвовал только в совещаниях, посвященных лишь части Восточного фронта, нетрудно было уяснить, что военные власти изрядно запутались. "Верховное командование" в действительности уже не командовало Восточным фронтом. Впрочем, на других фронтах, включая Балканы, оно непосредственно руководило оперативными штабами. Более того, флот и Люфтваффе направляли в соответствующие штабы вермахта офицеров связи с ежедневными докладами. Адольф Гитлер являл собой единый координирующий центр высшей инстанции, с тех пор как взял на себя командование всеми родами войск — непосильная ноша, с которой не справится даже сверхчеловек. Оказавшись в большом зале казармы, я не имел достаточно времени представиться генералам и офицерам этого штаба, поскольку почти сразу прозвучала команда и мы застыли в положении "смирно". В сопровождении маршала Кейтеля и генерала Йодля в зал вошел фюрер. Я смотрел на него со страхом, если не сказать с ужасом, с трудом находя знакомые черты того образа, который хранился в моей памяти. А ведь в последний раз я видел его прошлой осенью, с той встречи не минуло и года. К нам приближался человек бесконечно усталый, согбенный, ужасно состарившийся; и даже его голос, прежде сильный и высокий, порой сбивался на хрип, звучал слабо и устало. Не источила ли его та же тайная боль, что мучила и меня? Левая рука заметно дрожала, когда он не придерживал ее правой. Следствие покушения 20 июля? Или фюрера сломил страшный груз ответственности, которую он добровольно взвалил на себя и нес один все эти годы? Я не мог удержаться от вопроса, откуда этот старик умудрялся черпать энергию, необходимую для осуществления подобных задач? Адольф Гитлер пожал руки нескольким офицерам,

встречавшим его у двери, сказал несколько любезных слов и мне, а затем приказал приступать к докладам. Два стенографиста заняли места в конце центрального стола. Все офицеры остались стоять; возле стола фюрера, на котором лежали лишь цветные карандаши и очки, была скромная табуретка, но он лишь изредка присаживался на несколько минут. Генерал Йодль изложил ситуацию. Мы следили за его объяснениями по огромной карте, разложенной на центральном столе. Номера дивизий, армейских корпусов, танковых полков мелькали бесчисленной чередой. Здесь русские атакуют, но мы можем их оттеснить. Там они проделали широкую брешь, которую мы в состоянии уменьшить контрударом таких-то частей. Я был поражен тем, сколько деталей фюрер держит в голове, чувствует сердцем: количество танков на том или ином направлении, запасы горючего, силу тех или иных резервов и т.д. На память перечислял недавно присвоенные кодовые названия, пояснял на карте свои распоряжения. Ситуация сложилась тяжелая. Фронт находился рядом с границей между Венгрией и Румынией. Имея за плечами немалый опыт, я не мог отделаться от сомнений. Способны ли перечисленные дивизии сражаться? В каком состоянии находится их артиллерия, транспортные средства? Сколько танков, самоходных орудий повреждено или попросту утрачено со времени подачи докладов, которыми располагает ставка? Сегодня по-настоящему важных решений не будет, шептались около меня офицеры штаба. Эти слова напомнили мне, что здесь, на вершине военной иерархии, мыслят только армиями и группами армий. Когда настал черед представителя Люфтваффе делать свой доклад, у меня возникло ощущение, будто что-то не так. Фюрер выпрямился и сухим тоном приказал докладчику точно и коротко излагать сведения. Это значило, что Люфтваффе, некогда столь милое его сердцу, вышло из фавора! В результате экскурс офицера показался блеклым, лишенным некоего пыла. Резким взмахом руки фюрер прервал его и отвернулся. Генерал Йодль сделал мне знак выйти, поскольку теперь предстояло обсуждать ситуацию на других фронтах. В соседней комнате я задержался поболтать с несколькими офицерами штаба. Смакуя вермут, предложенный ординарцами, мы заговорили о Восточном фронте. В Варшаве польская подпольная армия сопротивления подняла восстание, по всему городу развернулись жестокие бои. Южнее сложилась еще более напряженная ситуация: сведения из этого сектора говорили о близкой катастрофе. Мы не можем честно сказать все это фюреру, признался один из моих собеседников. Остается как-нибудь выкрутиться из этой заварухи, ни о чем ему не докладывая. А тремя днями позже меня забыли выпроводить из зала до обсуждения положения на других фронтах. Докладчик не мог далее обходить молчанием варшавскую проблему. Гитлер, только что присевший у своего стола и взявший в руки карандаши, вмиг вскочил. — Почему не доложили об этом раньше? — вскричал он и в ярости так швырнул карандаши об стол, что их обломки шрапнелью разлетелись по залу. Все сконфуженно молчали, тогда как фюрер дал выход своему гневу, распекая высшее руководство всех родов войск. У меня же возникло неодолимое желание сделаться маленьким и незаметным. Не в силах преодолеть чувство страха, я мечтал оказаться за тридевять земель. Часто ли он устраивает подобные головомойки начальству в присутствии подчиненных? Гитлер вдруг угомонился и обратился к какому-то генералу с уточняющими расспросами. Какими дополнительными резервами мы располагаем в этом регионе? Смогут ли войска вовремя получить боеприпасы? Имеются ли поблизости крупные подразделения инженерных войск? И вот уже началась сложная, кропотливая работа по исправлению ситуации. Следовало собрать все имеющиеся резервы, точно определить первоочередные задачи, чтобы быстро подавить мятеж. В который раз одно и то же: напрягая последние силы, залатать очередную брешь. Во второй половине дня я встретил

офицеров, с которыми познакомился в приемной фюрера, поинтересовался обстановкой. Новые известия отнюдь не радовали. Единственное приятное событие, словно легкий просвет меж тяжелых, мрачных туч: прогуливаясь по дорожкам парка, я нос к носу столкнулся с летчицей Ганной Райч. Как выяснилось, она сопровождала шевалье фон Грейма, одного из высших руководителей Люфтваффе, и пригласила меня в их домик. Засидевшись там до полуночи, я добирался ощупью до своего особняка "для особых гостей". В просторной гостиной Ганна представила меня шевалье фон Грейму: по его лицу с Тонкими, благородными чертами пролегли глубокие морщины, резко выделяющиеся на фоне белых как снег волос. Беседа без банальных предисловий сразу коснулась "горячей" темы: война и Люфтваффе. Он объяснил причину своего вызова в ставку: фюрер хотел освободить маршала Геринга от обязанностей командующего Люфтваффе и назначить на этот пост фон Грейма. В настоящее время Геринг, используя свой авторитет, по-прежнему сохранял за собой ведущую роль, однако фон Грейм настаивал на своем единоначалии. В данный момент вопрос оставался открытым, так как Гитлер еще не принял решения. Это правда, что Люфтваффе почивает на лаврах, заслуженных в 1939 — 1940 годах, не задумываясь о будущем. Слова Геринга о том, что "наша авиация самая лучшая, самая быстрая и самая отважная в мире", не способны сами по себе обеспечить победу в воздухе, с горечью отметил фон Грейм. Затем он подробно описал нынешнее плачевное состояние дел в авиации, чему я уже не удивился, но обратил внимание, что генерал еще не потерял надежду, уповая на новые реактивные истребители, которые вот-вот должны были поступить на вооружение. Возможно, с помощью этих самолетов мы отразим бесчисленные налеты вражеских бомбардировщиков и вернем себе превосходство в воздухе. Впрочем, по моим соображениям при всем старании не удалось бы обеспечить пилотов достаточным количеством новых машин в сжатые сроки. Вспомнив, что разработка такого самолета началась еще в 1942 году, я подумал, что, возможно, идея германского реактивного истребителя в истории этой войны уготовано место в главе "Слишком поздно".

МИССИЯ В ВЕНГРИИ

Три дня спустя, после вечернего совещания, фюрер сделал мне знак остаться. Он также задержал фельдмаршала Кейтеля, генерала Йодля, Риббентропа и Гимmlера, который — случай исключительный — тоже в тот день присутствовал. Мы устроились в креслах вокруг небольшого стола, и Адольф Гитлер в нескольких словах изложил последние события на юго-восточном направлении. Фронт, который только сейчас удалось стабилизировать вдоль венгерской границы, надо удержать любой ценой, ибо в этом огромном выступе находился миллион немецких солдат, которые в случае внезапного прорыва неминуемо окажутся в плену. — Так вот, — продолжал фюрер, — мы получили конфиденциальные донесения, что регент-правитель Венгрии адмирал Хорти пытается установить контакты с врагом, желая договориться о сепаратном мире. Успех его замыслов означал бы гибель нашей армии. Хорти хочет найти согласие не только с западными державами, но также и с Россией, которой он предложил полную капитуляцию. Вы, майор Скорцени, подготовите военный захват будапештского замка на горе Бургберг. Начнете эту операцию, как только мы получим сведения, что регент намерен отказаться от своих обязательств, вытекающих из его союзнического договора с

Германией. Похоже, что Генеральный штаб подумывает о высадке парашютистов или, возможно, о приземлении нескольких самолетов на саму эту гору. На время вашей миссии вы поступаете в распоряжение нового командующего нашими войсками в Венгрии генерала Н. Однако приготовления начнете сегодня же, поскольку штаб у Н, еще только формируется. Чтобы помочь вам преодолеть все трудности, какие могут встретиться, я дам вам письменный приказ, который предоставит вам очень широкие полномочия. Генерал Йодль прочитал мне список подразделений, вверяемых под мое начальство: батальон парашютистов Люфтваффе, 600-й батальон парашютистов и батальон мотопехоты, сформированный из курсантов офицерского венского училища Нойштадт. К тому же из Вены будут переведены две эскадрильи транспортных планеров и поставлены под мое командование. — Вы получите также на время операции самолет из эскадрильи, приданной Генеральному штабу фюрера, и будете пользоваться этим транспортным средством для ваших личных передвижений, — заключил Йодль. Еще несколько минут Гитлер беседовал с Риббентропом по поводу донесений, присылаемых немецким посольством в Будапеште. Согласно последним депешам, положение следует считать "очень напряженным"; венгерское правительство явно желает покинуть лагерь стран Оси. Затем фюрер подписал мой мандат и, протягивая мне, добавил:

— Я рассчитываю на вас и на ваших людей. Затем он удалился. Немного позже ушли остальные, оставив меня в одиночестве. Проглядывая наскоро документ, я поразился, что буду располагать практически неограниченными полномочиями. На листе большого формата типа "государственная бумага", где в верхнем левом углу золотым рельефом был выбит орел со свастикой, а наверху готическими буквами написано: "Фюрер и канцлер рейха", я читаю: "Майор запаса Отто Скорцени назначен мною к выполнению личного и конфиденциального приказа высочайшей важности. Прошу все военные и гражданские службы оказывать майору Скорцени всевозможную помощь и подчиняться всем его требованиям". Под этими словами — подпись главного человека в Германии, начертанная неверной рукой. На какой-то миг я подумал, что с таким карт-бланшем я мог бы по своей прихоти поставить весь рейх с ног на голову. Затем решил, что буду пользоваться им как можно меньше. Ведь я уже научен, что следует опасаться слепого подчинения штабных чинов, которым показывают "высочайший приказ". Я предпочитал полагаться на понимание и на сознательную помощь тех, к кому должен буду обратиться. Сейчас уже два часа ночи, но, прежде чем ложиться спать, хочу сделать свои первые распоряжения. К счастью, двумя днями раньше я предусмотрительно телеграфировал приказ о боевой тревоге одной из своей бригад, бывшему мотопехотному батальону j502. Теперь я прошу соединить меня с капитаном фон Фолькерсамом и отдаю ему приказания:

— Алло, Фолькерсам. Мне только что поручили крупномасштабную операцию. Потрудитесь записать: первая рота, усиленная несколькими отборными солдатами, сегодня утром, ровно в восемь, грузится в самолет на аэродроме Гатов. Пусть возьмут тройной запас патронов, и добавьте полное снаряжение для четырех взводов подрывников. Каждому человеку дайте запас съестного на шесть суток. Роту поручите лейтенанту Хунке. Место назначения знает командир эскадрильи транспортных самолетов. Я сам в тот же час вылечу отсюда и примерно в десять прибуду на заводской аэродром Хейнкеля, что неподалеку от Ораниенбурга. Приезжайте за мной. Мы, то есть вы, Остафель, Радль и я, отправляемся в полдень. Вопросов нет? Прекрасно. И до скорого. Несколько часов отдыха, и я уже лечу на борту "Хейнкеля-111". Созерцая пейзаж, думаю о тех последствиях, которые

неминуемо вызовет предательство венгров. Ставка в игре, которую мне, возможно, придется играть, огромна: целая армия — миллион человек, чье положение станет весьма шатким, чтобы не сказать отчаянным, в том случае, если венгерские дивизии в Карпатах прекратят огонь или, что еще хуже, перейдут на сторону врага. И если к тому же мы потеряем и Будапешт, центральный узел наших коммуникаций, то это будет невообразимая катастрофа. О, только бы мне успеть! Внезапно я вспоминаю о тех транспортных планерах, что фюрер предоставил в мое распоряжение. И еще два батальона парашютистов. Как же все-таки эти господа из генерального штаба представляют себе операцию парашютистов против Замка на Горе — не говоря уже о сумасбродной затее приземлить планеры на вершине утеса? Оказывается, я неплохо знаю Будапешт: единственное место, где в крайнем случае можно было бы осуществить подобный замысел, — это огромный плац, называемый, один Бог знает почему, Кровавым полем. Однако если венгры переметнутся на сторону врага, то нас могут совсем запросто смести еще до того, как мы успеем собраться в группу — перекрестным огнем с самой горы, которая там совсем близко, и с зданий, окружающих эспланаду. Возможно, все-таки удастся приземлить несколько ударных отрядов... Ладно, посмотрим все на месте. В условленный час я прибываю в Ораниенбург, где меня ждет Фолькерсам. Он сообщает, что моя первая рота уже отбыла в Вену, место сбора различных частей, вверенных под мое командование. На машине мы заскакиваем в Фриденталь, чтобы забрать личные вещи, а затем, в сопровождении Радля и Остафеля, вылетаем в австрийскую столицу. В нашем багаже мы везем ящик новейшей взрывчатки, недавно поступившей из армейских лабораторий. Это достаточно удобное сиденье, если только все время не думать о встрече с вражеским самолетом, а это вполне реально, учитывая активность союзнической авиации над Германией. Один снаряд по ящику — и все взлетает на воздух! Но, по правде говоря, мы слишком заняты нашими планами, чтобы думать об этом. Единодушно решаем моторизовать все наши части. Так что впереди славные схватки со службой распределения транспорта. Мы знаем, как тяжело сейчас отыскать грузовики. Восточный фронт, а в последние несколько месяцев уже и Западный поглотили их в таком количестве, что даже самая мощная в мире промышленность не смогла бы заполнить эти бреши. Однако в Вене всего за три дня нам удастся уладить все трудности. А я еще и устроил в Нойштадте смотр моему пехотному батальону, насчитывающему тысячу юнкеров — отличная команда отборных молодцов, движимая исключительным боевым духом. Парашютисты Люфтваффе уже прибыли в Вену, равно как и батальон парашютистов СС, доставленных с Восточного фронта. Люди из Люфтваффе находятся в прекрасном состоянии, офицеры рвутся в бой, но вот эсэсовцы выглядят не очень хорошо: в предшествующие недели их жестоко потрепали в боях. Кстати, это тот же самый батальон, что в июне 1944 года участвовал в операции против Тито. Как только мы уладили многочисленные сложности, связанные с моторизацией и оснащением наших частей, я отправляюсь в Будапешт в сопровождении Радля. Пора уже ознакомиться с положением на месте. Запасись документами на имя некоего "доктора Вольфа", облаченный в отличный гражданский костюм, я представляюсь в венгерской столице некому господину Икс, которому меня сердечно рекомендовал наш общий друг. Этот славный человек встречает меня с распростертыми объятиями, с гостеприимством, достойным лучших венгерских традиций. Он даже сам переезжает, оставляя мне в пользование свою квартиру, включая лакея и кухарку! Мне стыдно в этом признаваться, но никогда за всю свою жизнь я не жил так хорошо, как в эти три недели, — и это на пятом году войны! Да мой хозяин еще бы и обиделся, если бы я питался более скромно! Тем временем в Будапешт прибывает и мой

непосредственный начальник генерал Н. Он пытается прежде всего сформировать работоспособный штаб: поскольку у него не хватает офицеров, я одалживаю ему Фолькерсама и Остафеля. Чтобы подготовиться к любой неожиданности, мы выработываем план боевой тревоги для всех немецких войск в Будапеште и вокруг него: этот план должен обеспечить нам в случае заварухи контроль над железными дорогами, вокзалами, телефонными и телеграфными узлами. Наши тайные службы уже сумели установить, что сын регента Никлас фон Хорти только что имел первую встречу, естественно сверхсекретную, с эмиссарами Тито. Венгры явно пытаются через югославских партизан установить контакт с советским Верховным Командованием, чтобы договориться о сепаратном мире. Таким образом, на этот раз данные Генерального штаба фюрера оказываются точны. Во время совещания с начальниками служб разведки мы решаем установить наблюдение за действиями Ники Хорти, заслав в его окружение нашего агента. И вот один хорват, имеющий хорошие связи в правительственных кругах, очень быстро завоевывает доверие как югославов, так и сына Хорти. И мы узнаем, таким образом, что очень скоро уже сам регент примет участие в ночном собрании заговорщиков. Эта новость нам особенно неприятна, ибо в наши планы вовсе не входит, чтобы глава государства был лично замешан в этом деле. Однако заботу о том, чтобы найти здесь какое-то решение, я оставляю на тайные службы и полицию, у меня есть другие заботы. Всякий раз, когда моя машина взбирается по склонам Будберга — я бываю то у нашего военного атташе, то у нашего посла, а то и у главнокомандующего, моя тревога усиливается, ибо я все еще не вижу, каким образом я смог бы, если потребуются, овладеть этим высоким холмом, который представляет собой некую естественную крепость. Хотя приказ фюрера составлен в достаточно общих фразах, я вижу, что предотвратить переход Венгрии к неприятелю можно будет лишь в ходе военной операции против правительственного квартала и Замка. Эта операция начнется автоматически при первом же проявлении враждебности к Германии со стороны мадьярских властей. Итак, я поручаю Фолькерсаму, скрупулезно изучить все планы города, какие он сумеет раздобыть, и дополнить свои теоретические знания многочисленными экскурсиями по улицам интересующего нас квартала. И вот эта работа приносит нам самые разнообразные сюрпризы: оказывается, под Будбергом тянется настоящий лабиринт туннелей, коридоров и колодцев, и это совсем не облегчит нашу задачу, когда придет час перейти к решительным действиям. Поскольку наш план действий по боевой тревоге, уже окончательно доработанный, предусматривает, что я займу Гору силами войск, находящихся под моим непосредственным началом, то приказываю прибыть своим трем батальонам. В начале октября они покидают Вену и размещаются в пригороде Будапешта. В то же самое время Генеральный штаб фюрера посылает нам обергруппенфюрера СС (нечто вроде бригадного генерала), по имени Бах-Зелевски, который должен принять командование всеми немецкими войсками, размещенными в Будапеште. Это энергичный, даже грубый командир, который, впрочем, и сам представляется как "человек с железной хваткой и специалист по тяжелым случаям". Он прибывает из Варшавы, где только что жестоко подавил восстание поляков. Он сразу же заявляет, что готов, если будет нужно, проявить себя таким же безжалостным, как и в польской столице. Именно с таким намерением, добавляет генерал, он и привез мортиру калибра 65 сантиметров. Пока что эта чудовищная пушка использовалась всего два раза: сначала — чтобы пробить исполинские стены цитадели в Севастополе, а затем во время недавних боев в Варшаве. Что же до меня, то я считаю такую жестокость чрезмерной и не скрываю этого. По-моему, мы лучше и быстрее достигнем цели, если применим более элегантные средства. Планируемая операция, окрещенная для маскировки "Базука", окажется успешной даже и без

гигантской мортиры. Но, с другой стороны, на некоторых офицеров, кажется, произвели впечатление грубые и неистовые манеры Бах-Зелевски, — возможно, он их даже немного и запугал. Но, однако, я не позволяю ему заткнуть мне рот криками и ударами кулака по столу и, продолжая защищать свою точку зрения, в конечном счете настаиваю на своем решении. К несчастью, я не один хозяин своих поступков. В отличие от Италии, где я должен был отчитываться только перед генералом Штудентом и имел практически полную независимость в подготовке возложенной на меня операции, теперь мне приходится присутствовать на бесконечных совещаниях и учитывать всевозможные факторы личного порядка. Точка зрения генерала Н, совершенно не совпадает с мнением посла, который в свою очередь совсем не согласен с полицейским генералом Винкельманом. Секретные службы и некоторые венгерские особы, которые принимают участие в наших дискуссиях, тоже добавляют в них разногласия. Как хорошо, что мне не надо согласовывать все эти мнения! Однако я не совсем понимаю, почему мы всегда обсуждаем наши планы в присутствии пятнадцати — двадцати офицеров. В конце концов, весьма возможно, что венгерское правительство прослышит о наших заседаниях и, угадав с большей или меньшей степенью точности, что там затевается, срочно примет какие-то решения. И эти опасения представляются обоснованными, ибо мы узнаем, что генерал М., верховный командующий венгерской армией в Карпатах, уже ведет переговоры напрямую с русскими. Примерно 10 октября 1944 года происходит ночная встреча между Никласом Хорти и югославскими эмиссарами. Немецкая полиция, вовремя предупрежденная, тем не менее не вмешивается. На воскресенье 15 октября назначается новая встреча в огромном здании неподалеку от дунайской набережной. Теперь нужно действовать! Тринадцатого октября Генеральный штаб фюрера посылает в Будапешт генерала Венка, который в случае волнений возьмет командование над всеми нашими силами и будет принимать решения по ходу событий с полным знанием дела. На этот раз полиция безопасности намерена арестовать сына регента вместе с югославами. Замысел полицейской засады, вероятно, продиктован надеждой, что регент, желая избежать обвинений против сына, откажется от мысли о сепаратном мире. Генерал Винкельман, командир полицейских сил, просит меня одолжить ему на утро 15 октября одну из моих рот, ибо он знает, что первая беседа Никласа Хорти проходила под охраной отряда "Гонведа". Поскольку очень вероятно, что и на этот раз венгры предпримут такую же предосторожность, то моя рота получит задание нейтрализовать венгерских солдат. Я обещаю ему свою поддержку, при условии что сам решу, уместно ли будет наше вмешательство и если да, то когда именно. В воскресенье 15 октября 1944 года на прозрачном небе сияет яркое солнце. В десять утра — а это и есть час встречи — улицы еще безлюдны. Моя рота занимает позиции в одной особенно тихой аллее, где нет риска, что она привлечет внимание. Связь между мной и моими людьми должен поддерживать капитан фон Фолькерсам, ибо, разумеется, в этот день я не могу себе позволить появиться в военной форме. Если я желаю присутствовать при готовящихся событиях, чтобы остаться незамеченным, мне, конечно, надо облачиться в штатское. Мой шофер и один из моих унтер-офицеров, в форме Люфтваффе, блаженствуют на скамейке в сквере, который занимает почти всю площадь. Что касается меня, то я прибываю на машине через несколько минут после начала переговоров между сыном Хорти и югославами. Выезжая на площадь, я вижу перед означенным зданием грузовик "Гонведа" и гражданскую машину, вероятно личное авто младшего Хорти. Не колеблясь я ставлю свою машину прямо нос к носу с венгерскими, чтобы помешать им резко набрать ход. Еще накануне несколько немецких полицейских заняли комнаты в пансионе, расположенном над

коммерческой конторой, где в настоящий момент проходят переговоры. С другой стороны, двое их коллег должны примерно в 10.15 проникнуть в здание и провести аресты. В покрытом же брезентом грузовике "Гонведа" прячутся три венгерских офицера, тогда как два других прогуливаются по скверу. Итак, все актеры драмы на месте — начинаем первый акт! Я только что вышел из машины и делаю вид, что ищу причину поломки в моторе, и тут появляются двое немецких полицейских. Но едва первый ступает на порог здания, как второго прошивает автоматная очередь, выпущенная с грузовика "Гонведа". Тяжело раненный в живот, он оседает на землю рядом со мной. Два венгерских офицера, мерившие шагами сквер, прибегают с револьверами в руках и начинают стрелять. Я только и успеваю укрыться за своей машиной: мгновение спустя вторая очередь превращает в решето открытую дверцу моего славного "мерседеса". Теперь пляска начинается взаправду. Мой шофер и унтер-офицер с первых же выстрелов бросились мне на помощь; шофер получает пулю в бедро, но остается на ногах. Свистком я подаю приказ своей роте принять бой, а затем втроем мы пытаемся как только можем ответить из наших револьверов на плотный огонь венгерских автоматов. В нашем положении нет ничего забавного; моя машина, позади которой мы пристроились на корточках, все более и более походит на ситечко, повсюду вокруг нас пули отскакивают от булыжной мостовой и свистят над нашими ушами с жалобным мяуканьем. Время от времени мы высовываем головы, только на долю секунды, чтобы прицелиться хотя бы примерно и удерживать нападающих на расстоянии если, конечно, так можно выразиться, ибо они от нас не дальше десяти пятнадцати метров. К счастью, эта неравная битва длится всего две или три минуты. Затем я слышу позади себя поспешные шаги солдат моей роты. Первый взвод уже появляется на площади и сразу же занимает позицию на углу улицы. Другие быстро занимают сквер и берут под огонь соседние здания. После первого же обмена пулями нападавшие на меня венгры укрываются под аркой соседнего дома, где, вероятно, находятся несколько их отрядов, оставленных там в резерве. Как только перестрелка прекращается, мы затаскиваем обоих наших раненых в здание, где на втором этаже проходят или уже, скорее, проходили переговоры между сыном Хорти и югославами. Еще перебегая к этому укрытию, мы осознаем, что наши противники готовятся к решительному прорыву. Быстро спохватываемся: ловко брошенная граната вырывает оба огромных створа ворот вместе с несколькими мраморными плитами и укладывает это все вперемешку, кучей поперек арки, закрывая выход. Этот взрыв кладет конец собственно военной части операции, которая, впрочем, длилась не больше пяти минут. Теперь со второго этажа "нашего" здания спускаются немецкие полицейские, ведя с собой четверых пленных. Мы приказываем погрузить обоих венгров — Никласа Хорти и его друга Борнемицу в военный грузовик. Чтобы не привлекать внимание прохожих, полицейские придумали перевозить этих двоих как тюки, завернув их в огромные ковры. Судя по тому, что я вижу, эта хитрость не слишком удалась. Оба заговорщика яростно отбиваются, и полицейские вынуждены их связать и, не слишком церемонясь, взваливают на грузовик, который сразу же трогается. Я приказываю своей роте удалиться; мне хочется избежать каких-либо новых инцидентов, которые вполне могут произойти, если венгры, оправившись от неожиданности, перегруппируются и нападут на нас. Какое-то недоброе предчувствие заставляет меня последовать за грузовиком в другой машине, которую мне только что прислал Фолькерсам. Метрах, может быть, в ста от площади я вижу, как подходят, почти бегом, три пехотные роты "Гонведа". Если эти солдаты придут на площадь, то они столкнутся там с моей ротой и получится еще одна перестрелка — для нас это весьма нежелательно. Что делать? Как выиграть несколько минут, чтобы дать моим людям время отойти? Только

какой-то смелый шаг может нас спасти. Я даю шоферу приказание остановиться, выскакиваю из машины и бросаюсь навстречу офицеру, который, судя по его месту во главе первой роты, должен командовать этими солдатами. — Остановите ваших людей. Там, наверху неопишная сумятица! Никто не знает, что происходит. На вашем месте я сначала сходил бы посмотреть сам. Блеф удастся. К счастью, офицер немного говорит по-немецки. Он дает команду "Стой!" и, явно озадаченный, смотрит на меня. Возможно, он ничего не понимает, но меня это мало волнует. Все, что меня заботит, — это маленькая отсрочка. Теперь мои люди, должно быть, уже погрузились в свои грузовики. Через минуту они уедут. Я бросаю все еще колеблющемуся офицеру короткое "Я спешу!" и затем снова сажусь в свою машину, которая трогается и мчится со всей скоростью к аэродрому. Когда я туда прибываю, оба наших пленника уже в самолете; чуть позже он взлетает по направлению к Вене. Тогда я направляюсь в штаб корпуса, располагающийся в отеле, вознесенном на вершину одного из многочисленных холмов Будапешта. Генерал Венк немедленно меня принимает, и мы вместе с нетерпением, перемешанным с любопытством, ждем продолжения событий. Мы знаем, что в Замке на Горе венгры уже несколько дней назад приняли некоторые меры предосторожности. Гарнизон усилили, а главные подступы по дорогам, кажется, заминировали. К полудню мы получаем телефонный звонок из посольства, малый дворец которого также расположен на Горе. Наш военный атташе сообщает, что весь холм переведен на осадное положение, и совершенно официальным образом, а движение по всем подъездным путям перекрыто. Несколькими минутами ранее атташе попытался выехать с Горы на машине, но повсюду наткнулся на венгерские посты, которые заставляли его поворачивать обратно. Немного позже телефонная связь прерывается — это мы так полагаем, потому что больше не получаем звонков. Таким образом, немецкие службы, которые все еще находятся на Горе, оказываются практически отрезанными. Это представляет собой — и сомневаться тут не приходится — первый "недружественный акт", как элегантно выражаются на дипломатическом языке. Мы задаемся вопросом, последуют ли затем более серьезные события. По всей видимости, нынешнее положение не может продолжаться до бесконечности: через два-три часа будет принято окончательное решение — того или иного содержания. Пока же мы можем только ждать, а инициатива все еще принадлежит противнику. Примерно в 14 часов сомнения окончательно рассеиваются специальным объявлением по венгерскому радио, где передается послание регента Хорти: "Венгрия только что заключила сепаратный мир с Россией!" Теперь жребий брошен. Положение более чем ясное: мы немедленно должны принять запланированные контрмеры. Генерал приказывает немедленно объявить тревогу в городе Будапеште. В то же время он просит меня начать операцию против Горы. Я же считаю, что час еще не пробил, и советую ему подождать несколько дней. Чтобы "усмирить" венгров, я предлагаю установить кольцо немецких частей по всей внешней окружности Горы. Эта задача поручается 22-й дивизии СС. Захват вокзалов и важнейших общественных зданий происходит пополудни согласно нашим планам и без единого инцидента. С другой стороны, мы направляем немецкого генерала к венгерскому верховному командованию на Карпатском фронте; он должен, если положение к тому вынудит, арестовать генерала, командующего этой армией. Но наш эмиссар прибывает слишком поздно. Венгерский генерал в сопровождении нескольких офицеров и секретарей уже перешел к русским. К нашему удивлению, ни это бегство, ни объявление сепаратного мира не повлияли особенно на поведение его войск. Почти везде части удерживают свои позиции. Огромное большинство офицеров отказались последовать примеру своего командующего. Оставаясь со своими людьми, они

продолжают борьбу. Тем не менее, мы никоим образом не должны допустить, чтобы министерство "Гонведа", расположенное совсем рядом с Замок, издало новый приказ о капитуляции. Тут нужно быстро нанести удар. На совещании, состоявшемся к вечеру, мы решаем напасть на Гору следующим утром. Я назначаю час "Ч" на шесть часов, то есть практически на рассвете, поскольку это время мне кажется особенно благоприятным, чтобы достичь полной внезапности, а это необходимый фактор, если я хочу избежать настоящего сражения. Весь вечер вместе с Фолькерсамом я изучаю карту Горы, составленную нами собственноручно. Постепенно наш план обретает четкие очертания. Мы предполагаем нанести концентрический удар одновременно несколькими отрядами. В тот миг, когда они поднимутся на штурм, я сам постараюсь прорваться по центру, вдоль Венского шоссе. Там в особенности я полагаюсь на эффект внезапности, поскольку надеюсь завладеть Венскими воротами без единого выстрела, настолько безмолвно, насколько это окажется возможным, и появиться затем со своими людьми на большой площади перед Замок. После этого нужно будет немедленно добиться окончательного результата. Если нам удастся сразу же проникнуть в Замок, вероятный центр сопротивления, то операция затянется, видимо, не больше чем на несколько минут, и это позволит избежать ненужного кровопролития как с венгерской стороны, так и с нашей. Мы ставим тогда перед каждой из наших частей конкретную задачу. Нас, кстати, усилили ротой танков "Пантера" и другой ротой танков — "Голиаф". Последние, только недавно созданные, — гусеничные бронированные машины, управляемые на расстоянии, очень низкие и очень послушные. В передней части они заключают большой заряд взрывчатки; в общем, танки-карлики, откуда и происходит их название. Возможно, мы сможем с их помощью прорвать баррикаду или взорвать какие-нибудь ворота, мешающие нашему продвижению. Батальон курсантов военного училища пойдет в атаку по садам, которые покрывают южный склон Горы. Задача сложная, поскольку мы знаем, что на этом крутом склоне венгры устроили несколько пулеметных огневых точек. Задача этого батальона состоит в подавлении противника и захвате Замка. Один из отрядов моего особого батальона, поддерживаемый танком, нанесет удар вдоль по западной подъездной рампе, чтобы захватить один из боковых въездов в Замок. Один из отрядов 600-го батальона парашютистов СС пройдет по туннелю, выкопанному под подъемным мостом, и просочится в здания, в которых находятся военное министерство и министерство внутренних дел. Остальные люди из моей особой части, основная часть батальона парашютистов СС, четыре танка, а также "Голиафы" останутся под моим началом для атаки на Венские ворота и замок. Что же касается парашютистов из Люфтваффе, то я их оставляю в резерве на случай непредвиденных осложнений. Около полуночи, когда мы уже разобрали детально каждую из этих задач, мои солдаты занимают позиции в условленных местах позади кольца, образованного людьми из 22-й дивизии СС. Немного позднее в штаб корпуса прибывает старший офицер венгерского военного министерства. Он прибыл неизвестным нам путем непосредственно из Замка, чтобы от имени министра вступить с нами в переговоры. Мы ему просто заявляем, что не видим никакого резона начинать переговоры, пока регент не аннулирует свой сепаратный мир с Россией. С другой стороны, мы настаиваем на том, что изоляция, чтобы не сказать — заточение членов нашего посольства на Горе, представляет собой акт безусловно "недружественный". По моему совету мы назначаем венгерскому парламентарю срок, чтобы нормализовать обстановку. Согласно условиям этого настоящего ультиматума самое позднее в шесть часов утра все мины и баррикады, преграждающие движение по Венскому шоссе, а именно там находится наше посольство, должны быть убраны. Таким образом я одновременно

смогу довести свою внезапную атаку до самого Замка с наименьшими потерями. Поведение нашего визитера, похоже, указывает, что он, как и многие его товарищи по министерству, весьма смущен этим неожиданным поворотом на сто восемьдесят градусов против Германии. Наша беседа длится два часа в сердечной, почти дружеской атмосфере, а затем офицер прощается. Около трех утра я заступаю на свою боевую позицию у подножия Горы, неподалеку от плаца. Собрав своих офицеров, я разворачиваю карты и при слабом свете наших карманных фонариков излагаю и уточняю последние подробности, потягивая при этом горячий кофе, приготовленный моим ординарцем. Мой план операции проработан до конца. Я попробую спокойно подняться со своими людьми до самого Замка, как если бы эта "прогулка" была самой естественной вещью на свете. Нужно будет, чтобы солдаты оставались на своих грузовиках, чтобы все выглядело как будто мы просто случайно проезжаем по этим улицам. Я знаю, что, действуя так, иду на большой риск, ибо в случае нападения на грузовики мои люди окажутся практически беззащитными. Но я должен на это пойти, раз хочу добраться до Замка быстро и не вступая в сражение. Я сообщаю этот план командирам различных колонн, а затем настойчиво рекомендую им давать приказ открывать огонь только в самом крайнем случае. Им даже придется не отвечать на возможные нападения отдельных групп, а пытаться любой ценой проникнуть вместе с машинами на свои боевые позиции без единого выстрела. "Венгры не являются нашими врагами!" — такой у нас лозунг, по крайней мере на данный момент. Затем я устанавливаю порядок следования своей собственной колонны. Во главе ее пойдет грузовичок, на котором поеду я сам. Сразу за ним займут позицию четыре танка, затем группа "Голиафов", а затем остальные мои люди, сгруппированные повзводно и уже погрузившиеся на машины. Все личное оружие на предохранителе. Большинство моих солдат, старые вояки, для которых это не первая операция, пользуются этими последними минутами перед выходом на дело, чтобы еще немного соснуть. Как только колонна пройдет Венские ворота и выйдет на плато Горы, она разделится на две, которые на всей скорости помчатся по двум большим аллеям к площади Замка. Пять тридцать... Пять сорок... В первом грузовике сидят пятеро моих старых боевых товарищей — унтер-офицеры, которые уже участвовали в операции на Гран-Сассо. У каждого из них к поясу прицеплен пистолет-пулемет и несколько ручных гранат, а в руке — новое противотанковое оружие, базука. Нам всем любопытно, как поведет себя венгерская бронетехника, сосредоточенная на Горе. Если потребуется, мы заставим их замолчать, либо снарядами наших танков, либо базаками. И снова я смотрю на часы-браслет: пять пятьдесят девять. Правой рукой делаю круговой жест: запускайте моторы. Затем, стоя на своем грузовичке, я резко поднимаю руку и повторяю это несколько раз: вперед! Медленно, ибо склон крутой, мы трогаемся с места. Только бы никакая из машин не напоролась на мину: взорвавшись, она перегородит улицу и в последний момент погубит мой прекрасный замысел. Инстинктивным жестом я склоняюсь назад и тревожно вслушиваюсь: все идет хорошо, никакой взрыв не прерывает ровного гудения моторов. Вот уже и Венские ворота. Есть проход в середине баррикады, охраняемой несколькими венгерскими солдатами, которые с явным любопытством смотрят, как мы проезжаем. Минуту спустя мы выезжаем на плато. Тихим голосом я приказываю нашему водителю постепенно ускорять движение. Справа от нас высится казарма "Гонведа". Перед воротами установлены два пулемета, защищенные нагромождением мешков с песком. — Удар с фланга оказался бы весьма неприятен, — шепчет мне в ухо Фолькерсам. К счастью, ничто не шелохнется ни в казарме, ни перед ней — слышен только грохот наших танков. Я направляюсь по правой аллее, на которой находится посольство Германии. Теперь

мы едем уже на приличной скорости: позади меня с громоподобным гулом катится первый танк, разогнавшийся километров до сорока в час. До Замка остается едва ли километр. Первая часть операции удалась великолепно: мы достигли вершины Горы без единого выстрела. Слева у нас уже возникает массивное строение военного министерства. Вдали раздается глухой взрыв; второй..., третий... Вероятно, это мои люди, которые вступили в туннель и пробивают себе вход в подземный лабиринт. Решающий миг близок. Мы уже проехали министерство, и перед нами простирается площадь Замка. Там заняли позицию три танка. Когда мы проезжаем мимо первого, он поднимает пушку вверх, показывая, что не собирается стрелять. Перед воротами Замка венгры соорудили из строительного камня баррикаду высотой несколько метров. Мой грузовичок отъезжает в сторону, и знаком руки я даю танку, который за нами следует, приказание навалиться всем своим весом на это препятствие. Пока стальной колосс разгоняется, мы соскакиваем на землю. Баррикада не выдерживает страшного удара в тридцать тонн — она рушится, танк проходит по ее развалинам, выбивает ворота и выставляет свою пушку во двор Замка, оказываясь лицом к лицу с шестью противотанковыми орудиями. Бегом, по правую и по левую стороны от нашей "Пантеры", мы проскакиваем в несколько прыжков по разваленным глыбам и проникаем под арку. Какой-то полковник из охраны Замка пытается с револьвером в руке преградить нам путь, но ударом плеча Фолькерсам его отталкивает. Мы видим, что справа открывается главный вход в здание, и вскакиваем на первые ступеньки. Какому-то офицеру, который устремляется на нас, я кричу:

— Немедленно ведите нас к коменданту Замка! Славный парень послушно увлекает меня по широкой парадной лестнице. На втором этаже мы идем по коридору. Жестом я приказываю одному из своих людей остаться на лестничной площадке, чтобы нас прикрыть. Венгерский офицер показывает на дверь, ведущую в небольшую приемную. На столе, поставленном перед открытым окном, за пулеметом залег солдат, и он как раз открывает огонь по моим людям, оставшимся снаружи. Унтер-офицер Хольцер, коренастый крепыш, хватает пулемет обеими руками и выкидывает его на мостовую. Венгр настолько ошеломлен, что падает со стола и катится по полу. Заметив справа еще одну дверь, я коротко стучу и вхожу. Навстречу мне идет бригадный генерал "Гонведа". Он не успевает вымолвить и слова. — Полагаю, вы — комендант Замка? Требую у вас немедленной капитуляции! Вы один будете ответственны за кровь, которая может напрасно пролиться, если вы откажетесь сдаться. Пожалуйста, потрудитесь принять решение сейчас же. А я весьма спешу покончить с этим делом, потому что с площади до моего уха доносятся ружейные выстрелы и несколько пулеметных очередей. И я настаиваю, стараясь говорить убедительным тоном:

— Вы сами видите, что всякое сопротивление будет безумием. Мои солдаты уже заняли весь Замок. И это совсем не легковесное утверждение, должное всего лишь произвести впечатление на генерала. Я уверен, что моя "особая часть" под командованием лейтенанта Хунке, хладнокровие которого мне отлично известно, уже добралась до Замка и захватила стратегические точки этого огромного здания. И в самом деле, венгр еще не успел опомниться, как Хунке уже входит в комнату: он сообщает мне, что большой двор и главные входы были заняты без боя, и спрашивает моих приказаний. Теперь уже венгерский генерал пришел к решению, и, должно быть, принял его не с легким сердцем. — Сдаюсь! — заявляет он печально. — Я немедленно прикажу своим войскам прекратить огонь. Мыжимаем друг другу руки, а затем уговариваемся, что солдатам, которые еще сражаются в саду, сообщим эту новость через венгерского офицера,

сопровождаемого офицером из моей колонны. Пока генерал отдает свои распоряжения, я выхожу в коридор, чтобы провести небольшую инспекцию. По моему требованию меня сопровождают два венгра, которые служат мне офицерами связи. К моему удивлению, покои регента пусты. Я узнаю, что он покинул Замок за несколько минут до шести утра и перешел под покровительство генерала СС Пфеффер-Вильденбруха. А его семья еще накануне обрела прибежище у папского нунция. Во всяком случае, присутствие в Замке адмирала Хорти ничего бы не изменило: наши планы имеют своей целью не его особу, а резиденцию венгерского правительства. Когда я высовываю голову в окно главного фасада, то над ухом у меня свистят несколько пуль. Я поспешно отскакиваю. Немного позже лейтенант Хунке сообщает мне, что не было возможности донести приказ о прекращении огня до некоторых венгерских позиций в садах Замка на дунайском склоне. Но двух выстрелов из базуки, произведенных с верхних этажей Замка, оказывается достаточно, чтобы объяснить солдатам, занимающим эти позиции, что лучше было бы сдаться. В общем, операция длилась примерно полчаса. Теперь на Горе снова царит покой. Обитатели окрестных кварталов могут продолжать мирный сон. По телефону я объявляю о нашем успехе в штаб корпуса и буквально слышу вздох облегчения, издаваемый офицером на другом конце провода. Вероятно, эти господа лишь частично верили в успех моего замысла блиц-операции, основанной на факторе внезапности. Немного позднее я принимаю донесения от групп, которые завладели министерствами "Гонведа" — там было короткое столкновение — и внутренних дел, которое сдалось сразу же. Наши потери минимальны: всего четверо убитых и двенадцать раненых. Единственный по-настоящему серьезный бой завязался позади Замка, в садах. Венгры же потеряли троих убитыми и пятнадцать ранеными. Все солдаты "Гонведа", дислоцированные на Горе, должны сдать оружие, и мы сваливаем его в кучу на большом дворе. Однако я разрешаю офицерам сохранить свое. Затем я прошу их собраться в одном из залов первого этажа, где произношу небольшую импровизированную речь примерно такого содержания:

— Хочу вам напомнить, что уже много веков ни один конфликт не омрачал доброго согласия между Венгрией и Германией, — наши народы всегда сражались плечом к плечу против общих врагов. И даже теперь у нас нет никакой причины ссориться. Ставка в нынешней войне — это создание Новой Европы. А она не сможет быть построена, если не уберечь Германию от той катастрофы, что несут ей ее враги. Вероятно, моим австрийским акцентом подчеркнут примирительный и дружеский смысл моих слов, ибо никто из венгерских офицеров не отказывается пожать мне руку. Сразу пополудни они уходят со своими людьми в будапештские казармы. На следующее утро они все явятся в военное министерство, чтобы дать клятву верности новому правительству. Согласно полученным приказаниям я размещаюсь со своими людьми в Замке и держу на важнейших точках Горы сторожевые отряды. Честно говоря, никогда бы не поверил, что однажды удостоюсь чести быть комендантом резиденции королей Венгрии. От этого на лице у старого лакея регента написана такая похоронная печаль, что Фолькерсам не может удержаться от искушения и заказывает обильный обед. А дело в том, что сейчас у всех у нас прорезался волчий аппетит. С явной неохотой этот славный служака, состарившийся уже "при исполнении", приносит наконец весьма приличную еду, хотя, наверное, и не такую роскошную, как те яства, что подавались когда-то в этом замке, скажем, в эпоху прекрасной императрицы Елизаветы, главы австро-венгерской монархии. Вечером все мои офицеры собираются на ужин в большой столовой. Нас всех переполняет радость и энтузиазм, тем более что последние новости с фронта определенно обнадеживают. И поэтому мы можем весело

отпраздновать наш успех: благодаря нам в последний момент удалось отвести от нашей армии в Венгрии настоящую катастрофу. На следующее утро мне объявляют, что пришел новый венгерский военный министр его превосходительства Берегффи, желающий выразить благодарность от имени нового венгерского правительства. Я отвечаю ему, что счастлив, сумев достигнуть своей цели после такой краткой борьбы и в особенности предотвратив какой-либо урон чудесным зданиям Дворца. Я с ужасом думаю, какие непоправимые разрушения произвела бы 65-сантиметровая мортира, если бы волю дали этому зверю Бах-Зелевски. Мы также уславливаемся, что похороны для погибших венгров и немцев будут общими. Их со всеми официальными почестями устроит венгерское правительство; и таким образом, вероятно, будут стерты последние следы возможной обиды на нас. Вечером приказ Генерального штаба фюрера предписывает мне проводить регента Венгрии в Верхнюю Баварию, в замок Хиршберг. Адмирал Хорти считается гостем фюрера, который предоставляет в его распоряжение специальный поезд. Разумеется, на всем пути я буду ответственным за безопасность регента. Вот и кончается, значит, моя жизнь хозяина замка. На следующий день генерал Пфедфер-Вильденбрук очень официально представляет меня адмиралу Хорти. После нескольких минут светского разговора мы отправляемся на машине на вокзал. Улицы пустынные, редкие прохожие совсем не обращают на нас внимания. Перед вокзалом все-таки собралось немного людей, но мало кто из них поднимает руку в жесте прощания. Грустный отъезд для этого старика, который столько лет вершил судьбы Венгрии!

НАСТУПЛЕНИЕ В АРДЕННАХ

Примерно 20 октября 1944 года я возвратился в Генеральный штаб фюрера, который теперь находится очень близко к фронту, ибо русские продвинулись глубоко в Восточную Пруссию. На этот раз Адольф Гитлер принимал меня наедине. Он был, как всегда, приветлив; у меня даже складывалось впечатление, что он более свеж, чем в нашу последнюю встречу. Объявив мне, что он наградил меня Золотым крестом, фюрер попросил подробно рассказать ему об аресте младшего Хорти и о налете на Гору. Когда по окончании моего рассказа он поднялся, встал и я, считая аудиенцию оконченной; но он меня удержал:

— Оставайтесь, Скорцени. Я поручаю вам новую миссию — самую важную, возможно, в вашей жизни. Пока что лишь очень немногие знают, что мы в величайшей тайне подготавливаем операцию, в которой вам предстоит сыграть одну из первых ролей. В декабре немецкая армия начнет крупное наступление, исход которого станет решающим для судьбы нашей родины. И фюрер принялся пространно излагать мне стратегический замысел этой последней крупной операции на западе, которую потом историки назовут наступлением в Арденнах. В течение последних месяцев немецкое командование вынуждено было довольствоваться тем, что сдерживало вражеские армии и отбивало их натиск. Поражения следовали одно за другим, приходилось беспрестанно отходить как на западе, так и на востоке. Да и союзническая пропаганда считала Германию уже трупом, погребение которого стало просто вопросом времени; слушая речи по англо-американскому радио, казалось, что союзники могли по своей воле выбрать день похорон. — Они не видят, что Германия бьется за Европу, что она жертвует собой ради Европы, чтобы закрыть Азии путь на Запад, — горько восклицал

Гитлер. По его мнению, ни английский народ, ни американский уже больше не хотят этой войны. И, следовательно, если "немецкий труп" восстанет и нанесет на западе мощный удар, то союзники, под давлением общественного мнения в своих странах, разъяренного от того, что его вводили в заблуждение, возможно, окажутся готовы заключить перемирие с этим "мертвецом", который чувствует себя довольно сносно. И тогда мы сможем бросить все наши дивизии, все наши армии на восток и за несколько месяцев покончить с этой жуткой угрозой, которая нависла над Европой. Ведь Германия уже почти тысячу лет охраняла ее от азиатских орд и теперь снова исполнит эту священную миссию. Значит, уже несколько недель в Генеральном штабе готовили крупное наступление. Нужно было перехватить инициативу, которая пока всецело принадлежала союзникам. Еще во время перехода англо-американских войск с нормандских пляжей к границам рейха Адольф Гитлер думал о мощном контрнаступлении. Но критическое положение всех наших армий тогда не позволяло осуществить этот замысел. И вот уже три недели союзники больше не наступали. С одной стороны, их коммуникации невероятно вытянулись, а с другой — за четыре месяца непрерывных боев износилась техника их моторизованных армий. Благодаря этим двум причинам наш Западный фронт, бывший одно время близким к краху, вновь обрел устойчивость. По словам фюрера, союзники сумели осуществить высадку и выиграть битвы за Францию и Бельгию в основном благодаря своему превосходству в воздухе. Но можно надеяться, что плохая погода, ожидающаяся в конце года, помешает действиям англо-американской авиации. К тому же Люфтваффе может выставить две тысячи новых реактивных истребителей, которые удерживались в резерве для этого наступления. К тому же блиц-наступление помешало бы формированию сильной французской армии. На данный момент союзники располагают примерно 70 соединениями, а это явно недостаточно для фронта длиной 700 километров. Следовательно, сильная концентрация немецких войск должна позволить осуществить прорыв в слабо защищенном месте еще до того, как союзники сумеют укрепить свой фронт новыми французскими дивизиями. — Выбор такого места, — продолжал фюрер, — мы обсуждали многие недели. Один за другим изучили пять различных планов: наступление "Голландия", начинающееся из района Венло в направлении на запад к Антверпену; наступление с севера Люксембурга в направлении сначала на северо-запад, а затем на север, поддержанное вторым ударом из района к северу от Экс-ля-Шапель; операцию двумя колоннами, одна из которых выходила бы из центра Люксембурга, а другая из Меца, и они бы встречались в Лонгби; еще одна, также двумя колоннами, выходящими соответственно из Меца и Баккары, чтобы соединиться в Нанси, и, наконец, операция "Эльзао" двумя ударами один из Эпиналя, а другой из Монбельяра с соединением в районе Везула. — Подолгу взвешивая все "за" и "против" каждого плана, мы отказались от трех последних. Операция "Голландия" представляется интересной, но она содержит в себе большой риск. Наконец мы решили выработать план наступления, начинающегося на севере Люксембурга и поддержанного вторым ударом из Экс-ля-Шапель. Это, кстати, тот же самый район, где нам удалось совершить прорыв во время первой французской кампании в 1940 году. — А вам с частями, находящимися под вашим началом, мы ставим в рамках этого наступления одну из самых важных задач. В качестве передового отряда вы должны будете захватить один или несколько мостов на Мезе, между Льежем и Намюром. Эту миссию осуществите с помощью хитрости: ваши люди будут одеты в американскую и английскую форму. Во время нескольких диверсионных рейдов противник сумел с помощью этого приема нанести нам значительный урон. Например, несколько дней назад, во время взятия

Экс-ля-Шапель в наши порядки смог просочиться американский отряд, облаченный в немецкую форму. К тому же небольшие группы, переодетые таким образом, смогут подавать во вражеском тылу ложные приказы, создавать помехи для связи и вообще сеять смятение в союзнических рядах. Приготовления должны быть завершены к первому декабря. Подробности обсудите с генералом Йодлем. — Знаю, что этот срок ужасно мал, но я рассчитываю, что вы совершите невозможное. Разумеется, когда ваши солдаты пойдут в бой, вы и сами будете на фронте. И однако, я запрещаю вам идти во вражеские порядки: мы не можем позволить себе вас потерять. Несколько часов спустя меня принимал генерал Йодль и с помощью карты объяснял мне некоторые подробности операции. Наступление должно начаться из района между Экс-ля-Шапель и Люксембургом в направлении Антверпена и таким образом отрезать 2-ю британскую армию и американские части, ведущие бои в районе Экса. В то же время. Верховное Командование предусматривает создать одну линию прикрытия к югу (Люксембург — Намюр — Лувэн) и другую к северу (Юпен-Льеж — Лонжерен — Хасселт и до канала Альберта). При наилучших условиях примерно за семь дней войска выйдут к Антверпену. Окончательная цель операции — уничтожение вражеских войск к северу от линии Антверпен — Брюссель, а также в районе Бастони. Совокупность частей, участвующих в наступлении, получает наименование группы армий "В" и вверяется под начало генерала Моделя. Эта группа армий включает 6-ю бронетанковую армию (генерал СС Дитрих), 5-ю бронетанковую армию (генерал фон Мантейфель) и 7-ю армию, расположенные в таком порядке с севера на юг. После короткой, но яростной артподготовки (тут же на ум пришли шесть тысяч пушек, о которых говорил мне фюрер) армии должны будут совершить прорыв в нескольких местах, выбранных из тактических соображений. — А вы, Скорцени, войдете в бой в районе, прикрываемом шестой бронетанковой армией. Вот разработка, которая вас особенно заинтересует: она показывает, какое положение создается — по крайней мере я на это надеюсь через двадцать четыре часа после начала наступления. На карте, которую Йодль разложил перед нами, мы увидели, что Верховное Командование рассчитывало к тому времени атаковать на линии Юпен — Вербье — Льеж, а в центре надеялось уже к тому времени создать два плацдарма на другом берегу Мезы. В то же время оно предусматривало, что против северного фланга нашего выступа поведут яростные атаки союзнические резервы. Прежде чем меня отпустить, генерал Йодль попросил в кратчайший срок представить ему список личного состава и техники, которые мне понадобятся. Он также сообщил мне, что Генеральный штаб направит во все части приказ предоставить в мое распоряжение офицеров и солдат, говорящих по-английски. Этот приказ потом явился великолепнейшим образцом промашки в отношении секретности предстоящих действий — промашки, допущенной высшими чинами немецкой армии. Несколько дней спустя я получил копию этого приказа. Когда я его прочитал, то чуть не упал в обморок. Подписанный одной из самых больших шишек генштаба, снабженный грифом "Секретно", этот шедевр заключал в себе примерно такие пассажи: "Всем частям вермахта: определить до..., октября 1944 года всех офицеров и солдат, говорящих по-английски, добровольно готовых к выполнению особого задания... Направить в Фриденталь, под Берлином, для включения в диверсионный отряд подполковника Скорцени". Я испытал настоящий приступ ярости. Безусловно, союзнические секретные службы пронюхают об этом деле. Кстати, после войны я узнал, что меньше чем через неделю этот текст был уже в руках у американцев. Я так и не понял, почему они не сделали из него выводы и не приняли тогда мер предосторожности. По моему мнению, операция таким образом оказалась обречена еще до ее рождения. Я

немедленно направил в Генеральный штаб решительный протест и в парламентских выражениях предложил отменить мое задание. Разумеется, мой рапорт двигался по команде, от одного чина к другому. И вот мне ответил генерал СС Фегеляйн, породненный, кстати, с Гитлером: дело, конечно, невероятное и необъяснимое, но это только еще одна причина, чтобы не докладывать о нем фюреру. Следовательно, отменить невозможно. Примерно в те же дни у меня произошел интересный разговор с полковником штаба генерала Винтера. Этот офицер объяснил мне юридическую сторону дела. По его словам, маленькие диверсионные отряды рискуют тем, что в случае поимки с ними будут обращаться как со шпионами и судить соответственно. Что же до основной части моих войск, то человеку, одетому во вражескую форму, международное право запрещает только применять свое оружие. Он мне дал такой совет: пусть мои солдаты под вражескую форму наденут свою, немецкую; когда придет момент переходить собственно к нападению, они снимут английскую и американскую формы. Разумеется, я последовал его рекомендации.

Теперь мы могли вплотную заняться подготовкой нашей миссии. Согласно полученным указаниям мои части составят 150-ю бронетанковую бригаду. Основой нашего плана, естественно, станет почасовой график, выработанный Верховным Командованием для главного наступления. Согласно ему, наши войска прорвут фронт уже в первые сутки. На вторые они достигнут Мезы и должны будут ее форсировать. Мы имеем, таким образом, право полагать, что к исходу первых суток остатки союзнических сил окажутся совершенно разбитыми. Установив это, мы приходим к мнению: чтобы хоть как-нибудь подготовиться, нам придется прибегнуть к импровизации. Поскольку наступление назначено на начало декабря, нам остается всего месяц и несколько дней — срок явно недостаточный, чтобы сформировать и подготовить новую воинскую часть, в особенности для особого задания. Это почти невозможно, и мы прекрасно отдаем себе в этом отчет. Но раз я уже привлек внимание фюрера к этому факту, то совесть моя чиста. Чтобы учесть все непредвиденные обстоятельства, мы назначаем себе три главные цели: мосты, пересекающие Мезу и Анжисе, Амэ и Юи. Следовательно, зону действия 6-й армии мы как бы разрезаем на три полосы, которые будут сужаться, и каждая сойдется в точку на одном из этих мостов. По этому плану мы формируем три отряда, которым даем поэтические имена X, Y и Z. Вообще говоря, считается, что мы — бронетанковая бригада, но на самом деле это напыщенное название просто блеф. Мы это скоро узнаем. Едва мы направили в техническую службу нашу первую заявку на оснащение, как нам ответили, что трофейные танки из расчета на целый полк нам выделить вряд ли смогут. Возможно, их хватит на батальон, но это еще надо посмотреть... Неважное начало! И тем не менее наши запросы настолько скромны, насколько это возможно. Чтобы сэкономить на личном составе, мы отказались от вспомогательных служб, так что, согласно моим предложениям, наша бригада будет состоять из следующих подразделений: 2 бронетанковые роты, каждая по 10 танков; 3 разведроты, каждая из которых будет располагать десятью бронеавтомобилями; 3 батальона моторизованной пехоты; 1 рота легкой ПВО; 2 роты "истребителей танков"; 1 отделение гранатометчиков; 1 рота связи; 1 штаб, для бригады очень скромный; 3 батальонных штаба, также в сокращенном составе;

1 рота управления. Всего — около 3300 человек. Но есть еще бесконечные списки, включающие вооружение, боеприпасы, транспортные средства, форму, предметы снаряжения. Уже мы сами начинаем пугаться от мысли, что все это придется раздобыть за несколько недель. Ибо, начиная с тяжелого танка и кончая воинской формой, все это должно изыматься из трофеев, захваченных у противника. А наши запасы союзнической материальной части и не могут быть значительными. В течение последних месяцев наши армии только и делали, что отступали, не имея возможности предпринять крупномасштабную наступательную операцию, которая бы позволила нам захватить достаточно трофеев. Когда 26 октября я представляю генералу Йодлю план формирования нашей "бронетанковой бригады" вместе со списком требуемого оснащения, я еще раз привлекаю его внимание к тому, что из-за недостатка времени мы вынуждены заниматься импровизацией. Я заявляю ему к тому же, что, по моему мнению, наша операция (имеющая кодовое название "Грайф", или "Дракон") окажется успешной только в том случае, если будет проведена в ночь, следующую за началом наступления, чтобы полностью использовать эффект внезапности и растерянность противника. Для этого необходимо, чтобы к вечеру первого дня дивизии первого эшелона вышли на все предусмотренные рубежи, то есть на интересующем нас участке фронта прошли бы гребень небольшого горного массива, именуемого Высокий Фенн; иначе я буду вынужден отказаться от выполнения поставленной мне задачи. К тому же я прошу аэрофотоснимки тех трех мостов, которыми должны будут завладеть мои люди. Я с легкостью получаю одобрение моего проекта формирования бригады вместе с обещанием, что Генеральный штаб поддержит все мои запросы по материальной части. Я сразу же пользуюсь этим, чтобы попросить "одолжить" мне трех опытных командиров батальона, а также придать мне в дополнение к добровольцам еще и несколько однотипных частей вермахта, которые бы послужили основой для моей спешно создаваемой бригады. И тогда мне присылают троих очень способных подполковников, а немного позже — два батальона парашютистов Люфтваффе, две бронетанковые роты вермахта и роту связи. Эти части пополнят обе роты моих "особых частей" и мой батальон парашютистов. Остается решить проблему с добровольцами, "говорящими по-английски". Когда примерно через неделю после распространения — и это слово не слишком сильное — знаменитого "секретного приказа" в Фриденталь прибывают первые сто добровольцев, на меня нападает ужасная тоска. Мне хочется послать все к дьяволу. "Преподаватели" пытаются распределить этих добровольцев на три категории согласно уровню их знаний английского. И вот категория j 1, включающая солдат, говорящих бегло и без акцента по-английски или, еще лучше, на американском сленге, никак не хочет разрастаться. Нам нужны в этой категории сотни людей, а мы в день едва находим одного или двух, которых можно туда зачислить. Впрочем, я должен признаться, что и сам в английском не слишком силен. Какая жалость, что именно уроки английского я выбирал в школе, чтобы бузить! И однако теперь я пытаюсь наверстать упущенное и учусь вставлять время от времени хорошо закрученную фразу. И вот однажды знакоюсь с молодым офицером-авиатором, который хочет быть зачислен в категорию j 1. Я совершенно естественно задаю ему вопрос:

- Give me youг story about youг last duty, please (Расскажите мне, пожалуйста, о вашей службе в последней должности). Бедный парень смущается, колеблется, а затем бросается напролом:

- Yes, Heir Oberstleutnant, I "became" my last order before five manths... Затем новые колебания, и вот он поспешно добавляет по-немецки:

— Если позволите, я объясню вам это на своем родном языке... Ну вот! И такими придется довольствоваться! Нельзя же покрыть добровольца, который явно исполнен энтузиазма. Но такими подвигами, безусловно, не обманешь никакого американца, даже глухого! Когда по истечении двух недель отбор добровольцев завершился, то результат оказался ужасен: в первой категории набралась всего-навсего дюжина людей, в основном бывших моряков, которые, впрочем, составляют и большую часть второй категории. Эта вторая, состоящая из людей, которые говорят более или менее бегло, насчитывает 30 — 40 человек. Третья категория (солдаты, которые могут "объясниться" на английском) — уже более многочисленна — примерно 150 человек. Категория j4 состоит из парней, которые не до конца забыли то, чему их учили в школе, — их примерно двести. Остальные же знают только, как сказать "да" и "нет". Поэтому я вынужден создавать бригаду глухонемых, ибо, зачислив 120 лучших "лингвистов" в роту управления, я исчерпал их запас. Итак, нам придется присоединиться к обратившимся в бегство американским колоннам и при этом не разжимать зубов, как если бы глобальная катастрофа лишила нас дара речи. Чтобы хоть немного выправить эту плачевную ситуацию, мы посылаем людей из второй категории в школу переводчиков и в лагерь американских военнопленных. Но поскольку эти "курсы" длятся всего лишь неделю, то польза от них минимальна. Что же до основной части моих солдат — людей, которые по-английски не понимают ни единого слова — то мы им просто вдалбливаем в голову несколько крепких ругательств Джи-Ай, вместе со значениями "Yes", "No", "O.K.". В дополнение к этому в течение всего дня мы им повторяем основные команды, используемые в американской армии. Вот и все, чем мы можем замаскировать нашу бригаду с точки зрения лингвистики. Но все это бы еще ничего. Положение с нашим оснащением еще более катастрофично. Мы очень скоро понимаем, что никогда не получим американских танков в достаточном количестве. Наконец в день наступления мы становимся счастливыми обладателями двух танков "Шерманн". Вы не ослышались — двух танков, один из которых к тому же откажет, едва пройдя несколько километров. Чтобы заменить недостающие американские танки, инспекция бронетанковых войск выделяет нам двенадцать немецких "Пантер". Мы их маскируем как можем, устанавливая вокруг пушек и башен листы железа, чтобы по крайней мере силуэтом они напоминали "Шерманн". Результат совершенно неудовлетворительный: наши танки не обманут никого, за исключением, может быть, совсем юных новобранцев, да и то лишь издали и в сумерках. Впрочем, нам присылают десять американских и английских бронеавтомобилей. Мы ломаем голову, как использовать английские, — и это проблема неразрешимая, поскольку мы будем сражаться на участке, удерживаемом американцами. В конце концов сами английские машины освобождают нас от этой заботы — с первых же испытаний они безнадежно ломаются. У нас остаются четыре американские машины, и это вынуждает довершить наше оснащение германскими бронеавтомобилями. Технические службы присылают нам также штук тридцать "джипов". Я же уверен, что наши войска на Западном фронте обладают значительным количеством этих машин. К несчастью, "владельцы" этих вездеходов испытывают непреодолимое отвращение к мысли о том, чтобы с ними расстаться. Поэтому они просто игнорируют приказ сдать машины. В конце концов мы утешаемся мыслью, что сумеем их себе найти на фронте в день наступления. Это та же неясная и обманчивая надежда, что повлияла и на решения нашего Верховного Командования при разработке этого наступления: наверху посчитали, что противник вынужден будет оставить огромные запасы бензина. Опасная иллюзия, которая оказалась роковой! Что же до грузовиков, то нам дают пятнадцать американских машин и германские "форды", которые мы приказываем

перекрасить в зеленый цвет. А в отношении вооружения дело обстоит совсем плохо. У нас ровно пятьдесят процентов необходимых нам американских винтовок плюс несколько противотанковых орудий и гранатометов, для которых у нас, однако, нет боеприпасов. Однажды мы все-таки получаем несколько вагонов американских боеприпасов, но на следующий день они взрываются. За исключением роты управления, все части получают, таким образом, немецкое оружие. Но все это были ягодки, а цветочки начались, когда дело дошло до воинской формы. Между тем, это важнейший пункт, непереносимое условие, ибо неуставная форма сразу же привлечет внимание военной полиции. Однажды нам присылают огромное количество одежды, прямо кучей — но, увы, это форма английская. Затем нам привозят вагон шинелей, а это нас совсем не интересует, потому что американские солдаты носят исключительно полевые куртки. Наконец мы получаем все-таки эти самые куртки, но их украшает треугольник военнопленного! Для меня, командира бригады, и то удастся раздобыть только один пуловер американской армии. Пуловер, и ничего более! Наконец после долгих ухищрений нам все-таки удастся одеть наших людей более или менее подходящим образом, и в особенности роту управления. То, чего все-таки еще не хватает, мы добудем во время нашего продвижения, благодаря складам одежды, которые бегущий противник пожелает нам оставить. Пока мы бьемся с этими трудностями, подполковник Хардик начал подготовку людей. Чтобы сохранить секретность, наше учебное поле было объявлено запретной зоной, где даже приостановили почтовую службу. Разумеется, по нашим частям гуляют самые невероятные слухи насчет цели этих таинственных приготовлений. Солдаты знают, что командование бригадой приму я, и ожидают поэтому операции, подобной освобождению Муссолини. Короче, подполковнику Хардику больше не удастся сдерживать всеобщее любопытство, даже несмотря на все более и более строгие меры, принимаемые, чтобы пресечь эти одуряющие слухи. Вскоре в распоряжении об этом уже настолько неприкрыто болтают, что он начинает опасаться за секретность нашей операции. И тогда он приходит сообщить мне о таком положении дел. Выслушивая в своей комнате в Фридендале все невероятные басни, какие разносят мои люди, я чувствую, как на моем бедном черепе волосы встают дыбом. Во всяком случае, фантазии у этих молодцов хватает! Одни знают из надежного источника, что наша бригада пройдет по всей Франции, чтобы освободить гарнизон, осажденный в Бресте. Другие утверждают, что предстоит снять осаду с защитников Лорьяна. Они видели — своими собственными глазами планы, которые должны позволить нам проникнуть в эту крепость. Есть еще добрая дюжина других версий, и это, в общем-то, нас бы вовсе не беспокоило, если бы не приходилось опасаться, как бы союзническая контрразведка не заинтересовалась слишком сильно нашими приготовлениями. Как пресечь эту эпидемию сплетен? По нашему мнению, самый простой способ будет и самым эффективным: отныне мы не станем опровергать ни один из этих слухов, притворяясь раздраженными от того, что наши люди столько знают. Так, думаем мы, удастся посеять смятение в душах союзнических секретных служб. Идет время, причем страшно быстро, и мы форсируем подготовку наших людей. В основном повторяем несколько вариантов на общую тему — плацдарм. В несколько другой области подготовки мы пытаемся освободить наших людей от жесткой выправки, происходящей от немецкой военной школы, с ее чрезмерной и бесполезной дисциплиной. Наконец, мы приучаем их даже пользоваться жевательной резинкой и открывать пачки сигарет истинно на американский манер. Во всяком случае, единственной полностью замаскированной нашей частью оказывается рота управления. Поэтому мы решаем насколько возможно беречь входящих в нее

людей. Впрочем, мы даже не в состоянии заранее поставить им точные задачи. Наши указания должны оставлять солдату самые широкие возможности проявлять инициативу. В качестве передовых фронтовых наблюдателей они сослужат неоценимую службу основной части наших армий. Они должны также будут постараться усугубить смятение, которое воцарится во вражеских рядах, и для этого станут распространять ложные сообщения, преувеличивая начальные успехи германских дивизий, будут менять места указательных столбов, давать фантастические приказы, обрывать линии связи и уничтожать резервы боеприпасов. Однажды, когда я только что закончил проверку своих войск, один из офицеров этой роты попросил меня о беседе наедине. С очень озабоченным видом он заявил:

— Господин полковник, теперь я знаю цель операции, которую мы готовим. На какое-то мгновение он меня озадачил. Неужели Фолькерсам или Хардик единственные посвященные в тайну — проявили невольную несдержанность? Но вот уже офицер, явно довольный эффектом, который произвели его первые слова, шепотом продолжал:

— Бригада пойдет на Париж, чтобы захватить союзнический штаб. Для меня это было уже слишком; мне пришлось сдерживать себя, чтобы не рассмеяться. Я довольствовался неким "хм, хм", которое мало к чему обязывает. Этого хватило, чтобы он с воодушевлением продолжил:

— Учитывая, что я знаю Париж как свои пять пальцев, я бы хотел позволить себе, господин полковник, предложить вам свою помощь. Разумеется, я буду держать язык за зубами. Когда я спросил, какие у него предложения, он изложил мне подробный план. Составить колонну из ложных военнопленных, сопровождаемых солдатами, говорящими в совершенстве по-английски, и она пройдет прямо до Парижа. Можно даже взять с собой германские танки под видом трофеев, которые якобы будут представлены союзническому штабу главного командования. Мне с трудом удалось остановить этот словесный поток. В конце концов я его выпроводил, приглашая проработать свой план во всех подробностях и затем снова прийти ко мне и в дальнейшем помалкивать. Много позже я узнал, что он не послушался этого моего последнего указания. А именно — не одну неделю союзническая контрразведка держала под наблюдением Кафе-де-ля-Пэ, которое я "имел неосторожность" упомянуть в нашем разговоре.

Примерно в середине ноября Верховное Командование отодвинуло дату наступления, назначенного сначала на 1 декабря, затем на 10-е, а потом на 16 декабря. Подготовка наступательного боевого порядка не была завершена, оснащение дивизий было неполное. Эти последовательные задержки указывали, что в эту битву должны быть брошены буквально последние резервы людей и техники. Этот же вывод следовал из ежедневных совещаний в ставке фюрера, куда меня вызывали три раза. И всякий раз я слышал, что у такой-то дивизии нет танков, у другой — пушек, у третьей — грузовиков. Я хорошо представлял, что генерал Гудериан, командующий Восточным фронтом, горько сожалеет о каждом танке, о каждом батальоне, которые у него берут, чтобы перебросить на запад. В

общем, наши возможности теперь напоминали простыню, слишком маленькую для кровати, которую она должна покрыть. Когда хочешь прикрыть ноги, то есть запад, приходится высовывать голову, то есть восток. Однажды донесение Люфттваффе показало, что даже величайшее мужество наших летчиков не могло уравновесить численное превосходство противника. Внезапно я услышал, как произносят цифру: "В арденнском наступлении будут участвовать 250 реактивных истребителей". Я не поверил своим ушам. Неужели это все, что осталось от цифры две тысячи, которую сам фюрер объявил мне 22 октября? Но Гитлер даже и не слушает такие сообщения. Он явно уже смирился с нашим поражением в воздухе. В конце совещания фюрер еще раз напомнил мне свой приказ не пересекать вражеские линии самому. Мне придется довольствоваться тем, что буду управлять своими отрядами по радио. Этот запрет, высказанный безоговорочным тоном, меня ужасно огорчил, потому что я думал, что фюрер об этом больше не вспомнит. Неужели мне придется оставаться в тылу, когда мои товарищи поведут эту безнадежную битву? В первый раз такое! Про себя я решил сообщить об этом приказе своим комбатам — что мне не будет слишком приятно, — добавив все-таки, что присоединюсь к ним, если положение станет критическим. Во всяком случае, я не стану отсиживаться в штабных кабинетах — найду себе место поближе к фронту. Так или иначе, похоже, до настоящего времени наши приготовления полностью ускользнули от наблюдения союзников. Вражеский фронт остается спокойным и совсем не получает подкреплений. Видно, американцы готовятся к продолжительному отдыху. Не думаю, что они смогут наслаждаться им долго.

В ночь с 13 на 14 декабря мы занимаем наши исходные позиции. Четырнадцатого декабря я официально принимаю командование бронетанковой бригадой. В избушке лесника даю последние указания своим комбатам. Прежде всего, нужно поддерживать постоянную связь. Затем настаиваю, чтобы не стреляли ни при каких условиях. Малейший выстрел может погубить всю операцию. Наши группы должны продвигаться, продвигаться и не позволять никому сбить себя с пути. На месте надо будет посмотреть, как овладеть мостами. В любом случае мы не можем позволить втянуть себя в настоящее сражение: для этого мы слишком слабы. Впрочем, наш замысел осуществим только при двух условиях: надо, чтобы фронтовые порядки противника рухнули, а мы уже в первый день смогли проникнуть далеко в глубь вражеских линий. Ночью с 15 на 16 декабря никто не спит. Мы рассчитываем выступить в путь через несколько часов после начала наступления. Три мои группы радистов расположились на опушке леса. Они мне уже передали первые сообщения от моих трех отрядов: те заняли позиции позади бронетанковых частей. По моему сигналу они облачатся в союзническую форму и бросятся через брешь в линиях противника в Глубь его территории. Теперь мы все ждем в почти невыносимом нервном напряжении. Медленно, очень медленно занимается заря 16 декабря 1944 года. Вдруг одновременно просыпаются тысячи пушек — они выплевывают на вражеские позиции целый шквал снарядов. Вскоре огневой вал перемещается вперед, дальность стрельбы увеличивается, немецкая пехота готовится идти в атаку. Не в силах усидеть на месте, я отправляюсь в штаб нашего корпуса. Примерно в семь часов поступают первые донесения. Их нельзя назвать особенно блестящими, но день еще далеко не закончился. Судя по всему,

огонь нашей артиллерии, пусть и яростный, не ослабил американские позиции близ Лоосхайма. Враг сопротивляется с исключительным упорством, наша атака захлебывается. Мы ждем стиснув зубы. В полдень нам сообщают об ожесточенных боях, некоторых продвижениях вперед, но это, конечно, не тот прорыв, на который мы рассчитывали. Я удивляюсь, почему командование до сих пор не пускает в ход танки. Они продвинулись на несколько километров — ровно на глубину нашего проникновения, — так что теперь занимают исходные позиции пехоты. Мои боевые группы по-прежнему стоят позади них. Немного позднее мое радио сообщает о гибели подполковника Хардика. Капитан фон фолькерсам берет на себя командование его батальоном. В течение дня 16 декабря 6-й бронетанковой армии так и не удается достичь решающего успеха. Вскоре, пополудни, все понимают, что если пытаться еще осуществить большой прорыв, то надо вводить в бой танки. Чтобы получить общую картину, я пытаюсь сгонять на автомобиле в Лоосхайм. На дорогах невообразимые пробки из самых разных машин. Чтобы добраться до этого городка, мне приходится все время слезать, кричать, ругаться, толкать, отдавать приказание шоферам зажатых грузовиков, так что по крайней мере десять километров я иду пешком. В городе отчетливо слышен шум сражения. В лесу, окружающем город, безуспешно пытаются продвинуться парашютисты, пошедшие в атаку утром; немного дальше к югу, однако, положение выглядит более благоприятным. На этом участке, похоже, мы осуществили достаточно серьезное продвижение. В Лоосхайме я встречаю часть своей роты управления, то есть тех людей, которых оставил в своем распоряжении. И теперь немедленно мне приходится принять крайне важное решение: судя по всему, сегодня наши войска не выйдут на те рубежи, которые они должны были захватить в эти первые сутки наступления. По логике я должен бы был просто отменить операцию "Дракон", акцию, которая для меня так важна и которую мы с таким трудом подготовили. Я никогда не принадлежал к тем людям, кто легко отказывается от задуманного. Впрочем, у меня остается одна надежда: если этой ночью наши танки пойдут в атаку, наступление еще может удалиться. Так что я подожду еще 24 часа. Если завтра мы пройдем гребень Верхнего Фенна, то у наших армий появится реальная возможность достичь Мезы, и тогда предварительный захват мостов моими частями может решить судьбу сражения. Из самых "горячих голов" роты управления я составляю три группы, которые займутся дезорганизацией вражеских тылов. Даю им приказание отыскать, дальше к югу, возможность просочиться за союзнические линии, чтобы по мере возможного выполнять различные задания. Я прошу их прежде всего обследовать те три дороги, по которым, если все пойдет хорошо, проследуют мои три отряда. Затем я возвращаюсь в штаб корпуса. Около полуночи танки идут в атаку. Первые вести о их продвижении приходят к нам на рассвете. Совершенно изнуренный — я не спал уже 36 часов, — бросаюсь на матрас и тут же погружаюсь в глубокий сон. Немного позднее меня будят, чтобы сообщить о возвращении первой группы. Новости, которые она принесла, интересны в основном для Верховного Главнокомандования. Около пяти утра штаб получает первое сообщение от танков: "Только что заняли, при сильном сопротивлении противника, деревню Хонсфельд". Возможно, думаем мы, наступление наконец-то тронется с места. Вскоре и другая танковая группа, ведущая бои дальше к югу, тоже сообщает о значительном продвижении вперед. Утром мой штаб должен переместиться к западу, в район Мандерфельда. Я решаю отправиться туда в разведку. Пробки на дорогах еще более глухие, чем вчера. Бесперывная цепочка машин продвигается маленькими скачками: пятьдесят метров, сто метров, еще пятьдесят. Вскоре я теряю терпение, поворачиваю обратно и пытаюсь проехать по разбитым, едва проходимым дорогам.

Но едва я добираюсь до деревни, как снова попадаю в этот хаос. Я смиряюсь, оставляю машину и продолжаю путь пешком. Иногда мне удается благодаря неустанному терпению, распутать какую-нибудь кучу застрявших грузовиков. Всякий раз, когда я вижу офицера, развалившегося на мягком сиденье своей машины, приказываю ему выйти и попытаться регулировать это невероятное движение. На одном подъеме близ Штадткилла дорогу полностью перегородил огромный прицеп Люфтваффе, зацепивший несколько машин. Человек тридцать безуспешно пытаются высвободить эту платформу на колесах. Когда я спрашиваю о ее грузе, то с удивлением узнаю, что это запасные части к "Фау-1". Вероятно, их заслали так далеко вперед в надежде, что уже в первый день наш фронт значительно продвинется к западу; теперь этот приказ уже не имеет смысла, но какой-то дурак забыл его отменить. Видя, что проклятый прицеп никак не хочет принять нормальное положение, я собираю всех людей из застрявших грузовиков. Вскоре платформу разгружают уже сотни рук; затем мы ее переворачиваем и она плюхается в озеро, расположенное у дороги. В пятнадцать минут дорога освобождена. Вечером в Мандерсфельде я присутствую на настоящем военном совете. Северная группа наших танков сумела продвинуться только ценой жестоких боев. Теперь эти танки ведут сражение на подступах к Ставло, упорно защищаемому американцами. Конечно, новости с других участков более благоприятны, но еще далеко не хороши. Безусловно, это неожиданное наступление застало противника врасплох, но он цепляется за местность, хотя мы надеялись, что он будет откатываться без боя; что же до поспешного бегства, которое одно и могло позволить операции "Дракон" достичь весомого успеха, то об этом не идет и речи. Мы и думать не можем, чтобы на завтра достичь Мезы, и даже на послезавтра надежды мало. В сражение уже решительно вступают мощные вражеские подкрепления. В этих условиях я вынужден смириться и отказаться от нашей операции: всякая импровизация будет лишь чистым безумием. Конечно, я принимаю это решение с тяжелым сердцем; но после долгого размышления я вижу, что не имею права поступать иначе. Об этом я сообщаю в штаб 6-й армии, который дает мне добро. С другой стороны, я предупреждаю свои боевые отряды, приказывая им расположиться лагерем на месте и ждать моих указаний. Наконец, я вверяю свою бригаду в распоряжение первого бронетанкового корпуса СС — раз уж мы здесь, то лучше принести хоть какую-то пользу — и прошу, чтобы нам поставили пехотную задачу, соответствующую нашим возможностям. Между тем, с 18 декабря продвижение группы, в которую мы входим, резко останавливается. В Труапоне, который группа захватывает с 11 утра, мосты взорваны. Пополудни наши войска овладевают еще Ля-Глез и Стомоном. Но уже во всех сообщениях, приходящих с переднего края, содержатся запросы боеприпасов и горючего. Пока не будет того и другого, войска останутся на месте. И несмотря на все наши усилия, грузовики, посланные нам на помощь, до нас не доходят. Теперь о продвижении вперед и помышлять уже не стоит. На следующий день появляется новая забота. Почти весь северный фланг выступа, созданного нашим наступлением, оказывается открыт. Там Мальмеди, важное пересечение дорог, и именно через него враг сможет перебросить подкрепления к югу и попытаться отрезать нас от исходных рубежей. Меня спрашивают, не хочу ли я заткнуть эту дыру, атаковав город; как только Мальмеди будет в наших руках, то вражеского удара можно будет не опасаться. Разумеется, я отвечаю согласием и даю своим трем боевым отрядам приказ собраться в течение дня 20 декабря вокруг деревни Энгельсдорф. Там я представляюсь в штаб первой бронетанковой дивизии СС и хочу выяснить, возможна ли немедленная атака. Поскольку мы не располагаем ни единым артиллерийским орудием, то решаем напасть на Мальмеди с двух сторон сразу на

рассвете 21 декабря. Нашей целью станет цепь холмов к северу от города, где мы и зароемся, чтобы отразить возможные контратаки. На данный момент обе дороги, которые подходят к деревне с севера, защищаются двумя отделениями по девять человек в каждом по-моему, весьма шаткое прикрытие. Двадцатого декабря разведывательный отряд, посланный мною в Мальмеди, сообщает, что город удерживается, по всей видимости, лишь очень незначительными силами противника. Начальник этого отряда, старый капитан военно-морского флота, докладывает мне с откровенностью столь же похвальной, сколь и озадачивающей. Он совсем и не собирался переходить линию фронта, но..., заблудился. Внезапно, когда он меньше всего этого ожидал, очутился у самой окраины городка. Несколько прохожих спросили у него, придут ли немцы. Поняв, что он попал в Мальмеди, все еще занятый американцами, он повернул обратно и поспешил вернуться в Энгельсдорф. — В общем, нам чертовски повезло, — заключает он, пытаясь изобразить улыбку. Из этого приключения я делаю вывод, что город почти не защищен. Возможно, нам удастся его захватить даже без артподготовки. Во всяком случае, у меня осталось десять танков — все остальные сломались. Между тем я получаю известия от групп, посланных за линию фронта, чтобы дезорганизовать вражеские тылы. Из девяти групп, получивших такой приказ, только шесть или самое большее восемь сумели по-настоящему пересечь линию огня. Даже сегодня я не могу назвать точную цифру. Впрочем, я хорошо понимаю, что многие из этих молодых солдат побоялись признаться, что им изменило мужество, когда пришлось просачиваться в боевые порядки противника. С другой стороны, я знаю, что два из этих отрядов были взяты в плен. Четыре других впоследствии представили мне такие ясные и точные донесения, что подвергать сомнению их нельзя. Ради любопытства я бы хотел коротко пересказать некоторые из этих эпизодов. Одной из моих групп удалось уже в первый день наступления пройти сквозь брешь, открытую в союзнических линиях, и продвинуться до Юи, что вблизи берегов Мезы. Там они спокойно устроились на пересечении дорог, чтобы наблюдать за движением вражеских войск. Командир группы, бегло говоривший по-английски, даже дошел в своей смелости до того, что прогуливался по окрестностям, чтобы "ознакомиться с ситуацией". Несколько часов спустя они увидели, как прибыл бронетанковый полк, и командир его спросил у них дорогу. Не моргнув глазом наш командир дал ему совершенно завиральный ответ. А именно заявил, что эти "немецкие свиньи" только что перерезали несколько дорог. Он сам получил приказ сделать со своей колонной большой крюк. Очень радостные, что их предупредили вовремя, американские танкисты и в самом деле направились по пути, который указал им наш человек. Возвращаясь обратно, этот отряд перерезал несколько телефонных линий и снимал таблички, развешанные американской интендантской службой. Двадцать четыре часа спустя он вернулся в наши порядки, принеся интересные наблюдения о сумятице, которая в начале наступления царила позади линии фронта у американцев. Другой из этих маленьких отрядов также перешел за линию фронта и продвинулся до самой Мезы. Согласно его наблюдениям, союзники, можно сказать, ничего не сделали для того, чтобы защитить мосты в этом районе. На обратном пути отряд перегородил три шоссе, ведущие к переднему краю, развесив на деревьях цветные ленты, которые в американской армии означают, что дорога заминирована. Впоследствии мы увидели, что союзнические колонны подкрепления и в самом деле избегали этих дорог, предпочитая делать большой крюк. Третья группа обнаружила склад боеприпасов. Наши люди спрятались до наступления темноты, а затем взорвали этот склад. Немного позднее они нашли телефонный кабель-коллектор, который сумели перерезать в трех местах. Но самая замечательная история приключилась еще с одним отрядом,

который уже 16 декабря внезапно оказался перед американскими позициями. Две роты Джи-ай устроились там будто на долгую осаду, построили баррикады и установили пулеметы. Наши люди, должно быть, здорово перепугались, особенно когда один американский офицер спросил у них, что известно из последних вестей с фронта. Взяв себя в руки, командир отряда, одетый в прекрасную форму американского сержанта, рассказал капитану-янки весьма занятную историю. Вероятно, испуг, который читался на лицах наших солдат, американцы приписали последней стычке с "проклятыми немцами". Ибо, по словам командира отряда, немцы уже обошли эту позицию, как справа, так и слева, так что она была практически окружена. Пораженный, американский капитан немедленно дал приказ об отступлении. В общем, учитывая обстоятельства, успех этих отрядов далеко превзошел мои надежды. Кстати, несколько дней спустя американское радио в Кале говорило о раскрытии огромной сети шпионажа и диверсий в тылу союзников — и эта сеть подчинялась полковнику Скорцени, "похитителю" Муссолини. Американцы даже объявили, что захватили более 250 человек из моей бригады — цифра явно преувеличенная. Позже я узнаю, что союзническая контрразведка, пылая воодушевлением, даже арестовала некоторое количество настоящих, ни в чем не повинных американских солдат и офицеров. Забавных историй, которые мне после войны рассказывали некоторые американские офицеры, могло бы набраться на целый том. Например, капитан X, обнаружил в одном французском городе сундучок немецкого офицера, откуда взял пару сапог. Поскольку чисто случайно они подошли ему по размеру, то он и носил их каждый день. Но военная полиция, бросившаяся ловить шпионов, обнаружила это и сделала вывод, что капитан X, был, — несомненно, должен был быть — немецким шпионом. В результате несчастного арестовали и немного помяли. Он уверял меня, что никогда не забудет ту неделю, что провел в весьма неудобной военной тюрьме. А два молодых лейтенанта США, прибывшие во Францию в декабре 1944 года, были однажды приглашены к одному командиру части, уже привыкшей к жестоким фронтовым условиям. Любезные и вежливые, эти два молодых офицера, естественно, посчитали, что должны как-то выразить свое восхищение едой, которая, однако, состояла из одних консервов. Эта похвала вкупе с их незапятнанной, новенькой формой сразу же навели на них огромное подозрение, да такое, что срочно была вызвана военная полиция, которая вытащила их из кресел и препроводила в тюрьму. Ибо ветераны, испытывавшие к консервам невероятное отвращение, никак не могли поверить, что настоящий американец мог найти для такой пакости слова похвалы. И это еще не все. Считая, что я способен на самые страшные злодеяния и на самые дерзкие замыслы, американская контрразведка сочла необходимым принять исключительные меры предосторожности для безопасности союзнического верховного главнокомандования. Так, генерал Эйзенхауэр очутился на несколько дней в заточении в собственной ставке. Ему пришлось разместиться в домике, охраняемом несколькими кордонами военной полиции. Вскоре генералу это надоело, и он попытался всеми способами отделаться от этого надзора. Контрразведке удалось даже найти двойника генерала. Это был штабной офицер, чье сходство с Эйзенхауэром было действительно поразительным. Каждый день ложный главнокомандующий, одетый в генеральскую форму, должен был садиться в машину своего командира и отправляться в Париж, чтобы привлечь к себе внимание "немецких шпионов". Точно так же в течение всего арденнского наступления маршал Монтгомери рисковал, что военная полиция его арестует и примется допрашивать. Дело в том, что какой-то милый фантазер распустил слух, что один из членов "банды Скорцени" занимается шпионажем, переодевшись в форму британского маршала.

Поэтому военная полиция тщательно изучала внешний вид и поведение всякого британского генерала, передвигавшегося по Бельгии.

После этого небольшого отступления давайте, с вашего согласия, вернемся в Мальмеди. Пополудни 20 декабря в Энгельсдорф прибыли два из моих отрядов. Третий находился слишком далеко и вовремя прибыть не смог. Решительно мы были не слишком многочисленны и не стали путаться под ногами друг у друга. Я решил нанести удар на рассвете 21 декабря. Первый отряд пойдет в атаку с юго-востока, а второй, под командованием Фолькерсама, с юго-запада. Они должны попытаться прорвать первые линии обороны противника и продвинуться до самого центра города. В случае если они столкнутся с сильным сопротивлением, то оставят часть людей перед американскими позициями и попытаются основными силами занять холмы к северу от Мальмеди. Ровно в пять часов колонны пошли в атаку. Несколько минут спустя первый отряд остановила яростная канонада, и он вышел из боя, отступив на исходные позиции. А что же касается второй колонны, то вскоре я уже спрашивал себя, что с ней могло случиться. Уже больше часа от нее не было никаких вестей. Едва полностью рассвело, я отправился пешком к линии огня. С вершины холма мне открылся прекрасный вид на огромную кривую, которую описывает дорога к западу от Мальмеди; сам город был скрыт в складке местности. И вот на этом отрезке дороги я различил в подзорную трубу шесть наших танков "Пантера", которые вели беспощадную — и безнадежную — битву с явно превосходящими бронетанковыми силами противника. Дьявол! Именно эти "Пантеры" должны были прикрывать левый фланг нашей атаки! По всей видимости, Фолькерсам, пылкий и упорный, все еще не отказался от мысли овладеть городом. Вскоре, однако, на наши позиции возвращаются первые солдаты. Они сообщают мне, что наткнулись на прочные и хорошо защищенные укрепления, взять которые не представляется возможным без артиллерийской поддержки. Наши танки ведут отчаянный бой, чтобы по крайней мере прикрыть отступление. Я перегруппировываю своих людей за холмом, чтобы подготовиться отразить возможную контратаку противника. Но Фолькерсама я по-прежнему не вижу. Наши бронеавтомобили уже привезли последних раненых. Мое беспокойство непрерывно растет: неужели я потерял в этом глупом деле своего близкого друга и верного помощника? Наконец появляется и он и начинает взбираться по луку, ведущему к вершине холма. Я замечаю, что он тяжело опирается на руку нашего врача. Добравшись до меня, он очень осторожно садится на влажную землю. Со слабой улыбкой объясняет, что получил осколок в самую мясистую часть тела. Под защитой нескольких базук мы устраиваем короткое совещание. Командир бронетанковой роты, который вскоре, хромя, присоединяется к нам — а мы его считали уже погибшим, — сообщает, что смог продвинуться до самых позиций американской артиллерии и раздавить одну батарею. И только контратака колонны, в два раза превосходившей числом его собственную, отбросила его до самой большой дуги дороги. Но, пытаясь удержаться на этом открытом месте, он потерял все свои танки до последнего. Теперь мы вынуждены сидеть тихо, по крайней мере пока. Пополудни я поднимаю свои отряды на гребень холмов, где мы занимаем ужасно тонкой линией фронт в 10 километров. Тем временем огонь вражеской артиллерии все время усиливается, и теперь деревню Энгельсдорф и

окрестные дороги трамбуют настоящей бомбардировкой. К вечеру я отправляюсь в штаб дивизии представить свой рапорт. Объяснив наше положение начальнику штаба, я иду к единственной гостинице этого маленького городка. Находясь еще метрах, может быть, в тридцати от входа, слышу знакомый свист и прыжком бросаюсь под арку. Мгновение спустя на прицеп, который служит кабинетом начальнику штаба, обрушивается огромный "чемодан". Но этому офицеру страшно повезло: когда мы вытаскиваем его из-под обломков фургона, то оказывается, что, за исключением крохотного осколка в спину, он не получил ни царапины. Поскольку пребывание в этом местечке становится все более и более опасным для здоровья, я вскакиваю в свою машину, которая, к счастью, оказалась в безопасности позади гостиницы. Мой шофер включает сцепление и рвет с места. Ночь темна, наши огни, разумеется, тщательно замаскированы. Медленно, вслепую мы выискиваем путь, тщательно стараясь держаться середины дороги. Едва мы пересекаем небольшой мост, как совсем рядом с нами падают и взрываются три снаряда. Я чувствую будто удар по лбу, инстинктивно выпрыгиваю из открытой машины и бросаюсь наугад в кювет. Мгновение спустя на мою машину, фары у которой потушены, наезжает какой-то грузовик, движущийся в противоположном направлении. По лицу у меня течет что-то теплое, я осторожно ощупываю себе щеки, нос: над правым глазом мои пальцы нащупывают лоскут дряблого мяса. Я в ужасе вздрагиваю: неужели глаз потерян? Хуже этого, наверное, ничего случиться не может. Всю свою жизнь я жалел слепых, и их судьба мне казалась особенно ужасной. Даже не думая о снарядах, которые теперь градом падают вокруг меня, я тихонько ощупываю место под этим разодранным мясом. Слава Богу! Глаз цел! Тут же я беру себя в руки. Мой шофер невредим, машина выдержала удар и даже согласна ехать дальше. Нам удастся развернуться — тем хуже для капота, — и вот несколько минут спустя мы уже снова в штабе дивизии. Судя по оторопелым лицам офицеров, вид у меня еще тот. В зеркале я осматриваю свое лицо, естественно левым глазом. Конечно, я выгляжу далеко не красавцем. Но когда на правой штанине моих брюк шофер обнаруживает четыре дыры, а я нахожу на своей коже следы двух осколков, которые через нее прошли, то ко мне сразу возвращается хорошее настроение. Решительно, другого такого счастливирика надо еще поискать. Ожидание врача оказывается достаточно приятным благодаря стакану коньяка и гуляшу с походной кухни. К несчастью, мне трудно курить — кровь сразу же смачивает сигарету, и у нее странный вкус. Наконец появляется медик и решает немедленно забрать меня в санчасть. По правде говоря, я рад покинуть эту адскую долину, а то еще и в самом деле сложу здесь свою голову. Врачи хотят меня эвакуировать в тыл, но я желаю как можно скорее вновь принять командование своей частью. Положение и в самом деле слишком тяжелое, чтобы я мог думать о возвращении в Германию. К тому же я чувствую себя почти твердо на ногах. Хирург пожимает плечами, делает мне местный наркоз, вытаскивает из меня несколько осколков и зашивает рану. Крепкая повязка удерживает кожу на месте. На следующий день я снова на своем посту. Там я вижу, что наши позиции вот-вот могут стать безнадежными. Кажется, что у вражеской артиллерии появилась болезненная привязанность к моему хилому воинству. В течение дня один снаряд, летящий настильно, превращает в щепки одно место, особенно благоприятное для размышлений в одиночестве; другой влетает в дверь стойла и убивает нашу бедную корову. Не было бы счастья — у нас появилось свежее мясо. На следующую ночь нас будит необычный шум. Над нашими головами чертят свои сверкающие траектории снаряды "Фау-1", летящие на Льеж. Это нас немного примиряет с Люфтваффе, до того столь упрямо остававшейся невидимой. Но когда одну или две ночи спустя один из этих снарядов врывается в холм, расположенный примерно в

ста метрах от нашего дома — и, к счастью, не взрывается, — то нам уже не до умиления. Кто нам поручится, что следующий "Фау-1" не вызовет большие разрушения? Возможно, и верен слух, что иностранные рабочие, занятые на монтаже навигационных устройств "Фау-1", все чаще и чаще намеренно портят эти тонкие аппараты. Двадцать третьего декабря я отправляюсь в Мейрод, чтобы потрясти штаб 6-й бронетанковой армии. Наше оснащение плачевно, тем более что оно не предназначалось для такого длительного сражения. Поскольку у нас нет походных кухонь, то каждый раз приготовление горячей пищи оказывается мучительной проблемой. У нас нет зимнего обмундирования и, что самое главное, у нас нет артиллерии. Мое путешествие получается богатым перипетиями. Снова установилась хорошая погода и очистила небо для авиации, но только не для нашей, поскольку ее совсем не видно. Нам постоянно приходится останавливаться и бросаться в кювет. Иногда, стараясь проскочить опасное место, мы катим напрямую по полю, и тоща у нас нет кювета — мы просто ложимся на живот, носом в грязь. Во время одного из таких упражнений я вдруг начинаю дрожать, клацать зубами и потеть... Видимо, этим приступом лихорадки я обязан своей ране: несмотря на перевязку, она слегка воспалилась. На какой-то брошенной ферме я ложусь в крестьянскую кровать, проглатываю несколько таблеток и хлебаю грог, который содержит больше рома, чем чаю. Мой шофер и мой офицер-ординарец продолжают путь в Мейрод без меня. По их возвращении, несколько часов спустя, я уже достаточно оправился, чтобы вернуться "домой", то есть на свой командный пункт. Двадцать четвертого декабря наконец-то появляется тяжелая батарея, которую мы ждем уже столько времени. Я сразу же показываю ее командиру те места, которые подготовил для него или, точнее, для его орудий, а затем объясняю ему с помощью карты те цели, которые он должен накрыть огнем. Он качает головой, прочищает горло и слушает меня без единого слова. Но когда я прошу его установить пушки, он снова обретает дар речи. — Полковник, — заявляет он, — должен заявить вам, что располагаю на все про все шестнадцатью выстрелами на каждое орудие и на данный момент не могу рассчитывать ни на какое снабжение боеприпасами. Сначала я немею, слишком ошеломленный, чтобы произнести хотя бы слово. Плакать мне или смеяться? Вот наконец-то подошла артиллерия, которую мы ждали с таким нетерпением, она прибывает к нам на Рождество, почти как подарок, но теперь у нас нет боеприпасов. Понятно, что командир батареи сделать тут ничего не может, он и сам удручен, но мой телефонный разговор со штабом 6-й армии проходит на повышенных тонах. Разумеется, мои припадки гнева ни к чему не приводят. Мы так никогда и не получим этих боеприпасов. Не раз и не два я вспоминаю свой последний разговор с фюрером. По его заявлениям, организация "Тодта" приняла все необходимые меры, чтобы обеспечить подвоз горючего и боеприпасов, без малейшей задержки, до самого переднего края, а именно с помощью газогенераторных грузовиков. Для этой цели "Тодт" собиралась разместить вдоль дорог несметные запасы дров, чтобы заправлять ими эти грузовики. И вот за все свои бесчисленные поездки по всему этому району я ни разу не видел хотя бы одного из этих пресловутых газогенераторных грузовиков. Пусть мне что-нибудь объяснят... 28 декабря 1944 года нас сменяет пехотная дивизия. На следующий день мы устраиваемся на временных квартирах к востоку от Сен-Вита. Вскоре начинается всеобщее отступление, волны которого уносят нас обратно в Германию... Для меня, как и для всей германской армии, великое наступление в Арденнах оборачивается великим разгромом.

КОНЕЦ

Тридцатого января приказ за подписью Гимmlера кладет конец моей карьере командира диверсионного отряда. На меня возлагается задача сформировать из моих "особых частей" плацдарм на восточном берегу Одера, близ Шведта, и удержаться там во что бы то ни стало, чтобы позволить подготовить последующее наступление, которое начнется с этого плацдарма. После невероятных сложностей мне удается набрать достаточное количество частей, впрочем весьма разношерстных, чтобы твердо занять назначенные позиции. Удастся также установить минимум артиллерии и в особенности несколько поднять боевой дух солдат. Это разгром — верный, непоправимый, неизбежный. Разумеется, о наступлении даже не пойдет и речи. Став командиром дивизии, я тщетно пытаюсь ограниченными, но беспрестанными ударами помешать развертыванию боевых порядков советских армий, которые готовятся нанести нам последний удар. Вскоре плацдарм оказывается всего лишь островком в бурном потоке миллионов беженцев и тысяч беглецов в военной форме. Но мы пока держимся, во всяком случае до 28 февраля, когда приказ Фюрера вызывает меня в Берлин. С болью в сердце я прощаюсь со своими "особыми частями", которых уже больше никогда не увижу. В последующие месяцы обвал военного сопротивления Германии только нарастает. Не буду здесь останавливаться на сумятице, упадке духа, ужасных сценах, которые происходят повсюду, это болезненные воспоминания, которые я совсем не хочу ворошить. 10 апреля 1945 года я оказываюсь в Австрии, в почти окруженной Вене. В то утро немецкое радио объявляет:

— Берлин останется нашим, Вена будет освобождена! Несколько минут спустя на площадь в центре Берлина упадет первый русский снаряд. В Вене я хорошо вижу, что все потеряно. Мой родной город уже оккупирован советскими солдатами, за исключением нескольких районов, которые еще держатся чудом. Тридцатого апреля — в этот день я ухожу с небольшим отрядом в сторону Альп — к нам приходит известие о смерти Адольфа Гитлера. Решительно это конец. Шестого мая адмирал Дениц, глава нового немецкого правительства, объявляет о прекращении военных действий. Начиная с этого дня всякие передвижения войск запрещены. Но я уже принял решение укрыться вместе с людьми и офицерами, которые у меня еще остаются, в Альпах, в районе Тауэрна. Разумеется, пресловутый "баварский опорный район", последняя крепость последних приверженцев, не существует, — впрочем, он никогда и не существовал, кроме как на бумаге. И вот мы — Радль, Хунке, три солдата и я — устроились в небольшой избушке над долиной Радштаттской. Мы знаем, что это местечко только что занято американской частью. Поскольку я полагаю, что американская секретная служба меня разыскивает, то предупреждаю этих военных письмом, что через несколько дней сдамся. Пока же мне хотелось бы насладиться глубоким покоем, который царит в этой местности. Ответа нет... Но не могу же я до бесконечности сидеть в этой хижине! Снова посылаю письмо в американскую часть с просьбой, чтобы они согласились 15 мая предоставить в мое распоряжение машину, на которой я, смог бы поехать в Зальцбург. Мы намереваемся явиться в штаб американской дивизии, расквартированной в этом городе, и сдать в плен. Пополудни 15 мая мы прибываем в Зальцбург. Сначала никому до нас нет дела. Поскольку мы настаиваем, то нас перевозят в соседний городишко, где нашу сдачу соглашается принять командир батальона. Переводчик прежде всего требует мой револьвер. Затем мне приходится вывернуть карманы, меня обыскивают... Теперь уже война и в самом деле для нас закончилась. Я считаю, что, подобно многим другим, честно выполнил

свой долг: мои люди вели жестокие бои на всех фронтах, и все это — чтобы испытать разгром. Теперь будь что будет я всего лишь пленный.